

ИГОРЬ-СЕВЕРЯНИН

**ИСТОРИЯ ПОСЛЕДНИХ
УНИЖЕНИЙ
ПОЭТА**

**В ПИСЬМАХ К ЖЕНЕ ФЕЛИССЕ,
В ВОСПОМИНАНИЯХ СОЖИТЕЛЬНИЦЫ
ВЕРЫ КОРЕНДИ,
В ВОСПОМИНАНИЯХ
СОВРЕМЕННИКОВ**

материалы к
биографии
поэта.

**Таллинн
2024**

© 2024 Michael Petrov. Составление, оформление,
комментарии. petrov@infonet.ee

Und Doch...

Этично ли предавать огласке интимные письма поэта? Давно уже я не находил веских оснований отказаться от публикации, всё же время пришло только теперь, хотя уголья под золой ещё горячи.

Истории *семейного счастья* поэта с Верой Борисовной Коренди в 2025 году исполнится 90 лет. Она вписана в историю отношений супругов Лотарёвых гораздо основательнее, чем это может показаться на первый взгляд. Казалось бы, *вот закончилась эпоха Фелиссы, а вот началась эпоха Веры Борисовны*. Но нет: в истории последних унижений поэта повинны обе женщины — это их общая эпоха.

Жёсткая и целеустремлённая Коренди (урождённая Запольская) с молодости была для всех исключительно *Верой Борисовной*. Даже личные письма она подписывала «В.Б.» Без вмешательства Веры Борисовны сложно понять причину ссоры и разрыва отношений супругов Лотарёвых. Будем честны, Игорь Васильевич сам подавал повод, причём нередко. Соблазнительно списать их исключительно на распущенность поэта. При этом он сам называл невинный фокстрот кроватью, поставленной вертикально в «минуту любви покупной».

Фелисса знала некую тайную причину, по которой домашние и гостральные увлечения поэта, хотя и доставляли множество личных неудобств, в окончательный расчёт не принимались. Вера Борисовна этой тайны не знала, поэтому интерпретировала отношения супругов достаточно прямолинейно:

«А ведь Северянин мне рассказывал, что любви уже в конце первого года замужества не было. Да и была ли она вообще?.. Может быть, только угар?.. Недаром сборник стихов назван “фея ei ole” – “несуществующая фея”. Между прочим, Ф.К. заявила раз Игорю: “Между прочим, Вы мне не нужны были. Нужны были заграничные турнэ”». (Вера Коренди. Воспоминания об Игоре-Северянине. Кольвань, 2006. Издание М.Петрова.)

Приступать к чтению интимных писем поэта к жене следует, имея в виду историю его не совсем романтических отношений с Верой Борисовной Коренди. Не зная предыстории, вы вообще ничего не поймёте в этих странных письмах.

— *Я клянусь, что это любовь была,* — сказал нам однажды Окуджава, — *посмотри: ведь это её дела. \ Но знаешь, хоть Бога к себе призови, \ Разве можно понять что-нибудь в любви?*

Булат Шалвович как всегда был прав. Даже зная, условно говоря, всё, увы, мы тем не менее ничего не поймём в чужом интиме. Примите это без гнева: таков парадокс любви. *Und Doch...*

Начало истории

Мы знаем лишь версию Веры Борисовны — недостоверную, однако единственную. Отец В.Б. пишет прекрасные стихи. Муж Порфирий Коренев (на фото) посвящает ей стихи на французском языке. В.Б. сама пишет сказки, которые имеют колоссальный успех у дочери Валерии и многих внуков. Достоверно известно только об одном внуке — Игоре Северяnine-младшем сыне актёра Русского Драматического Театра Олега Мирова. Второй внук — Борис — загадка.

И вот, Вере Борисовне пришла в голову сумасшедшая мысль написать Северянину:

«Не ответит — значит не судьба. В это время он снова был в Тойла. Это случилось в весёлый месяц май 1931 года. Ответ пришёл сразу. “Спасибо за письмо. Оно поразило меня безукоризненной, до тонкости орфографией и поразительным стилем. Пришлите, если сможете фото”. Я исполнила его просьбу и получила краткое письмо: “Спасибо. Вы именно такая, какой мне хотелось бы Вас видеть. Спасибо. Нам необходимо встретиться. Напишу — где и когда”. И встреча состоялась... И не одна. Только история нашей бессмертной любви дала обет молчания». (ibid.)

Никто не должен был узнать об этих солнечных, но тайных встречах. По словам В.Б., слишком много было вокруг влюблённых зла и ненависти, поэтому надо было скрываться, как можно надёжнее, было тяжело и больно, страстно хотелось свободы, света, независимости и не полузадушенного счастья. Однако широкая даль открылась только после рождения дочери Валерии Порфирьевны Кореневой.

По версии Веры Борисовны, стаж любовных отношений с поэтом насчитывал несколько лет до рождения Валерии. Но, позвольте! С 1928 года В.Б. счастлива замужем! Муж посвящает ей стихи на французском языке!

Получатся, что эта сторона её жизни сплошная ложь — уловка, чтобы усыпить внимание мужа-рогоносца. Но родилась дочь, и влюблённые (любовники?) решились на всё:

«Естественно порвать надо с прошлым, безжалостно оставить все, дать волю чувству, жизнь нашей девочке.

Я порвала с минувшим, похоронила семь лет, прожитых с мужем, — и вошла в жизнь поэта и дочери без сожаления и раскаяния. <...>. Судьба дала нам тяжкое испытание до 1934 года. Наконец, оно кончилось. Тогда получена телеграмма: “Я дольше не вправе мучать тебя и себя. Я ухожу к тебе”...

И тогда свершилось: мы две судьбы слили в одну. Вопреки всем препятствиям, вопреки лжи и зависти». (Ibid.)

Право, не стоит ломать голову над тем, как в реальность вплетён вымысел — это же сказка! Временные пласты перемешаны, реальные события смешаны с фантазией:

«Потом началась интенсивная переписка. Почти ежедневно. Если я сразу не отвечала — летела телеграмма: «Немедленно сообщи причину молчания». Или вызывал к телефону. Помнится, раз он закончил наш разговор такой фразой: “... Я тебя целую... Ты чувствуешь?”

У меня хранятся только эти телеграммы. Всю нашу переписку мы отдали огню... <...> Сколько светлых чувств, сколько нежности было там!!! Но я не жалею о них! <...> Переписка длилась месяца три. Наконец пришло письмо: «Мы встретимся седьмого марта». Встреча произошла на ступеньках Балтийского вокзала. В его руках был чемодан с рукописями. Больше ничего...» (Ibid.)

Реальность на выбор: либо письма сгорели во время пожара в Усть-Нарве в июле 1941 года, но не упомянуты поэтом в подробной собственноручной описи сгоревшего имущества, либо, если письма уцелели при пожаре, то Вера Борисовна сама сожгла их после смерти поэта. Кстати Фелисса, тоже не стала хранить письма Веры Борисовны к поэту (зимы и весны 1935 года) и регулярно жгла их в печке. С этого момента Вера Борисовна перешла на телеграммы и телефонные переговоры в лавке. Об этом со слов Ольги Круут мне рассказала племянница поэта Нина Георгиевна Аршас (аудио запись в архиве составителя).

Но вот Игорь Васильевич приезжает в Таллинн на свидание с Верой Борисовной. Фелисса в курсе:

«Было это свидание кратким, но... решающим. Через пару месяцев пришла телеграмма: «Я не имею права дольше мучать тебя и себя. Ухожу к тебе!» И так, наконец, мы вместе. Навсегда! Мы покончили с прошлым. <...> Его бывшая жена бросила Тойла и уехала в Таллинн к своей подруге, жене редактора газеты «Вести дня» — Шульца. Устроилась на работу. Жестоко мучала его и меня, отправля каждую секунду жизнь. Угрозы не прекращались». (Ibidem.)

На первый взгляд фрагмент содержит более или менее связное и последовательное повествование о событиях, которые в действительности произошли в различное время и в иной последовательности. Так, например, письма поэта к жене в период с 1935 по 1938 год адресованы в Тойла, а не в Таллинн.

События намеренно выстроены Верой Борисовной без учёта логики и реальной хронологии. Так, главная нестыковка — заявление о намеренном сокрытии места тайного свидания и соседствующее с ним указание на то, что главное — интимное! — свидание состоялось в отсутствие жены поэта в Тойла. По версии В.Б. — это свидание, в ходе которого была зачата дочь поэта, зарегистрированная при рождении как Валерия Порфирьевна Коренева

Из гастрольной поездки в Югославию и Францию супруги Лотарёвы вернулись 4 марта 1931 года. Весну, лето и осень до 20 октября включительно провели в Тойла практически безвыездно. Лишь однажды поэт ненадолго ездил в Нарву (см. в письме отцу Сергию Положенскому в Париж от 10 марта 1931 года).

Если близкое знакомство состоялось в мае 1931 года, то время на первичное знакомство, завязку романа, и зачатие совместного ребёнка ограничено тремя месяцами.

При этом будем иметь в виду, что на конец января — начало февраля 1931 года в Сараево приходится завязка бурного романа с Валентиной Васильевной Берниковой. Её тень В.Б. призовет аж в Харбин, о чём ниже.

По возвращении в Тойла продолжается *продуктовый роман* с Евдокией Владимировной Штранделл — женой хозяина лавки. В письме к Софии Карузо поэт назовет её холодной Цирцеей, ради которой он часто обрывает успешные гастрольные поездки, что вообще-то далеко от действительности.

Всю весну поэт испытывает сильное недомогание. В письме от 11 мая 1931 года к Софии Карузо он сообщает, что более двух недель подряд его ежедневно терзает жесточайшая невралгия правой стороны головы: *«всю остальную часть дня я чувствую себя измученным вконец, принимаю Piramidon и др., что, впрочем, мало помогает».*

На этот же период времени приходится развитие романа с поэтессой Ириной Борман. Летом поэт зазывает Ирину в Тойла и сам посещает её в Шмецке. В письме поэта от 5 августа 1931 года находим:

«Не все поездки оставляют после себя очаровательное впечатление, — такова, напр., моя последняя к Вам. Нелепая, глупая, что она могла дать мне, кроме досады, полнейшей неудовлетворённости? Невменяемое собственное состояние, ненужные спутники. Бр!..»

Причина неудовлетворённости — младшая сестра Ирины Борман Антонина. Похоже, что старшая сестра решительно пресекла все поползновения поэта подкатить к Антонине. О фиксации полового влечения поэта на сёстрах чуть ниже.

Разумеется, мы помним о том, что туберкулёзные больные в период обострений необычайно влюбчивы и всё же внезапный роман в мае со случайной знакомой по переписке — это явный перебор. Для поездок в Таллинн нет ни случая, ни возможности. Тайно встречаться с Верой Борисовной в Тойла невозможно, хотя сама она представляет ситуацию иначе: *он позвал, и я приехала, потом родилась дочь.*

Рождение Валерии Порфирьевны Кореневой

Валерия Порфирьевна Коренева родилась в Таллинне 6 февраля 1932 года. При нормальном течении беременности решающие события в романе поэта с Верой Борисовной должны были произойти не ранее последней недели мая — и не позднее начала июня 1931 года.

В письме к Августе Барановой от 5 мая находим: *«Только на-днях отделался от жестокой невралгии правой стороны головы. Ежедневно от 11 у. до 3 дня. Очень изнуряло».*

А вот в письме к Ирине Борман от 1 июня 1931 года читаем:

«У меня весна тоже прошла под знаком всяких болезней, в том числе невралгии правой стороны головы. А теперь и Фелисса Мих. расхворалась: насморк, кашель и пр. Думаю, что Вы уже в Шмецке, пишу туда. Напишите о своём здоровье, а, когда совсем будет хорошо, приезжайте сами».

Реальная последовательность событий весны 1935 года может быть реконструирована следующим образом:

«Напишу Северянину [...] В это время он снова был в Тойла. Это случилось в весёлый месяц май 1931 года. [...] Ответ пришёл сразу. [...] "Пришлите, если сможете фото". [...] Нам необходимо встретиться. Напишу — где и когда". И встреча состоялась... И не одна. Только история нашей бессмертной любви дала обет молчания. И никто, и никогда не должен узнать, где и когда были эти солнечные встречи. [...] Его бывшая жена [...] уехала в Таллинн. [...] Едва она покинула Тойла, Игорь потребовал моего приезда туда. Он встретил меня на вокзале. [...] Я провела с ним в Тойла две недели. И никто и никогда не узнал об этом! [...] Рождению дочери он светло радовался». (Ibid.)

EESTI VABARIIK

Vorm 5.

Sünnitunnistus.

PEREKONNASEISU AMETNIK

Väljavõte Tallinna linna sünniregistrist.

Raamat 9. lehekülj 21 № 106.

Tuhat üheksasada kolmekümne teisel

aastal veebruaril kuu suuendal päeval kell 5 minutit

sündis Tallinnas Eesti-Suaklinikus

^{poeglaps-}
^{tütarlaps}
Korenev Valeria

Isa: Korenev Porfiri

sünnimise aeg 20. veebruaril 1900

sünnimise koht Kroonlinnas Venemaal

alaline elukoht Tallinnas, Maaksi 18-1

elukutse kontoriametnik

Ema: Korenev, Veera, n. Zapolski

sünnimise aeg 29. oktoobril 1903

sünnimise koht Leningradis Venemaal

alaline elukoht

elukutse õpetaja

Väljavõtte õige:

10. veebruaril 1932 a.

J. Perekonnaseisu ametnik.

Свидетельство о рождении Валерии Порфирьевны Кореновой
6 февраля 1932 года. В 1946 году Валерия Коренева получила
Паспорт на имя Валерии Игоревны Северяниной.

Если встреча все же состоялась во второй половине мая или начале июня в Тойла в отсутствие Фелиссы, то мы будем вынуждены признать, что поэт, находившийся в болезненном состоянии и испытывающий постоянное недомогание, попался. Он *потребовал* встречи, и его новая пассия Вера Борисовна проявила исключительную настырность в достижении физической близости уже в первое (тайное) свидание с больным поэтом.

У самой Веры Борисовны находим:

«Едва она (Фелисса) покинула Тойла, Игорь потребовал моего приезда туда. Он встретил меня на вокзале. <станция Йыхви> Помню дорогу, непривычно долгую и тёмную. Совершенно безлюдную. <...> Я провела с ним в Тойла две недели. И никто и никогда не узнал об этом! Это был мир нашей печальной сказки, отравленной злыми троллями». (Ibid.)

Пребывание Веры Борисовны в доме поэта — две недели! — мы исключим на том, простом основании, что она точно не вписалась бы в компанию Лины Юрьевны Круут и её дочерей Линды и Ольги — сестёр Фелиссы.

В Тойла просто не было места для интимных свиданий — только в лесу на травке, и так день за днём в течение двух недель! Другой возможности для интима в посёлке не было. Даже для здорового мужчины весенний секс на холодной земле — это серьёзное испытание. А для больного?

«Потом началась интенсивная переписка. Почти ежедневно» — в хронологической канве повествования Веры Борисовны интенсивная переписка отнесена к поздней осени — началу зимы 1931 года, что невероятно: в это время супруги Лотарёвы заграницей, в Болгарии. Турне продлится до января 1932 года:

«Мы ещё встретились в зале театра "Эстония". Он приехал с концертом в Таллин. [...] Я просто просила передать синюю тетрадь с моими стихами. Месяца два я ждала ответа». (Ibid.)

В хронологической канве повествования Веры Борисовны этот эпизод отнесён к лету или осени 1931 года, но в тот год поэт вообще не выступал в Таллинне. Ближайшее выступление в театре «Эстония» состоялось по возвращении из Болгарии 16 февраля 1932 года, т.е. фактически ровно через десять дней после рождения дочери.

Описанный эпизод мог бы иметь место лишь на концерте в театре «Эстония» 3 ноября 1934 года. Добрейший Юрий Шумаков, в университетское время заслуживший прозвище «Капитан Врунгель», в старости, будучи уловлен на календарных нестыковках в мемуарах об Игоре-Северянине, говаривал: *«Точные даты не моя стихия!»*

Любопытен обмен первыми подарками между влюблёнными. Фотография Веры Коренди имеет дарственную надпись: «Игорю Васильевичу от одной благодарной души. 20.11.34» (РГАЛИ РФ).

Почтовый конверт с адресом Веры Борисовны и тойласким штемпелем «24.XI.34» (РГАЛИ РФ) является ответом Игоря-Северянина на присылку именно этой фотографии. В правом верхнем углу конверта рукой поэта надпись по-эстонски *Raamat*, т.е. книга.

Учредительница
изд. «Свобода»
г. Ленинград
20/11/34.

Судя по размерам конверта речь идёт о посылке малоформатного издания — «Адриатике» (Нарва, 1932). Вопрос: если стаж отношений В.Б. и поэта к 1935 году насчитывал семь лет, то почему книжка не была подарена ранее?

Рассказывая о посылке фотографии, Вера Борисовна переносит события ноября 1934 года в май 1931 года, чтобы ещё раз утвердить отцовство поэта в отношении Валерии Порфирьевны Кореновой.

Главные события в этом странном романе случились в марте 1935 года, чему предшествовала интенсивная переписка длиной в три месяца, если, конечно, принять на веру версию Веры Борисовны, согласно которой решающая встреча состоялась 7 марта в Таллине на ступеньках Балтийского вокзала.

«Он пришёл ко мне по своей воле»

Долгое время я считал, что ссора между супругами Лотарёвыми произошла 7 марта 1935 года, потому что уже 8 марта поэт был вынужден снять комнату в Пюхайыги в доме Черницкого. Быть 7 марта 1935 года одновременно и в Тойла, и на Балтийском вокзале в Таллинне поэт не мог. Однако 10 марта в Таллинне друзья отмечали 30 летие творческой деятельности поэта в присутствии юбиляра.

Похоже, решающая ссора между супругами Лотарёвыми произошла в самых первых числах марта 1935 года. Ссоре предшествовала длительная бомбардировка поэта письмами и телеграммами, в которых Вера Борисовна требовала немедленной встречи в Таллинне, угрожая разными способами самоубийства. Потом она всё вывернет наизнанку: «Ф.К. [*Фелисса Лотарева*] угрожала самоубийством и... ничего не сделала». (Ibid.)

По всей видимости, ссора состояла из нескольких эпизодов. Невольным свидетелем ссоры родителей стал Вакх. Н.Г.Аршас, гостившая у Вакха в Швеции, рассказывала с его слов, что объяснение было бурным. Ему даже показалось, что отец будто бы был пьян.

Как бы там ни было Игорь Васильевич уходит из дома и пропадает больше чем на пять суток — с 6-го по 11 марта!

По версии Веры Борисовны, её переписка с поэтом сгорела в огне, согласно их обоюдного желания. Но она сама же передала в РГАЛИ четыре телеграммы, содержание которых загадочно.

Две первые телеграммы, предположительно отправлены самим поэтом из Тойла:

«6.03.35. 11.11. *Telegrafirui pritshinu moltshanija*» (Телеграфируй причину молчания).

«6.03.35. 19.40. *Polovina desjatogo utra*» (Половина десятого утра). Краткий ответ на вопрос, который мы не знаем?

Вполне возможно, что поводом для ссоры послужило решение поэта встретиться с Верой Борисовной 7 марта 1935 года в половине десятого утра в Таллинне, о чём стало известно Фелиссе. Встреча не состоялась, очевидно по причине ссоры, о чём свидетельствует последующий обмен телеграммами уже между Фелиссой и Верой Борисовной, чьи телеграммы, увы, не сохранились.

Обе телеграммы Фелиссы отправлены из Тойла, но уже пять дней спустя, обе составлены на эстонском языке и, с большой долей вероятности, являются ответами на запросы Веры Борисовны:

«11.03.35. 16.02. *Severjanin Toila arasoitnud*» (Северянин из Тойла выехал).

«11.03.35. 17.31. *Severjanin Toila valjastatud*» (Северянин из Тойла выставлен).

Обратите внимание на разницу во времени между телеграммами — всего-то полтора часа, и это с учётом двух походов на почту! Разумеется, если обмен посланиями не состоялся по «прямому проводу».

Итого: согласно телеграммам, с 7 по 11 марта Вера Борисовна понятия не имеет, где находится поэт, но точно знает, что он покинул Тойла не по своей воле, а был выставлен вон. Однако:

«Я порвала с минувшим, похоронила семь лет, прожитых с мужем, — и вошла в жизнь поэта и дочери без сожаления и раскаяния. Рождению дочери он светло радовался. Называл её «златокудрая дочка». Часто приезжал навещать её... Конечно — тайно. Судьба дала нам тяжкое испытание до 1934 года». (Ibid.)

Однако временные пласты сдвинулись, и встреча в половине десятого утра 7 марта в Таллинне состоялась:

«Наконец пришло письмо: “Мы встретимся седьмого марта”. Встреча произошла на ступеньках Балтийского вокзала. В его руках был чемодан с рукописями. Большие ничего... Было это свидание кратким, но... решающим. Через пару месяцев пришла телеграмма: “Я не имею права дольше мучать тебя и себя. Ухожу к тебе!» И так, наконец, мы вместе. Навсегда!»» (Ibid.)

Времени на решающее объяснение с Фелиссой 7 марта попросту нет. Вчером 6-го поэт ещё в Тойла, но 7-го утром пешком 9 километров от Тойла до станции Йыхви, чтобы в половине шестого утра успеть на поезд до Таллинна плюс 4 часа на дорогу, чтобы успеть к назначенному времени — половине десятого утра.

Встреча состоялась, но только через два месяца, т.е. в мае поэт принимает решение уйти от Фелиссы к Вере Борисовне. И вот тут как в истории с таинственным исчезновением Агаты Кристи: поэт пропадает уже не на пять дней, а на целых два месяца!

В другой версии Веры Борисовны поэт никуда не пропадает, а сразу после Тойла снова (!) возвращается (!) в семью Запольских в Таллинн на улицу Тарту мнт. 32-2, где, однако не прижился:

«Дни летели. Надо было подумать о личной жизни. Мы сняли домик в Пюхайэги, против магазина Черницкого: две комнаты, кухня и балкон. Девочка была с нами. Он говорил: “Ни один ребёнок не жил со мной под одним кровом. Она единственная, которую я хочу видеть около себя всегда”. Поэт очень много занимался с ней. Часто пел “По вешнему по складу” (“Сватовство”). А.Толстого, разыгрывал даже сценки из опер. Голос у него был богатый (баритон). Мне кажется, что если бы он не был поэтом, то был бы оперным певцом». (Ibid.)

Нашлась почти достоверная подробность быта в Пюхайэги:

«Возвратившись как-то с грибами, мы увидели на крыльце старушку с чемоданами. Очень маленькую и очень симпатичную. Увидя её, Игорь спросил: “Неужели это ты, Маша!?” Она привстала, широко улыбнулась как-то по-детски и ответила: “Я-с!» «А ты надолго?» — спросил Игорь. “Навсегда-с”. Она оказалась Машей Неупкоевой “классической Марьей”, воспетой в «Росе оранжевого часа». <неразб.> Сделавшись нянькой Люшки. Когда её спрашивали, сколько ей лет, — она поспешно отвечала: “Сорок пять!”. А было ей уже за семьдесят. Она была проста, тиха и по-детски наивна. Она любила меня и девочку».

Публиковать мемуары Веры Борисовны, поэт Андрей Вознесенский отказался, хотя и причислил её к виртуальным *прорабам духа*, что мэтру простительно.

Так почему фрагмент не вполне достоверный? А потому что чемоданы. Неважно, март это или август 1935 года. Важно, что 80-летней Дур-Маше, которую выставили из Тойла вслед за поэтом, чтобы добраться в Пюхайэги пришлось бы штурмовать с чемоданами крутое ущелье Святой реки по дороге из Тойла в Ору. В грибном августе это столь же невероятно, как и в снежном марте.

Стихотворные посвящения

Исследователь из Пскова Дмитрий Прокофьев обнаружил сразу четыре стихотворения Веры Борисовны, как будто посвящённые Игорю-Северянину или навеянные его творчеством. Одно из них в материалах Балтийского архива, три других в рижском журнальчике «Для Вас».

Настораживает источник, словно не нашлось издания поближе в Таллинне или в Нарве. Ниже мы увидим, что Вера Борисовна никогда не искала лёгких путей для публикации своих стихов. Она тщеславна, однако ни одно из её стихотворений не имеет прямого посвящения поэту, что странно. Наконец, это дикое сравнение поэта с Богородицей:

У тебя глаза Богоматери,
О Сыне Своём скорбящей.
Глаза усталой монахини,
О чем-то Христа просящей.

Я не стал спорить со специалистом — ему виднее. Однако ещё хуже обстоят дела с посвящениями поэта самой Vere Борисовне. Прежде всего она претендует на стихотворение «Письмо до первой встречи»:

Знаешь, Ляля, милая, родная,
Дорогая Лялечка моя,
Что тебе скажу я, умирая,
Потому что жить не в силах я?

Я скажу тебе, что слишком поздно
Ты была дарована судьбой
С ласковой своею и серьёзной
И с такою родственной душой.
(...)

Всё не тех судьба мне даровала,
Да и сам для них бывал не тот.
А душа тебя одну искала,
И летел за годом новый год.
(...)

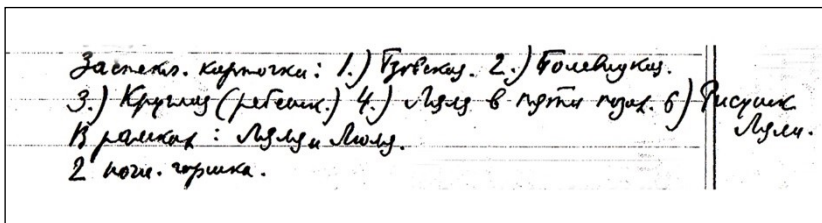
Что могу теперь и что я смею,
Мученик, измучивший других?
Как же мне назвать тебя моею
В грустных обстоятельствах таких?

Не могу я жить, тебя печалю:
Не вместит греха такого грудь.
Откажись, пока не поздно, Ляля,
От меня! Забудь меня, забудь!..

Не стихотворение, а сплошная загадка из 23 декабря 1934 года!

1
28/118.

И радостью и печалью
Трагический судья
Навпни нас еведем,
Какъ утнню златой!
Тна утнне расорвется!
Товарь себя и нить.
Какъ еладко сердце дается,
Когда живемь - вывемь!
Момму индивидууму
Меня и дучу
Навпни его
Орес-булу.

Список имущества, сгоревшего в 1941 году в доме на Вабадусе, 3
в Усть-Нарве. Фрагмент.

Вера Борисовна утверждала, что её интимным именем в пору жизни с поэтом, была сложная конструкция — соединение Веры и уменьшительного Ляля — Верляль. Кстати, для — Порфирия Коренева влюблённая Вера Борисовна была *Феей Лулу*. В 1928 году он даже не муж ещё, а только жених, удостоился специального посвящения:

И радость, и печали
Таинственной судьбой
Навеки нас связали
Как цепью золотой...

Та цепь не разорвётся,
Поверь себе и мне.
Как сладко сердце бьётся
Когда живёшь — вдвойне!

*Моему любимому жениху и другу
Навеки его Фея-Лулу
28.1.28*

В жизни, конечно, случается и не такое, и всё же адресат *до первой встречи* некая Ляля, уменьшительное обращение к которой логичнее обращается от имени Валерия, чем от имени Вера. Что, если Ляля — это младшая сестра Веры Борисовны Валерия?

В описи сгоревшего имущества, сделанной рукой поэта, упомянуты застеклённые карточки: *Ляля* в пяти позах — дочь Веры Борисовны Валерия, на другой Валерия и Вера Борисовна — *Ляля* и *Люля*. (*Люля* или *Лулу* — производное от уменьшительного *Веруля*.)

Теперь нет сомнения, что стихотворение «Письмо до первой встречи» адресовано именно Валерии Запольской. Невольно возникает

подозрение, что сёстры занимались разводкой поэта, если не вместе, то параллельно. Вероятность такого расклада весьма высока. Что, если Вера Борисовна отбила поэта у сестры Валерии, как потом Валерия отобьёт у неё дядю Диму?

В рукописи «Очаровательных разочарований» обратим внимание на стихотворения, адресованные Фелиссе после 7 марта 1935 года. Наиболее раннее датировано 18 марта — «*Моя любовь к тебе вне срока...*» По одной из версий Веры Борисовны — это то самое время, когда влюблённый в неё поэт живёт у родственников В.Б. Рядом мы находим стихотворение, датированное летом 1935 года в Пюхайьги «Винить ли?», в финале которого упоминается некая подруга:

Винить ли за жало змею,
Спасающуюся у ржи?
Винить ли подругу мою
За чуточку бережной лжи?

Это точно не про Фелиссу. Она была готова пойти на попятную, но Вера Борисовна, применив *чуточку бережной лжи*, объявила Валерию Порфирьевну Кореневу дочерью поэта. Обратим внимание на текст от 3 ноября, который называется «Матери»:

Как часто матери причиной
Несчастья в жизни дочерей
Своей сухой любовью чинной
И деспотичностью своей!
(...)
Несовместимы долг дочерний
И долг жены: как обнимать
Без муки мужа в час вечерний,
Когда меж ними в мыслях мать?

Без сомнения, описана реакция Лины Юрьевны Круут на демарш Веры Борисовны. Двадцать дней спустя 27 ноября мы находим едкую сатиру на Веру Борисовну и её семью «Скандал в семье педагогической». Кстати, «тётки» Веры Борисовны — Запольская и Фёдорова — училки. И Вера Борисовна тоже училка:

Из-за окна, забытого открытым,
Произошёл скандал в семье дурех,
И подавилась впопыхах бисквитом
Одна из старых тёток четырёх.

И барышне, ведьмообразной дылде,
Пришлось писать записку на стене,
Что, вот, знакомый доктор запретил-де
Ругаться при распахнутом окне...

А под конец записка возгласила
Проклятье воздуху, слова воздев —
Затем, что в воздухе таится сила,
Невинности лишающая дев...

Оказывается, в заявление Веры Борисовны об отцовстве дочери не поверили даже тётки, численность которых удвоена — поэтическая вольность. *Ведьмообразность дылды* — это гипербола, Вера Борисовна миниатюрная брюнетка. Осенью летняя тема отцовства — *чутьочка бережной лжи* — вновь становится актуальной. Лина Юрьевна не даёт Фелиссе разрешение на прощение и возвращение мужа домой.

Постепенно складывается сложная ситуация, в которой поэт должен объяснить друзьям и корреспондентам за рубежом внезапную смену венчаной жены на никому неизвестную женщину, которую он может характеризовать только как поэтессу. В стихах, — пока ещё поэт не может без стихов! — образ Веры Борисовны довольно противоречив:

О пушкинской мне говорит Татьяне
Уснувшей уходящее лицо!
Я остерёгся бы (мы с ней в романе!)
Пред нею стать невольно подлецом.

Она уютно незамысловата,
Обезоруживающе проста.
Целую я растроганно и свято
Её покорствующие уста.

В своих противоречьях гармонична
И в низостях невинных высока,
В своей обыденности необычна,
Она ведь та, кого я так ласкал! (...)

10 октября 1935.

Стихотворение опубликовано в пятитомнике Кошелевым и Сапоговым, поэтому корявая рифма «*высока — ласкал*» (искал?) исключительно на их совести.

Между тем страсти накаляются и уже 5 ноября появляется новый текст стихотворения «Сперата», напоминающего Фелиссе о совместно пережитых годах. Теперь стихотворение называется «Нелёгкий путь», в котором первые же две строфы явно противоречат и друг другу. Сперату попросту убили:

Нас двадцать лет связуют — жизни треть,
Но ты мне дорога совсем особо.
Мне при тебе мешает умереть:
Твоя — пускай и праведная — злоба.

Хотя ты о любви не говоришь,
Твоё молчанье боле, чем любовно.
Белград, Берлин, София и Париж —
Все это только наше безусловно.

Несомненно, что переделка стихотворения — это спецзаказ Веры Борисовны. Однако получилось коряво. (Текст обоих стихотворений см. в приложении.) Но мы же помним заявление поэта в автопредисловии к «Громокопящему кубку» в издании Пашуканиса:

«...исправлять же старые стихи, сообразно с совершенствующимся все время вкусом, нахожу убийственным для них: ясно, в своё время они меня вполне удовлетворяли, если я тогда же их не сжёг».

Между тем именно с этого момента оригинальные стихи практически исчезают, уступая место переводам. В 1940 году, когда в феврале Игорь-Северянин отмечал 35-летний юбилей творческой деятельности, поэт попытался как-то оправдаться перед своими читателями. Он опубликовал в таллиннской газете «Вести дня» автоинтервью, озаглавленное «Игорь-Северянин беседует с Игорем Лотаревым о своём 35-летнем юбилее»:

«— Вы теперь что-нибудь пишете? — спрашиваю я, стараясь переменить тему.

— Почти ничего: слишком ценю Поэзию и свое имя, чтобы позволить новым стихам залеживаться в письменном столе. Только начинающие молокососы могут разрешить себе такую «роскошь». Издателей на настоящие стихи теперь нет. Нет на них и читателя. Я теперь пишу стихи, не записывая их, и потом навсегда забываю».

Именно этим обстоятельством продиктован интерес к стихотворению «Последняя любовь». Оно как одинокая жемчужина на пустынном пляже, уснувшем на изрядно затянувшееся межсезонье.

«Последняя любовь»

У меня есть теория, что поэзия является привилегией молодых. Удел стариков — стихосложение. Если поэта ночами увлекает в полёт муза, то поэзия есть результат совместных полётов во сне и наяву. Старику муза не нужна, он уже никуда не летает, потому что он мастер, он делает стихотворения. Простите за масонскую аллюзию. Или лучше сказать булгаковскую? Начиная с декабря 1935 года престарелый мастер Игорь-Северянин посвящает большую часть творческой деятельности исключительно переводам.

Если в начале он переводит эстонских авторов, в том числе Хенрика Виснапуу и Алексиса Раннита, то, после восстановления советской власти, через Георгия Шенгели ищет заказы на переводы советских поэтов. В июньском 1939 года письме к Сергею Рахманинову поэт признаётся, что последняя книга стихов — «Очаровательные разочарования» много лет лежит в письменном столе:

«По этой причине я не могу себе разрешить, — вот уже три года,— запечатлевать вновь неудержимо возникаемое: я слишком ценю и Поэзию, и своё имя».

Особняком в этой части истории стоит *нежданчик* «Последняя любовь», датированный 18 апреля 1940 года. Он появляется внезапно, и у него нет никакой легенды (истории). Именно внезапно, потому что других оригинальных стихотворений с 28 января по 17 ноября 1940 года попросту нет. Зато в *нежданчике* находим внятное объяснение молчанию: *«И затем, что тебя повстречал я такую, \ Как ты есть, я стихов не пишу».*

Со слов Веры Борисовны известно, что «Последняя любовь» посвящена ей. Однако позвольте не поверить на слово.

В 1937 году в Саркуле, когда рядом с поэтом была только одна поэтесса — Вера Борисовна, он пишет злую эпиграмму на *«одну поэтессу»*:

Есть — по теории
Невероятности —
И в этой инфузории
Признаки опрятности.

С трудом верится, что *инфузория-куколка* всего два года спустя волшебным образом превратилась в *бабочку струящегося Токая*. Устойчивый образ «верной спутницы» возникает только в 1940 году в осенних письмах к Георгию Шенгели. Между тем в каждом из писем поэта к Фелиссе она названа любимой, он её крепко целует, благословляет.

Посвящения вроде «Последней любви» не возникают на ровном месте. Как правило, они отмечают события, одинаково памятные и для автора, и для адресата.

К рукописи «Очаровательных разочарований» есть приложение *«Десять сонетов-характеристик, являющихся дополнением к книге «Медальоны», изданной в 1934 году в Белграде. И впоследствии ещё пять»*. Вот список из 14 сонетов: Алданов, Вертинский, А.Н.Иванов, Бальмонт, Любовь Столица, Шульгин, Вера Коренди, Фелисса Крут, Мережковский, Никифоров-Волгин, Ганс Эверс, Ходасевич, Савва Чукалов, Сельма Лагерлёв. В рукописи, хранящейся в РГЛИИ, отсутствует один сонет, предположительно, это «Вера Коренди». Вместо него вложено стихотворение «Последняя любовь», которое вообще не является сонетом. Продавая рукопись в архив, Вера Борисовна пыталась таким хитрым способом защитить свои права — права последней жены поэта.

Есть ещё одно важное обстоятельство — болезненное состояние поэта. В письме к Г.Шенгели от 2 сентября 1940 года находим:

«И я рад, что произошло это <вхождение Эстонской ССР в состав Союза ССР> при моей жизни: я мог и не дожидаться: ранней весной я перенёс воспаление левого лёгкого в трудной форме. И до сих пор я не совсем здоров: постоянные хрипы в груди, ослабленная сердечная деятельность, усталость после небольшой работы».

14 марта в Таллинне состоялось чествование поэта в связи с 35-летием со дня начала профессиональной литературной деятельности. Поэт сам читал публике стихи и к этому времени был ещё условно здоров. Эстонские газеты публикуют семейное фото Лотарёвых — Игорь и Фелисса. О Вере Борисовне в газетах ни слова. Очевидно, болезнь поэта пришлось на период после 15 марта. Пневмония в тяжёлой форме не могла закончиться по заказу к 18 апреля. Однако с первой декадой апреля весна уже не может считаться ранней.

Долгое время я был убеждён, что «Последняя любовь» посвящена младшей сестре Веры Борисовны Валерии. Валерия похоронена в безымянной могиле на Александро-Невском кладбище. Администрация знает только годы жизни 1906-1991. Мне казалось, что если найти день рождения Валерии Борисовны, то разрешится и непонятка с адресатом «Последней любви».

Но вот мой приятель Артур Чулицкий разыскал в Государственном архиве дату рождения Валерии Борисовны — 10 ноября 1906 года, Рязань. Дни ангела приходятся на 6 мая и 20 июня. Пустышка! Казалось бы, версия рассыпалась в прах. Однако я полагаю, что проблема только запуталась.

Продолжение истории находим в журнале «Рубеж», который издавался в китайском Харбине. Вот хроника 1940 года:

- 27.01, №5 — Игорь-Северянин, «Трагический соловей»;
30.03, №14 — Вера Запольская, стих. «Письмо»;
06.04, №15 — Игорь-Северянин, стих. «Теперь»;
04.05, №19 — «Юбилей Игоря Северянина. К 35-летию
литературной деятельности поэта».
18.05, №21 — Игорь-Северянин, стих. «Последняя любовь».
25.05, № 22 — Вера Запольская, стих. «Матери»;
01.06, №23 — Игорь-Северянин, стих. «Роковая
разобщённость».
22.06, №26 — Валентина Берникова, стих. «Ответ»;

Хроника важна и вот по какой причине — инициатор всех публикаций из Эстонии Вера Борисовна и это, несомненно. Ключиком к журналу послужила близость к Игорю-Северянину. Публикации Игоря-Северянина, кажущиеся случайными, перемежаются публикациями стихотворений Веры Борисовны. Особняком стоит стихотворение Валентины Берниковой.

Берникова попала в этот замес не случайно, хотя на первый взгляд, остаётся вопрос: откуда она узнала про «роман» поэта с Верой Борисовной? Ответ: ниоткуда.

Открывает как бы случайную последовательность стихотворение Веры Борисовны «Письмо»:

Как лёгок шелест лап мушиных
На неоконченном письме!..
Последней лаской на вершинах
Лучь солнца гаснет в полутьме.

И нет ни силы, ни желанья,
Открыть тебе, чего прошу...
Так оправдай моё молчанье:
Я ничего не напишу.

И буду плакать над собою,
Над неоконченным письмом
Над грёзой бедной, голубою,
Над несбывающимся сном

Любовь терять — мне не впервые,
А скорбь живёт в моих глазах...
Пусть вянут ласки огневья
На неоконченных строках.

Стихотворение не датировано, но именно оно задаёт всей подборке тему измены и отвергнутой любви. Игорь-Северянин словно подхватывает тему стихотворением «Теперь»:

Теперь о верности не говорят,
Обетов не дают и не ревнуют,
И непрерывную любовь земную
Меняют на любвей кратких ряд.

Быть может, так и надо. Может быть,
Все это на земле закономерно,
Где преходяще всё и всё неверно:
Ведь там, где смерть, бессмертной нет судьбы.

Как слышно, стал равниною Синай,
Стал плоскостью, ненужной больше в гимне.
...Я не скажу тебе: «Не изменяй»,
Но также не сказал бы: «Измени мне».

Стихотворение датировано 1 сентября 1933 гда в замке Храстовец (Югославия), и оно явно не может быть выбором поэта — это выбор Веры Борисовны. Собственно говоря, оно отголосок истории с Фелиссой, которая прикрывала тайное свидание поэта с Валентиной Берниковой, в то время как её мужа с утра отправили на рыбалку. Свидание закончилось скандалом и примирением поэта с мужем-рогоносцем. Крайне сомнительно, что Вера Борисовна была в курсе контекста, но тема подставлена удачно.

Далее следует «Последняя любовь», на которую Вера Борисовна отвечает стихотворением «Мать». И это стихотворение тоже не случайно, мы просто не знаем его контекст. Оно не датировано. Однако, есть очевидная связь со стихотворением Игоря-Северянина «Матери»: *«Как часто матери причиной \ несчастья в жизни дочерей...»*. Разумеется, даты не совпадают, но стихотворение укладывается в логическую цепочку. Если, кто не в курсе: северянинская *последняя любовь* прямо отсылает нас к «Последней любви» Фёдора Тютчева. Даже по настроению оба стихотворения весьма близки:

О, как на склоне наших лет
Нежней мы любим и суеверней...
Сияй, сияй, прощальный свет
Любви последней, зари вечерней!

Полнеба обхватила тень,
Лишь там, на западе, брежит сиянье, —
Помедли, помедли, вечерний день,
Продлись, продлись, очарованье!

Пускай скудеет в жилах кровь,
Но в сердце не скудеет нежность...
О ты, последняя любовь!
Ты и блаженство, и безнадежность.

У Игоря-Северянина тема изложена более приземлённо:

Ты влилась в мою жизнь, точно струйка Токая
В оскорбляемый водкой хрусталь.
И вздохнул я словами: «Так вот ты какая:
Вся такая, как надо!» В уста ль

Поцелую тебя иль в глаза поцелую,
Точно воздухом южным дышу.
И затем, что тебя повстречал я такую,
Как ты есть, я стихов не пишу.

Пишут лишь ожидая, страдая, мечтая,
Ошибаясь, моля и грозя.
Но писать после слов, вроде: «Вот ты какая:
Вся такая, как надо!» — нельзя...

На стихотворение Веры Борисовны «Мать» Игорь-Северянин как бы отвечает «Роковой разобщённостью»:

Невесело мне в городе большом,
Который принято считать весёлым,
Где каждый, расфуфыренный шутком,
Мне видится невыносимо голым.

Отталкивающая нагота
Обыкновеннейшего человека:

ИГОРЬ СЪВЕРЯНИН.

Последняя любовь.

Вѣрь Запольской.

Ты вплясь в мою жизнь, точно струйка
Токая

В оскорбляемый водкой хрусталь.
И вздохнул я словами: «Так вот ты
какая:

Вся такая, как надо».

В уста-ль

Поцѣбую тебя, иль в глаза поцѣбую, —
Точно воздухом южным дышу.
И затѣм, что тебя повстрѣчал я такую,
Как ты есть, я стихов не пишу.

Пишут лишь ожидая, страдая, мечтая,
Ошибаясь, моля и грозя.

Но писать послѣ слов в родѣ: «Вот ты
какая:

Вся такая, как надо», — нельзя!

Эстонія.

medita cere mi suerta?

«Эа, сеньора, я Вам расскажу про этот талисман. Когда я был послѣдний раз в Вашем городѣ, то стоял утром на палубѣ, а мимо проходила молодая сеньорита и бросила мнѣ цвѣты. Не думайте, что Иниго хвастается. Сеньорита просто улыбнулась, и я улыбнулся тоже, поймав цвѣты и сказал ей, что, когда такое солнечное утро, то всѣ должны улыбаться, и чтобы Мадонна послала ей хорошаго новіо. Это была настоящая сеньорита, не подумайте чего-нибудь дурного.

«Так вот, в тот же вечер, когда я вышел от Вас, сеньора, рыжий Маклей, — ихо де перро! — затацил меня в таверну, и мы выпили вашего ужаснаго бѣлаго вина, который жжет го-

Источник: «Рубеж». Харбин. 1940 год. Седьмой год Кан-Дэ — кит. 康德 — «Цветущая мораль» — девиз правления императора Маньчжоу-го — Пу И. и одновременно название первой эры в истории Маньчжоу-го: 1 марта 1934 — 18 августа 1945.

берег. Ида смѣялась, а Бартон спѣшил накинуть мохнатую простыню на тѣло жены, защитить ее от рѣзкаго и холоднаго вѣтра. Капитан бросился им навстрѣчу и восторженно жал руки.

Пока все это происходило, никто не знал и даже не подозревал, кромѣ их троих, как близко Ида и Бартон были к смерти и какую опасную вели они игру.

**

ВАЛЕНТИНА БЕРНИКОВА

ОТВѢТ.

Нѣт в сердцѣ больше ложнаго стыда;
Оно иное, — я его не знаю.
Почезла боль, как будто, без слѣда,
Ты измѣнил, — тебѣ не измѣняю.

Мученія? Их нѣт. Хочу остро
Дыханія волнующаго мая.
Вдыхая ландышей живое серебро,
Тебя любить, тебѣ не измѣняю.

Югославія.

Прожорливого вздутость живота
И голова — округлый сейф для чека...

Они объединяются затем,
Чтоб повод выискать к разъединенью.
А эта общность чувствец, общность тем
Есть разобщённость взлёта и паденья.

И это тоже не выбор поэта, хотя вновь подставлено под тему. Стихотворение относится к февралю 1931 года и описывает Париж. Ниже в письмах вы прочтёте о ненависти поэта к городу и городской жизни.

И, наконец, «Ответ» Валентины Берниковой. Тема измены из стихотворения «Теперь» варьируется Берниковой, и это точно ответ Игорю-Северянину, но отнюдь не по поводу Веры Борисовны. Скорее подразумевается гастрольный роман поэта с Викторией Шей де Вандт в Румынии, относящийся к 1933 году:

Нет в сердце больше ложного стыда;
Оно иное — я его не знаю.
Исчезла боль как будто без следа,
Ты изменил, — тебе не изменяю

Мучения? Их нет. Хочу остро
Дыхания волнующего мая.
Вдыхая ландышей живое серебро,
Тебя любить, тебе не изменяя.

Мы никогда не узнаем наверняка являются ли автографами стихи Игоря-Северянина и Валентины Берниковой, либо они были переписаны рукой Веры Борисовны специально для «Рубежа», что многое бы объяснило. С их помощью она рассказывает нам некую историю, подразумевающую интимные отношения между ней и поэтом. Стихи нужны для визуализации сложных человеческих обстоятельств, если можно так выразиться. В недалёком советском прошлом такие штуки назывались литературными композициями и были весьма распространены по праздничным поводам.

Суммируем беспристрастно: в начале безответная любовь — потом измена — потом последняя любовь и вмешательство матери (матерей) — тема ненавистного города и, наконец, прощальное письмо отвергнутой любовницы. Если не знать датировку стихотворений, то это вполне связанная и логичная история. И всё это единственно ради посвящения Вере Заполькой в первой публикации «Последней любви».

Расчёт простой: Харбин на другом конце света и, когда публикация попадёт в Эстонию, тогда, возможно, гнев поэта уже не будет иметь никакого значения. Гениальная подтасовка!

Игорь-Северянин: *modus vivendi*

Фиксация полового влечения на отношениях с сёстрами — это не совсем образ жизни во всей его полноте, но существенная его часть. Зигмунд Фрейд описал фиксацию как наличие выраженной привязанности к объектам, отношениям, предшествующему жизненному опыту, воспоминаниям, образам, стереотипам поведения и вообще к чему угодно, потому что это зависимость от апробированных человеком стереотипов эффективного поведения. Например, фиксация на чрезвычайном обстоятельстве (травме) — Мария Волнянская и Виктория Шей де Вандт больны чахоткой (открытая форма туберкулёза).

Первая пара сестёр — Евгения (Злата) и Елизавета Гуцан (мисс Лиль). Сначала бурный роман со старшей сестрой, потом не менее бурный с младшей, предположительно, окончившийся рождением сына (см. «Падучая стремнина», т.н. «Письмо Златы».)

Следующая пара осталась бесфамильной: певичка Дина Г. и её младшая сестра Зинаида Г. (Раиса). Последовательные романы описаны в «Падучей стремнине» и «Винтике». «Винтику» не повезло — цензура подчистила наиболее скабрёзные сцены.

Елена Новикова — Мадлена и её кузина Татьяна Краснопольская — Тиана. Краснопольская увлечение платоническое, однако увлечение: *«Тиана, как скучно! как скучно, Тиана! \ Мадлена — как эхо... Мадлена — как сон... \ Тиана, как жутко! как жутко, Тиана!»*

Разумеется, сёстры Воробьёвы — старшая Violett и младшая — Северянка — та самая Королева, которая играла в башне замка Шопена и потом отдавалась грозиво. Старшей не пофартило, хотя заходы с её стороны несомненно были. В поэме «Невесомая» находим: *«Одна из этих двух «жемчужин» \ Подписывалась Violette \ И даже приезжала в Тойлу (...) \ И вот — осталась не раздетой, \ Раздеться жажда, Violette...»*

Думаю, не сильно ошибусь, если упомяну младшую сестру Фелиссы Ольгу Круут. Какие письма писал ей поэт из дальних странствий! Как он был откровенен с Ольгой после разрыва отношений с Фелиссой!

Увлечение платоническое, можно сказать семейное, и все же частный случай проявления фиксации.

Полупоэтесса Ирина Борман — *ИрБор* — и её младшая сестра Антонина. Ирина проявила настырность и по праву старшинства оттёрла младшую. На этот раз не пофартило поэту. Мы найдём его сожаление о конфузе в одном из писем к Борман.

Наконец, Вера Борисовна и её младшая сестра Валерия. Африканского дядюшку тётки планировали женить на Вере Борисовне, но тот, признав кой-какие права поэта в её отношении, женился на Валерии. Сёстры поссорились на всю оставшуюся жизнь.

Выглядит довольно убедительно, если допустить, что Вера Борисовна намеренно исключила младшую сестру из всего, что связано с Игорем Северяниным, подменила значимость сестры в отношениях с поэтом и присовила себе первенство во всём. Такая вот *струйка*.

Разумеется, это далеко не всё, что касается предыстории последнего романа по переписке, однако некоторое представление о декорациях на сцене, уверен, обрисовано достаточно рельефно.

Полагаю, Вера Борисовна — властная интриганка с большой долей вероятности отлично знала об этой последней интрижке сожителя с собственной женой, но она не предполагала, что Фелисса сохранит эти письма и они когда-нибудь попадут в литературный музей, т.е. станут достоянием специалистов и общественности. Письма, которые компрометировали лично Веру Борисовну, либо сгорели в Усть-Нарве в 1941 году, либо были сожжены ею, когда поэт находился при смерти.

После смерти Фелиссы письма мужа попали к в Литературный музей имени Фр.Крейцвальда в Тарту. Из заявления Веры Борисовны по поводу писем:

«Как-то незадолго до смерти он сказал: “Знаешь, Верушка, я, переписываясь с Ф.К. Никогда не читай и не верь этим письмам. Я должен был так писать, чтобы уберечь тебя и наше счастье. Пусть думают что хотят!”»

Тайна! Вера Борисовна любит тайны. И не в этом ли причина того, что нет ни одной фотографии, на которой Игорь Васильевич и Вера Борисовна запечатлены вместе. А ведь случай был — подаренная Златой фотокамера в руках курортного врача Алексея Круглова! И даже странно, что совместных фотографий нет.

* * *

Жизнь поэта после расставания с женой была сокрушительным ударом по его самолюбию, ежедневным и ежечасным унижением в глазах друзей, просто знакомых, малознакомых и вовсе незнакомых.

Публичное унижение, резкое изменение образа жизни, ухудшение питания и, как результат, обострение туберкулёза. Унизительная связь с Верой Борисовной быстро свела его в могилу. Помните, что африканский дядюшка, женившийся на Валерии Борисовне, не прожил с ней и трёх лет. Поэт был свидетелем этой смерти.

Наконец, просто прочтите эти письма.

Совершенно необходимые замечания.

Тексты писем написаны практически современным русским языком, хотя во множестве использованы элементы старой орфографии. Чтобы сохранить аромат времени частично сохранена орфография и синтаксис оригинала при условии, что они не мешают восприятию содержания.

Так, например, в дореформенном правописании знак — *ер* — писался в конце всякого слова, оканчивающегося на звонкие или глухие согласные, например, *поль, невтернёжь, аппаратъ, тотьъ*. В письмах поэта *ер* в конце слов воспринимается как некий декоративный элемент почерка, например, *вась* — *васъ* и совершенно не мешает восприятию текста. В публикации *ер* частично сохранён.

По возможности сохранены написания слов, в которых вместо «и» использована буква «і» — *непріятности*. Сохранены слова с окончаниями на «я», например, вместо *неё* — *нея, тягостныя*, etc. Также сохранены слова с окончаниями на *-аго* вместо *-ого*, например, *перваго, маленькаго*. Знаком <...> обозначены раскрытые инициалы и сокращения, а также замечания публикатора. Слова, которые не разобрать, выделены знаком <неразб.>. Установочными справками — знак * — снабжены упоминания лиц, имеющих значение для понимания текста, а также обстоятельства, поддающиеся объяснению. Некоторые обстоятельства объяснения не получили. Так, Фелисса Лотарёва в адресной строке на конвертах именуется *Proua Felissa Severjanin*; поэт добывается приёма в министерстве для смены или корректировки фамилии — чьей?

В тексте встречаются слова, которые не всегда можно угадать даже исходя из контекста, что объясняется нервным состоянием автора, обуславливающим искажение почерка (сглаживание деталей), а также плохим освещением и низким качеством казённых перьев.

Тексты писем характеризует практически полное отсутствие абзацев, отделяющих одну мысль от другой, а также отсутствие согласования внутри некоторых текстов — несвязанные между собой мысли следуют одна за другой без внутренней логики текста. Возможно, это тоже признаки нервного и общего болезненного состояния автора: свидетельство проблем с поддержанием внимания при письме. Например, *«Привезу и новыя туфли, и шёлковые носки, и шляпы соломенные. Умер Животовский, Немирович-Данченко и Лазаревский. Умирает Бремер. Я боюсь, что мне не хватит книжек. Не пришлѣшь ли на Линду ещё штук пять?»*

Кроме писем поэта в издании использованы дополнительные материалы, характеризующие последние годы жизни поэта, например, воспоминания Веры Борисовны и письмо с описанием её ночного избиения по этому. Воспоминания Бориса Ёйги (Емельянова), сумевшего в своих оценках подняться до высоких обобщений революционных событий, весьма смелых по меркам 1982 года.

Лейтмотив писем:

- *Фелисса и мечты о возвращении домой в Тойла;*
- *выражение любви и проявление заботы о здоровье Фелиссы, финансирование семьи;*
- *хроническое безденежье, жалобы на скудное питание и ухудшающееся здоровье, особенно в связи с жизнью в городе;*
- *Тойла как мечта о своём доме — приехать домой, где лес и рыба.*

Вера Борисовна упоминается в письмах исключительно в связи с плохим здоровьем и добыванием денег, например, продажей книг на манер коммивояжёра. Её дочь Валерию поэт называет ребёнком, вундеркиндом и никогда дочерью. Тётки В.Б. — мегеры.

Вера Борисовна приняла поэта вместе с его престарелой няней — Марией Никифоровной Неупокоевой. Мы не знаем, когда умерла Дур-Маша, но в первые годы совместной жизни Игорь Васильевич и Вера Борисовна в домашних условиях практически никогда не оставались наедине. Няня — это ещё один рот за столом и ещё один опасный свидетель «счастливой семейной жизни». Даже очень дотошные исследователи, а особенно те, кто уверовал в любовь поэта и Веры Борисовны никогда не замечают присутствия Марии Никифоровны в жизни поэта.

Няня хорошо владела грамотой и не исключено, что на старости лет вела дневниковые записи. В молодости она любила писать письма, так что вполне могла быть независимым информатором и Фелиссы, и Валерии Семеновы.

Кстати, повзрослевшая дочь поэта Валерия в письмах не упомянута ни разу, что само по себе странно.

* * *

Концепция сборника от «писем к Фелиссе» до «истории последних унижений поэта» изменилась в связи с решением использовать письма к Рериху и его ответы. Переписка с Рерихом 1938-1939 годов содержит ряд сходных обобщений.

Игорь-Северянин: *«Я — верный вам соратник: посильно защищаю Божественное. Изнемогаю подчас, падаю — вновь встаю. Так — годы... Люди видят в стихах забаву, — нужно заставить видеть в них насущную необходимость. Для этого необходима энергия, вера в своё дело».*

Николай Рерих: *«А грусть была в том, что Вы пишете и о Вашем, и вообще о современном положении писателей, — я бы сказал, вообще о положении культуры. Дело обстоит именно так, как Вы и описываете. Книга стала не нужна. В домах подчас вообще не находится книжной полки, а ведь было время, когда книга была другом дома».*

Письма к Рериху — это фактически последняя попытка поэта вернуться в мир творчества, восстановить своё положение гения серебряного века русской поэзии, прежде чем он сделает в письме к Фелиссе горькое обобщение *«Все заграничные знакомые — сволочи!»*

Не удивляйтесь, когда обнаружите материалы, на первый взгляд, выпадающие из темы, например, письма к Барановой и Карузо. Это следы первоначальной концепции «писем» — детали, которые рассматривались как приложения, а не как самостоятельные материалы.

Концепция изменилась и приложения обрели самостоятельность фактов. Это как в той странной песне, из которой слова не выкинешь, но добавишь словечко раз, потом другой... И понеслось без удержу, как птица-тройка!

И, кстати, я не слишком удивлюсь, когда однажды узнаю, что «Последняя любовь» определённо посвящена Фелиссе Лотарёвой. Отнесёмся внимательно к фрагменту стихотворения «Из “Письма к первой”»:

Я не один, любимая: со мной
Хорошенькая есть двадцатилетка.
Четырнадцатый раз поэт женой
Обзавелся, теряя их нередко...

Но знаешь ли, она совсем не то,
Что были предыдущие, и — или

Я ошибусь опять, иль будет «силе»
Она всегда. Кто знает это? Кто?

Люблю ее, как тихий свой финал.
Тебя — как пламенную увертюру,
(Я в опере самой лишь распознал
Головокружную колоратуру)...

Я посвятил её в тебя. Она,
Любя меня, тебя любить готова:
Она не знает ревности, умна,
Талантлива, — все ловит с полуслова.

Она тебя приветствует. К тебе
Почувствовав любовь и уваженье,
Зовёт тебя «родною нашей Женей,
Необходимой в нашей нам судьбе».

Она ребёнок — эстонка. Дизэль
По-русски пишет легче, чем по-эстски.
Со мною ловит рыбу и по-детски
Довольна, что поедем мы в Брюссель,

Париж и Лондон осенью, что сизой
Качаемы волной, через Штеттин,
К тебе в Берлин заедем на один
Мечтанный день. Её зовут — Фелиссой.

Eesti, Toila 1922. III.

Ну, кто тут теперь «последняя любовь»? Это же как библейское альфа и омега, простите за несколько неуместное сравнение: *Люблю ее, как тихий свой финал. \ Тебя — как пламенную увертюру.* Если Евгения Гуцан — легендарная Злата — это увертюра, т.е. альфа, то Фелисса — это эпилог, финал, т.е. омега. И тут же признание самого поэта: *Я в опере самой лишь распознал \ Головокружную колоратуру.*

Очень похоже на то, что шедевр «Последняя любовь» — нечто вроде извинений за изувеченную «Сперату», оба текста которой вы найдёте в приложениях. А пока вот оно — хамская правка в явно комплиментарном посвящении:

Тебе природа оказала честь:
Своя ты в ней! Глазами олазоря
Сталь Балтики, как любишь ты присесть
На берегу, мечтаючи, дочь моря!

... Мечтаючи, конечно, о рабе,
Которым помыкала ты когда-то!..
Я вспоминаю с жутью о тебе,
О, невознаградимая утрата!

Возможно, Вера Борисовна обнаружила «Последнюю любовь» раньше, чем она была отправлена Фелиссе в Тойла. Понимаю, как соблазнительно было оставить его себе! Соблазн порою сильнее логики.

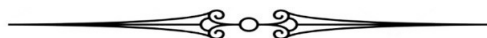
И кстати, Дизэль — это не имя, а стихотворная строфа из 10 стихов на два созвучия. 1-й стих одинаков с 5 и 10, 2-й стих рифмуется с 3, 6, 8 и 9. Дизэль должна быть выполнена дактилем. Количество стоп по стихам: стихи 1, 4, 5, 7 и 10 имеют по 2-стопному дактилю с кодою в 1 треть, стихи 2, 3, 6, 8 и 9 имеют по 1-стопному дактилю с кодою в 2 трети. Стихотворение или поэма может состоять из неограниченного количества дизэлей.

Так вот и жизнь — ничем не ограничена, но исключительно
между *альфой* и *омегой*.

Опечатки и глазнушки на моей совести.

Простите, если разочаровал.

Таллинн.
Январь 2024 года.
Михаил Петров,
составитель
и комментатор.

Тоила. 1.III.1935 г. <к Татьяне Хлытчиевой>

Дорогая Татьяна Ивановна,

Хотя Вы с Яко<вом> Матв<еевичем> и окончательно позабыли о нашем существовании, но мы всё ещё живём на свете и о вас обоих частенько вспоминаем ласково и признательно. 12 окт. я висал Вам, но, увы, до сих пор отклика не имею. Но мы знаем Вашу нелюбовь к писанию писем и только его <?> и хотим объяснить себе Ваше безмолвие.

1 февраля отпраздновал XXX-летие своей поэтической деятельности. Получил много телеграмм, писем и даже подарков. Но чествовать меня будут на днях в Ревеле, где состоится концерт и банкет, устраив<аемый> общест<венной> организ<ацией>. В марте же даю концерт в Нарве, Печорах и Валке. Посылаю одновременно Вам 10 экз. новой книги: м.б. найдёте возможность «развесрить» <?> её среди знакомых по 15 дин<ар>: это главный наш доход. Будем Ва, как всегда, сердечно признательны.

А деньги можно чеком Франко-Сербск<ого> банка (50 франц<узских> франков). И этот чек можно выслать в заказ<ном> письме. Или через Лондон. Одним словом — как удобнее Вам. Как Вы живёте? Что нового? Мы долго никуда не поедем: дома спокойнее. А трудности — они езде!..

У нас ранняя весна: снег почти везде растаял, на днях ждём ледохода в реке. Море свободно всю зиму. Ф.М. и я шлём и милому Як. М. искренние наши приветы. Целую Ваши ручки.

Всегда Ваш

Игорь. —

* Хлытчиева Татьяна Ивановна — жена русского инженера Якова Матвеевича Хлытчиева, жила в Белграде, состояла в переписке с поэтом и помогала ему в продаже книг в Югославии.

* ... *чествовать меня будут на днях в Ревеле* — речь о 30-летию творческой деятельности, которую поэт отсчитывал от 5 февраля 1905 года, когда в солдатском журнале генерала от инфантерии Сергея Павловича Зыкова «Досуг и дело» было опубликовано одно из юношеских стихотворений поэта. Чествование состоялось 10 марта в Нарве.

Тойла, 5.III. 1935 г. <к Августе Барановой>

Дорогая Августа Дмитриевна, спасибо Вам за открыточку с Вашим домом от 15.II. Из неё узнали, что Ася до сих пор не приехал и посочувствовали Вам. Узнали и о получении Вами книжек. А вот не знаем — получили ли Вы открытку от 2.II.? Напишите, пожалуйста: для меня это очень важно.

Давным-давно не имею от Вас длинных писем, что очень грустно. Не зная получили ли Вы мою открытку, не знаю знаете ли о готовящемся в Ревеле чествовании меня? Этот вечер и банкет пока устроители отложили, и состоится все это только 15-20 марта. А 10-го даю вечер в Нарве. Зовут и в Печоры, и в Валк. Веду переговоры, но вряд ли что выйdet; уж очень дешёво теперь платят везде: по 30 крон! В эту сумму входят и поезда, и лошади, и отэли!.. А один билет до Печор туда и обратно — 10 крон! Нет заработков хронически, а, когда предлагают, «курам на смех». И живи — как хочешь!

Разослал по всей Европе 150 экз. на сумму 150 крон, но пока получил только 50 фр<анков> чеком из Белграда от одной богатой дамы за проданные ею 10 книг. И больше ни от кого. А жизнь идёт вперёд, и уже у нас в Тойле накопилось около 100 крон долга. Все это удручает.

Понравился ли Вам роман?* У нас почти весна. И уже дней десять. Снега мало осталось. Не сегодня — завтра тронется лёд в речке. А море совсем в эту зиму не замерзало. Был ли у вас мой друг — отец Сергей Положенский?* Он хотел засвидетельствовать Вам свое уважение. Он лет 17 знаком со мной, долго жил в Тойле и Ревеле. Теперь, благодаря своей энергии, окончил Богосл<овский> Инст<итут> в Париже и состоит помощн<иком> Иоанна (кн. Шаховского*). Пишет стихи. Много расскажет Вам о нас и о нашей жизни. Человек он редкостной порядочности и доброты. Совсем молодой. Целую Ваши ручки. Фел.Мих. Вас и Фед.Фед., как и я, приветствует.

Неизменно Ваш

Игорь. —

Если посчастливилось продать книги, не откажите в любезности выслать почтовыми купонами.

* ...10-го даю вечер в Нарве — Поэзовечер по случаю 30-летнего юбилея литературной деятельности в зале Русского общественного собрания.

* ...Валк — 5 мая выступление на закрытом литературно-музыкальном вечере правления «Союза русских учителей» в зале 5-й начальной школы.

* ...Понравился ли Вам роман? — «Рояль Леандра (Lugne). Роман в строфах». Том XXV. Бухарест, издание автора, 1935.

* ...отец Сергей Положенский — приятель поэта, принц Роз в свите короля поэтов, в последствии священник.

* ...кн. Шаховского — в миру князь Дмитрий Алексеевич Шаховской. В описываемое время разъездной священник во Франции, затем в настоятель Свято-Владимирской церкви в Берлине. Возведён в сан игумена и с 26 мая 1936 года — благочинный приходов Экзархата митрополита Евлогия в Германии. В конце жизни архиепископ Сан-Францисский и Западно-Американский.

8. III. 1935 <к Фелиссе>

Это действительно возмутительно: ты веришь больше злым людям, чем мне, испытанному своему другу! Моя единственная ошибка, что я приехал не один. Больше ни в чём я не виноват. Фелиссушка, за что ты оскорбила меня сегодня? Почему не дала слова сказать? Почему веришь лжи злых людей — повторяю? Мало ли что мне говорили и говорят, как меня вы все ругаете! Однако я стою выше всего этого и даже не передаю ничего этого, чтобы не огорчать тебя! Я никому не верю, и ты не должна верить. Что ты хочешь, я то и исполню — скажи. Она уедет сегодня, а я умоляю позволить объясниться с тобой, и то, что ты разрешить, то и будет.

А вчера я потому не пришёл, что Виктор <Чернецкий> сказал только 9.30 веч. и сказал так:

— С Вами хотят поговорить.

— Кто?

— Сегодня вечером или завтра утром.

Я же не знал, что спешно, было скользко и очень темно, и ведь я пришёл утром. А если бы я знал, что нужно вчера вечером, я пришёл бы, конечно, вечером, хотя бы ночью.

И ещё я думал, что ты спать ложишься и не понравилось мне тебя, дорогая тревожить.

2

1

TELEGRAMM
Kera Koroneva
Suurtartu 35/2
Tallinn
(Aadress)

Edasi antud
kell _____ nr. _____
(aadress) (aadress nr.)

ud 1935 a.
kell 11/6
nr. 6
(aadress) (aadress nr.)

EESTI VABARIIGI TELEGRAAF
(Sõltumatu nimetus)

Altkiri _____

Lähtekoht	Number	Sõnade arv	Telegraafisõnumite arv	Ametimärkimus
Toila	2	8	6/3 kell 11/11	

Inglise sõnumid:
 D = Kirje
 RPX = Vastus mak-
 seld
 TC = Võrdlemine
 PC = Telegraafiline
 väljastatav
 PCD = Telegraafiline
 kirjastatav
 PCP = Väljastatav
 postiga
 TMX = x aadress
 CTA = Tuleta kõik
 aadressid
 FS = Järelmaks
 Poste = Postiga
 GP = Nõuduseni
 postil
 GER = Nõuduseni te-
 legraafil
 Express = Eriskirja-
 laga
 XP = Kirjalik mak-
 seld
 MP = Aadressid
 enda kätte
 LCP = Prantsus-
 LCD = Lähtema-
 LCD = Sihtmaas kellele
 saadetakse telegramm
 Jour = Päevana
 Nuit = Öösel

Telegraafirüü piirkirju
mõistkhanja

1

2

TELEGRAMM
Kera Koroneva
Suurtartu 35/2
Tallinn
(Aadress)

Edasi antud
kell _____ nr. _____
(aadress) (aadress nr.)

ud 1935 a.
kell 19/4
nr. 14
(aadress) (aadress nr.)

EESTI VABARIIGI TELEGRAAF
(Sõltumatu nimetus)

Altkiri _____

Lähtekoht	Number	Sõnade arv	Telegraafisõnumite arv	Ametimärkimus
Toila	3	8	6 kell 19/40	

Inglise sõnumid:
 D = Kirje
 RPX = Vastus mak-
 seld
 TC = Võrdlemine
 PC = Telegraafiline
 kirjastatav
 PCD = Telegraafiline
 kirjastatav
 PCP = Väljastatav
 postiga
 TMX = x aadress
 CTA = Tuleta kõik
 aadressid
 FS = Järelmaks
 Poste = Postiga
 GP = Nõuduseni
 postil
 GER = Nõuduseni te-
 legraafil
 Express = Eriskirja-
 laga
 XP = Kirjalik mak-
 seld
 MP = Aadressid
 enda kätte
 LCP = Prantsus-
 LCD = Lähtema-
 LCD = Sihtmaas kellele
 saadetakse telegramm
 Jour = Päevana
 Nuit = Öösel

Pelovina de jatoro utra

Vorm nr. 97, Riigi trükkoda (641-31).

16

Liik *pt*

Vera Korenev
Suur Tartu 35-2
Tallinn

Edasi ant. kell

Vastu võetud: 1935. a.
11/3
Jhu nr. 32811
(Kallid) (Sõnumi nr.)

EESTI VABARIIGI TELEGRAAF

(Sõnumite arv) nr. (Sõnumi nr.)

Allhüri

Lühikood	Number	Sõnade arv	Telegraafisõnumite arv	Ametmärkused
Toila	2	M	11/3 kell 16-02	

1259 11/3 Severjanin
Toila väljastatud

1935. a. märtsi 11. nr. 32811

Liik *pt*

Vera Korenev
Suur Tartu 35-2
Tallinn

Edasi ant. kell

Vastu võetud: 1935. a.
11/3
Jhu nr. 32811
(Kallid) (Sõnumi nr.)

EESTI VABARIIGI TELEGRAAF

(Sõnumite arv) nr. (Sõnumi nr.)

Allhüri

Lühikood	Number	Sõnade arv	Telegraafisõnumite arv	Ametmärkused
Toila	3	M	11/III kell 17.31	

1259 11/3 Severjanin
Toila väljastatud

1935. a. märtsi 11. nr. 32811

Liik *pt*

Vera Korenev
Suur Tartu 35-2
Tallinn

Edasi ant. kell

Vastu võetud: 1935. a.
11/3
Jhu nr. 32811
(Kallid) (Sõnumi nr.)

EESTI VABARIIGI TELEGRAAF

(Sõnumite arv) nr. (Sõnumi nr.)

Allhüri

Lühikood	Number	Sõnade arv	Telegraafisõnumite arv	Ametmärkused
Toila	3	M	11/III kell 17.31	

1259 11/3 Severjanin
Toila väljastatud

1935. a. märtsi 11. nr. 32811

2

Liik *pt*

Vera Korenev
Suur Tartu 35-2
Tallinn

Edasi ant. kell

Vastu võetud: 1935. a.
11/3
Jhu nr. 32811
(Kallid) (Sõnumi nr.)

EESTI VABARIIGI TELEGRAAF

(Sõnumite arv) nr. (Sõnumi nr.)

Allhüri

Lühikood	Number	Sõnade arv	Telegraafisõnumite arv	Ametmärkused
Toila	3	M	11/III kell 17.31	

1259 11/3 Severjanin
Toila väljastatud

1935. a. märtsi 11. nr. 32811

Liik *pt*

Vera Korenev
Suur Tartu 35-2
Tallinn

Edasi ant. kell

Vastu võetud: 1935. a.
11/3
Jhu nr. 32811
(Kallid) (Sõnumi nr.)

EESTI VABARIIGI TELEGRAAF

(Sõnumite arv) nr. (Sõnumi nr.)

Allhüri

Lühikood	Number	Sõnade arv	Telegraafisõnumite arv	Ametmärkused
Toila	3	M	11/III kell 17.31	

1259 11/3 Severjanin
Toila väljastatud

1935. a. märtsi 11. nr. 32811

Я очень тебя прошу, родная, позволить поговорить последний раз обо всём лично, и тогда я поступлю по-твоему желанию. Я так глубоко страдаю. Я едва жив. Прости ты меня, Христа ради!

Я зайду ещё раз.

Твой Игорь, всегда тебя любящий.

Четверг. 14.III.1935 г. <к Фелиссе>

Дорогая ты моя Фелиссушка!

Я в отчаянии: трудно мне без тебя. Но ты ни одному моему смету больше не веришь, и поэтому как я могу что-либо говорить!.. И в этом весь ужас, леденящий кровь, весь безысходный трагизм моего положения. Ты скажешь: двойственность. О, нет! Все, что угодно, только не это. Я определённо знаю, чего я хочу. Но как я выскажусь, если, повторяю опять-таки, ты мне не веришь? Пойми тоску мою, пойми отчаянье — разреши вернуться, чтобы сказать *только одно слово, но такое, что ты вдруг все поймёшь сразу, все оправдаешь и всему поверишь*: в страдании сверхмерном я это слово обрёл. Я очень осторожен сейчас в выборе слов, зная твою щепетильность, твоё целомудрие несравненное в этом вопросе. И потому мне трудно тебе, родная, писать. Но душа моя полна к тебе такой животворящей благодарности, такой нежной и ласковой любви, такого скорбного и божественного света, что уж это-то ты, чуткая и праведная, наверняка поймёшь и не отвергнешь. Со мной происходит что-то страшное: во имя Бога, прими меня и выслушай. Мне стоило большого труда не вернуться вчера со станции, чтобы молить тебя, милосердная, ибо слово нужное мне подсказал сразу же предвесенний мудрый *наш с тобою лес*. Какой же может быть тут обман с моей стороны, какая хитрость? Нежно целую указующия и верю, как указывали до сих пор, милые руки твои, Фелисса. Я не говорю, как видишь, ни одного лишнего, непродуманного слова. Я благословляю тебя. Да хранит тебя Бог! Я хочу домой. Я не узнаю себя. Мне больно, больно! Пойми, не осуди, поверь.

— Фелиссочка!..

Любивший и любящий тебя — грешный и безгрешный одновременно — твой Игорь. —

Лина Юрьевна! Ольга! Простите ли вы меня? Можно домой?

Среда, 20.III.1935 г. <к Фелиссе>

Встал с постели только для того, чтобы написать тебе, дорогая Фелисса, эти строки. У меня грипп. Сегодня уже 38. Я прошу у тебя разрешения, как я только поправлюсь, встретиться: необходимо мне это. Я привык считаться с твоими словами. Ты запретила. Теперь разреши ради Бога. Евдокия Владимировна* пусть скажет Шульцу*.

Сейчас я ложусь опять: знобит, плохо, принимаю много лекарств, болит мозг.

Любящий тебя
Игорь. —

P.S. На днях вышлю деньги

* Штранделл Евдокия Владимировна — петербурженка, в письмах поэта к С.Карузо обозначена как *холодная Цирцея*, жена хозяина продуктовой лавки в Тойла, многолетняя любовница поэта.

* Шульц Александр Эдуардович (1884-?) — редактор газеты «Вести дня» и «Русского вестника», генеральный представитель журнала «Иллюстрированная Россия» в Эстонии.

Pühapägi. 17.VI. 1935 г. <к А.Барановой>

Дорогая Августа Дмитриевна, спешу черкнуть Вам несколько хотя бы слов. Не осуждайте за молчаніе. Я жив и здоров, не писал Вам оттого, что в жизни моей происходят некіе события. С 7.III. переехал от Ф.М. из Тойлы в Пюхаеги (в 3 килом, от Тойлы). Нанял домик над рекой. Почти всё время жил в Ревеле, иногда наезжая в природу. С 25 мая живу здесь постоянно. А Ф.М. с 3.IV. переехала в Ревель и домой, в Тойлу, не собирается. Живёт у знакомых. Я забросил совсем всю переписку и ничего не творю: нет подходящего настроения. Ловлю рыбу, конечно, с упоением. Целую Ваши ручки, приветствую Фед. Фед. и Асю. Напишите о себе.

Ваш Игорь. —

Адрес прежний. <Toila.>

1 авг. 1935 г. 8.III.1935 <к Фелиссе>

Дорогая моя Фишенька,
сегодня день рождения Вахха, и я поздравляю тебя. Лину Юрьевну* поздравил вчера лично. Мне очень трудно было столько времени не писать тебе, как я собирался и обещал, но А.Э. <Шульц> *сказал мне ещё* в первый приезд, что ты не веришь ни одному моему слову и хохочешь над моими письмами. Это меня обидело. Но день и ночь я только и думаю о тебе. Недели через 2 1/2 — 3 кончается сезон и В.Б. уезжает на службу. Я остаюсь совершенно свободен, т.к. в Ревель ни за что не поеду с нею. Но я приеду на два-три дня один и остановлюсь у Степанова*. Счёт у Чернецкого возрос до 50 крон, и В.Б. обещала ему постепенно его уплатить. Я верю, что она это сделает. Но мне с нею не по пути, и это по многим причинам. Я страдаю от одиночества духовного, от отсутствия поэзии и тонких людей. Неприятности бывают частые и крупные. Это лето вычеркнуто из моей жизни. Тяжело мне невыносимо. Я упорно сожалею о случившемся. И с каждым днём все больше. Больше месяца нет писем от нашей милой Л.Т.* На днях я написал ей вновь — зову приехать и помочь мне найти покой и твоё прощение. Иначе я погибну. Целую тебя нежно, дорогой и единственный друг мой. О тебе лучшие грёзы и вечная ласка к тебе.

Твой всегда любящий тебя
Игорь. —

* Лина Юрьевна Круут мать Фелиссы, Линды и Ольги.

* Степанов Иван Харитонович — хоровой дирижёр (Русский мужской хор в Эстонии), композитор, педагог.

* Рыкова Лидия Тимофеевна — семейная знакомая Лотарёвых по Кишинёву, состояла в доверительной переписке с Фелиссой. Автор скандального письма, в котором описано ночное избиение поэтом Веры Борисовны. См. ниже.

**б\д, конец сентября, 1935 г.
<Лидия Рыкова к Фелиссе Круут>**

Дорогая Фелисса Михайловна.
Исполняю Ваше желание и пишу Вам. Расскажу Вам все события по порядку. В тот вечер, когда мы были у Вас Иг<орь> Вас<ильевич> накалённый разговорами и нашим мнением, вернулся домой раздражённым. Мы оба устали и быстро покушав, разошлись спать. Я почти уже засыпала, как

вдруг яростный свистящий голос отогнал сон: «Как ты смела, св<олочь>, как ты смела». Бац, бац — слышу удары и падение тела на пол и все увеличивающиеся спорные голоса.

Его — разъярённый, её — невозмутимо оправдывающийся. Я не знала, что предпринять. Как будто интеллигентные люди не должны вмешиваться в ссоры супругов, а между тем, там избиение. Вскочила с кровати свет не могу зажечь, выключатель не нахожу, вещи в темноте тоже не нахожу. Пришлось быть свидетельницей безобразнейшей сцены: вернее, немой слушательницей. Я ведь отчаянная трусишка казалось, что я в каком-то притоне, где апаш избивает свою любовницу. Прижавшись лбом к холодному стеклу, я стояла, время ползло и мне казалось — конца не будет всему этому. Но кончилось это так же внезапно, как и началось. Иг<орь> Вас<ильевич> захрапел, а Вера Б. крадучись вышла в мою комнату умыться. Я её окликнула, тем более что мне было нехорошо с сердцем и хотелось выпить воды.

Это забытое испуганное существо начало мне объяснять, что, как и почему, говоря почтительно, что он очень устал, спит, и что не дай Бог, что было, даже бросил её на колени, заставляя себе целовать ноги. Причины ссоры я Вам не описываю — Иг<орь> Вас<ильевич>, вероятно, Вам рассказал, однако каков бы ни был проступок — избивать беззащитную женщину это ужас.

Я не спала всю ночь, с накапливающим волнением и холодной злостью ожидая пробуждения Северянина.

Когда он встал, я заявила, что ни в какую Тойлу я не еду, а возвращаюсь домой, что он чудовище, я его боюсь и т.д. Он обрушился на Веру Б., что она мол виновата, вызвав его «святое негодование» (!) Вера Б. умоляла меня ехать. Её тупая покорность меня раздражала. Солнечный свет разогнал мои страхи, все показалось мне шаржированно-комичным. Тем более что сама «жертва» была весьма <неразб.> (видимо, «ничего», нравится). Мне хотелось смеяться, да и перспектива ехать на авось и разыскивать румынского консула в Риге мне не улыбалась, и я поехала в Тойлу. Под дождём, с промокшими ногами, оба в грязи, голодные, мы приехали в Пюхайги. Увы! И здесь скандал: «голубая комната» — столь ожидаемая сдана за неуплату. Сев<ерянин>. волнуется, звонит к уряднику, тот выехал и т.д. Затем звонок от Веры Борис<овны> с сообщением, что у неё воспаление мозга, и с требованием немедленно возвращаться. Сначала решили возвращаться вместе, осмотрев предварительно Тойлу, парк, замок. Заказали лошадь и поехали. Иг<орь>

Вас<ильевич> правил недурно, и своеобразно подгонял лошадь («Гоп-ля»), вызывая мой смех. Эта прогулка была очаровательна и заплатила по счёту прежних неприятностей.

И малиновый закат на море. Тучи сжалились и <неразб.> и сказочный парк и бурлящая река, да что описывать, вы ведь всё знаете, вызывало восторг, душа радостно впивала красоту, — Нагибая головы под елями. (Северянин не всегда признавал дороги) мы возвращались домой. Я — заморожённая, Северянин, озабоченный, несколько рассеянный и вероятно мучимый угрызениями совести за... потасовку своей Веры.

Я была полна нежности к Северянину за доставленную радость хотя и чувствовала некий стыд потому что не простила ему грубости с В.Б. Люблю власть в мужчинах, но не грубость.

Разставалась я с ним наружно весело, но откровенно говоря трагически, не хотелось отпускать, даже вцепилась в его пальто, чувствуя, что теряю единственного «покровителя» и близкого человека в Тойле: вы ведь далеко, но он конечно, ничего не замечал и вообще всё ему кажется в порядке и то, что сижу я здесь сама среди чужих людей и то, что вызвал меня из Кишинёва для столь «серьёзного дела»

Я буду хитрить сама с собой, если скажу, что довольная этой поездкой. Как ни красива местность и как ни интересно видеть Север, но Северянин меня растривает, я не чувствую прежнего дружеского <неразб.> и этот убийственный холод, полная ненаблюдательность, пошлость его теперяшней семейной жизни, и то что я сижу одна отталкивает меня. Я привыкла к атмосфере ласковости и внимания и может быть потому чувствую всё больно. Ах, скорей бы домой на юг.

Я знаю. Что никогда ни за что никому не сознаюсь (кроме Вас) в этих больных ощущениях. Но домой, домой хочу. Не осуждайте меня Фелисса, дорогая. Право не хочется врать.

Приехать и читать в Ревеле Апухтина, а в Тойле «La bouche de madame X**» < *Adolphe Belot. «La Bouche De Madame X» — «Ночи мадам X», эротика* > может ли быть что-нибудь комичнее. Уже действительно логичнее было купить автомобиль (Дёмка очень меня соблазнял и можно было) и кататься по Костюженскому шоссе <Кишинёв>.

Что вы делаете? Не ходите, родная, те лишние часы, берегите себя.

Что поделявает Александр Эдуардович <Шульц>? Северянин прибежал вероятно и масса новых тем для обсуждения.

Вчера гуляла, приходила Валерия, а сегодня не выходила, погода скверная, моросит дождь. Я ждала Иг<оря> Вас<ильевича>. Хозяйка по моей просьбе пожарила форэль, но он вероятно застрял надолго, да и Бог с ним. Отсижу своё одиночное заключение до 10 октября и отправлюсь восво-яси, но «всё что ни делается к лучшему».

Пока досвиданія.
Нежно целую Лида Р.

Привет Ал.Эд. <Шульцу> и конечно Иг<орю> Вас<ильевичу>, если увидите. Письма не показывайте ему. Не хочу.

Р.С. В.Б. звонила по телефону, спрашивала у Чернецкого, что я делаю, что у Сев<ерянина>. болит нога, сообщила.*

Копия в архиве автора. Лидия Тимофеевна Рыкова — семейная знакомая супругов Лотарёвых по Кишинёву (Румыния). Познакомились в 1933 году. Рыкова влюбилась в поэта до помутнения рассудка, лечилась в Костюженской клинике для нервных больных у доктора Коцовского. Поездка Рыковой планировалась надолго до того, как произошла окончательная ссора. У Рыковой сложились доверительные отношения с Фелиссой. Так в декабрьском 1934 года письме Л.Т.Рыковой к Фелиссе читаем:

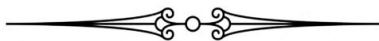
«Искренне огорчена Вашим коварным поведением в отношении своего творчества. Неужели не жалко? Я Вас не понимаю и боюсь писать об этом, чтоб Вас не рассердить, но, поверьте, с большой нежностью вспоминаю тот вечер, когда мы ждали Игоря Васильевича и Вы мне доверчиво прочли некоторые из них. Такие красивые тонкие стихи! Необыкновенное наслаждение! Увеличенное тем, что Вы приходили тогда на Ундину: рассыпанные по плечам золотые волосы и голос звучал обиженным серебряным колокольчиком. Прелестный, но грустный вечер!»

В письме Игоря-Северянина от 1 декабря 1934 года к Августе Барановой:

«Летом приедет <поездка не состоялась> одна милая дама из Кишинёва — та самая, у которой мы жили три месяца, и которая сходила с ума и тоже три месяца провела в сумаси<едем> доме. Ей 34 года, она тонкая и умная. Поёт, рисует, декламирует. Внешностью — Брунгильда. (В смысле массива!) Выше меня на голову, — великанища. И при этом, что удивительно, сложена пропорционально. Редкой красоты — южного типа — женщина. И редкой доброты. Замужняя, но уже 6 лет назад разошлась со своим инженером. У неё в Кишинёве три дома. Именье и авто недавно продала, но старого повара Илью трогательно бережёт».

В письме поэта от 1 августа 1935 года находим: *«Больше месяца нет писем от нашей милой Л.Т.* На днях я написал ей вновь — зову приехать и помочь мне найти покой и твоё прощение. Иначе я погибну».*

1936. ПИСЬМА

Тоila, 1.I.1936 г. <к Софии Карузо>

С Новым Годом, дорогая София Ивановна!

Не удивляйтесь ничему: я вне законов. Если не писал, были серьёзные причины. Очень серьёзные, поверьте. Не хотелось расстраивать кошмарами переживаний. Ваши письма все получил, — очень признателен Вам. Всегда помнил. Часто-часто. Но меня ведь почти не было здесь. Почти все время был в Ревеле. Вернее — вынужден был быть. Следов<ательно>, не жил, ибо город для меня не жизнь: ненавижу институт городов. Бедная Ф<елисса> М<ихайловна> с 3 апр<еля> живет в Ревеле: работает на фабрике шёлковой. Один скелет остался. И очень нехороший кашель (кашелёк)... Я то здесь, то там. Иногда один, иногда нет. Заработков лично у меня никаких. За весь прошлый год всего три концерта: в Печорах, Валке и Гунгербурге. Полные залы все-таки. Удивлены? Чем объяснить? Не знаю. Публика ведь отошла от поэзии. И все же везде переполнено. А денег мало. До смешного. По 8\$ за вечер!.. И вдобавок свои расходы: поезда, отэли. Роман «Рояль Леандра» лежит на складе. Из тысячи продано экзempl<яров> 25. Куда идти? Что делать? А теперь вот на Праздники приехали с Ф<елиссой> М<ихайловной> на десяток дней домой. Как хорошо здесь! как благочестиво! Сегодня Ф<елисса> М<ихайловна> уезжает снова в кабалу. Вам это известно. Вы сами в таком же положении. Зарабатывает она 1/2 \$ в день. у машины. В сентябре приезжала знакомая из Кишинева. В гости. Пробыла 18 дней, из них 12 в Тойле. ездил с ней сюда. Весною снова приедет. М.б., Вы её знаете. Она о Вас помнит. Некто Лидия Тимофеевна Рыкова, рожденная Адам. У них дом на Федоровой, около Мещанской. Великанша. Красавица. Умница. Любит искусство. Поёт. Рисует. И Липковская поселилась в Кишиневе на Немецкой.

Приветствую Вас, А<лександра> Григ<орьевича> и Игоря. Целую ручки Ваши. Напишите мне, не считайтесь письмами. Скверно мне, дорогая и милая София Ивановна, очень плохо на душе. Невыносимо.

Ваш
Игорь. —

Озеро Ульясте, 19 апр. 1936 <к Фелиссе>

В этот раз ты поступила со мной безчеловечно-жестоко и в высшей степени несправедливо. Я приехал к тебе в страстную Господню пятницу *добровольно и навсегда*. Моя ли вина в том, что разнузданная и неуправляемая женщина, нелепая и безтолковая, вызвала меня по телефону, слала телеграммы и письма, *несмотря на мои запреты*, на знакомых? Моя ли вина в том, что она, наконец, *сама приехала ко мне, и я случайно*, пойдя на речку, встретил её там? Я ни одним словом шесть дней не обмолвился ей и послал ей очень сдержанное и правдивое письмо только *накануне* её приезда, и, следовательно, если бы она не приехала в четверг, она получила бы утром в пятницу моё письмо и после него уже конечно не *поехала бы* вовсе, ибо моё письмо не оставляло никаких сомнений в том, что ей нужно положиться на время до каникул, т.е. до 25 мая, и тогда выяснится смогу ли я жить с ней или вернусь. И конечно, к 25 мая я — *клянусь тебе* — написал бы ей, что *не вернусь*. Я, Фишенька, хотел сделать всё мягко и добросердечно, и что ты не обвинила меня в предумышленных каких-то и несуществующих преступлениях, *очень поспешила*, прогнать меня с глаз своих долой, чем обрекла меня, безденежного, на унижения и мытарства и, растерянного, измученного, не успевающего успокоится, передохнуть и притти в себя, бросила вновь в кабалу к ней и поставила в материальную от нея зависимость. Я вынужден был сказать обо всём этом Евд<окии> Влад<имировне>* и другим, дабы все знали, что я люблю тебя и не хотел от тебя уйти. Зачем ты, Фишенька, поступила так опрометчиво и зло?! Что ты сделала, друг мой настоящий, со мною? Ведь, вполне естественно, что я страдал, получая от нея известия о её болезни: меня мучила совесть и жалость. Но постепенно я успокоился бы, и всё прошло бы, и её письма на меня перестали бы оказывать действие. А ты не дождалась, ты поспешила от меня отречься. Вдумайся в мои слова, поверь им и, пока не поздно, прости меня безвинного, и призови вновь навсегда к себе. Спаси меня — говорю тебе тысячный раз! Её приезд доказал мне, что ей верить ни в чём нельзя, что она даже в болезнях лжёт. Не пиши, если не хочешь, но, если зовёшь меня к себе, пришли только один синенький цветок в конверте*. Это будет значить, что я могу навеки вернуться домой. Я умоляю тебя дорогая Фелисса. Пожалей меня, прости, призови к себе.

Любящий тебя одну

Игорь. —

Sonda Jaam, Uljaste küla. Juhan Kalamees, ùra anda мне,

*Голубой цветок — романтический символ из романа Novalis — барона Георга Фридриха Филиппа Фрайхерр фон Харденберга, немецкого натурфилософа, писателя и поэта мистического мироощущения. Одновременно намёк на счастливые дни в Югославии и на стихотворение самого поэта «Голубой цветок», явно выпадающего из общего контекста сборника «Адриатика»:

Всех женщин все равно не перелюбишь.
Всего вина не выпьешь все равно...
Неосторожностью любовь погубишь:
Раз жизнь одна и счастье лишь одно.

Не разницу характеров, а сходство
В подруге обрётённой отмечай.
Побольше верности и благородства.
А там и счастлив будешь невзначай...

Не крылья грёз — нужней земному ноги.
С полётами, бескрылый, не спеши.
Не лучше ли, чем понемногу многим,
Немногой много уделить души?

В желаньи счастья — счастье. Повстречались.
Сошлись. Живут. Не в этом ли судьба?
На Голубой цветок обрёт Новалис, —
Ну, что ж: и незабудка голуба...

23.IV.1936 г. <к Фелиссе>

Я поехал в Таллинн, дабы регулировать получку 20-го апреля. Я проявил максимум энергии и в результате получил от одного мецената крупную сумму денег *без отдачи*. В моих руках теперь 100 крон, и, если ты разрешишь мне, я немедленно приеду домой. Смертельно тоскую по тебе, по рыбе весенней, по дому нашему *благостному*. Не отвергай, Фелисса: все в твоих руках — и моё творчество, и мой покой, и моя безоблачная радость. Вера выдала мне обязательство впредь не писать писем, не посылать телеграмм, не звонить по телефону и не являться лично. Я так её избранил и побил, что это уже наверняка. Каждый лишний день, прожитый *вне дома*, приносит мне пытку. Я еду в Uljaste за синим цветочком.

Ждёт ли он меня там, не пропал ли в дороге? Не сплю ночей, болит сердце. Виктору <Чернецкому> весь вексель погасил <неразб.> Прими меня домой — это твой последний долг перед Искусством и отчасти передо мной. Если ещё не послала, пошли цветочек. Я жду в Uljaste. Святой Николай Чудотворец явил мне чудо, — я лично расскажу всё.

Твой безсмертно, и так искренне,

Игорь. —

Городище окаянный, 11 мая [1936] <к Фелиссе>

У нас большие неприятности происходят, дорогая Фишенька! Начать с того, что в городе пришёл на Koidu (это было в 7.10), и дверь квартиры оказалась запертой. Даже Марьи <Неупокоевой> не было дома. Я пошёл к Нельман. Нет дома. Вернулся на Koidu, — заперто опять. Иду к Волгину* — нет. Иду к Порфирию <Кореневу> — нет. Иду «домой» — заперто!.. Пошёл к Дейч — дома нет. Измученный, еле на ногах держусь, голодный, папиросы кончились. Чуть не плачу. А в десять ворота запирают. Бегом почти через весь город опять на Koidu. Думаю: были бы деньги, уехал бы в Toila — домой — в 11.30 веч<ера>. Но в кармане ни сента. Буквально. Иду, шатаюсь, и нагоняю на Luise Tån. тройку. Иду себе с Suur Tartu. Не спеша и благодушествуя. Это было без десяти десять — срок закрытия ворот. Я вспомнил и накричал на улице: «Так-то меня ждут!» Удивились: «зачемь (!) приехал»... Не шучу, — срок. Какова наглость! Сразу же спросил в повышенном тоне о докторе с улицы. И что же? Оказалось, и это ложью: никакого доктора, вообще, не было!!! Все лгут и лгут. Ругались до поздней ночи. На озеро ехать не желает, — предпочитает Немме <Nõmme>. Тётки обработали её за две недели. Тон развязный с наглинкой. Любовных страданий не приметил. В лавке напутали счёт более двух тысяч!!! по 252, по 180 в день старались! И это несмотря на мои просьбы и запреты! Слада нет с этими людьми: делай что хочешь, грози — не грози! А когда я 26 апреля уезжал, счёт был около шести крон всего. Сегодня обещали достать деньги на дорогу и немного на жир, а 20-го переведёт 10 крон. В это верю. Я застрял. Я ничего не знаю, не понимаю. Одна мечта: как можно скорее, ехать домой. В городе гадость, мразь, вонь, пакость. В вагоне терзался нестерпимо: давка, пыль, дурнота, скука. Жалко, что уехал. Искренне. Нужно было уехать 16 — 17-го. Тоска и боль. Целую. Не волнуйся. Вернее — всегда знал, но получил ещё раз подтверждение.

Игорь. —

* Мария Никифоровна Неупокоева — няня поэта., приехала в Эстонию в январе 1918 года вместе с поэтом, жила в Тойла, Таллинне, Саркуле, возможно в Усть-Нарве.

* Никифоров-Волгин Василий Акимович (1900-1941) — русский писатель в Эстонии, член общества «Витязь».

Таллинн. 21.IX. 1936 г. <к Фелиссе>

Дорогая Фишенька,
могу пока немного порадовать: сейчас был у Ван-Юнга*. «Кубка»* он пока не взял, но будет платить за Вакха ежемесячно 15 крон. Завтра пришлёт Линде <Круут> за сентябрь. То, что будет оставаться, пойдёт уже тебе. Он просил тебя и Вакха, когда-то будете в городе, зайти к нему со мною познакомиться. Он предлагает взять теперь же мальчика к себе в предприятие и давать ему уже теперь заработать. Работа физически лёгкая. Но, м.б., говорит ещё годик пускай лучше поучится, а осенью можно решить. Сиди пока в деревне и отдыхай. Сегодня пойду ещё к Митрополиту* и др<угим> продавать книги. На днях пришлю немножко денег. Главное не унывай. Чувствую себя в городе скверно. Скучно здесь. Единственное, что подбадривает — это поиски денег. Энергии много. Безумно рад за Вакха. Напиши Линде и 28-го в понедельник, не приезжай. Я приеду, вероятно, после того как ты побываешь в городе. И на шубу пришлю. А шуба пусть лежит у тебя. Так и приехал бы в Тойлу, но нужно быть благоразумным, по семь крон не бросать. Итти ли уже в министерство или подождать? Напиши Линде. В.-Ю. был крайне любезен и сердечен. Это просто замечательно, что я устроил. Завтра же иду к Шиллингу*. Целую тебя и благословляю. Привет маме, Ольге, Элли* и Линде.

Твой Игорь. —

Palju tervitusi Vakhile ja Lndalt.

* Ван-Юнг, Март Викторович — директор текстильной фабрики.

* Речь идёт о подготовленном поэтом 11 издании сборника «Громокипящий кубок». После смерти поэта Фелисса взяла с этажерки в комнате, где проходило прощание с покойным, рукопись «Громокипящего кубка» без разрешения Коренди. Она считала, что имеет на это право.

Неустановленная девочка, Ольга Круут, соседка Элли, Вахх, Ольга Линда Круут, Фелисса, Игорь. Тойла, не позднее 1930 года.

После смерти Фелиссы рукопись попала в Литературный музей в Тарту. См. письмо от 24.09.36: *«А «Кубок» мы продадим совместно с тобою В.-Ю., когда приедешь сюда»*. В мемуарах В.Кореди: *«Около гроба небольшая этажерка с его рукописями. Между прочим, исчезла одна рукопись «Громокипящий кубок». Куда — не знаю. И до сих пор, я её не могу отыскать.»*

* Митрополит Таллиннский и всяя Эстонии Александр (Паулус).

* Шиллинг Сергей Михайлович (1881-1947) — выпускник училища правоведения, русский национальный секретарь в Эстонии, член Ревельского русского учительского союза, член правления благотворительного общества «Белый крест».

* Элли — соседка семейства Круут по Тойла.

Tallinn, 24 сент. 1936 г. <к Фелиссе>

Дорогая Фишенька моя!

В.-Ю. исполнил уже своё обещание: на другой же день Линда получила 15 кр.<он> за сент. К сожал.<ению>, по ея словам, сент.<ябрьская> получка вся уйдёт на сына: 10 кр. за год и 5 кр. за плату первого полугодия. Но с окт.<ября> тебе будет по 5 кр. Я был у митроп.<олита> и ген.<ерала> Васильк.<ковского>* Первый дал за книгу 3 кр., второй —

5 кр. Прежде всего оподмётит сапоги: 2.50. (Берегу туфли.) Поэтому в понед.<ельник> 28-го высылаю тебе 5 кр. + ту сумму кот.<орую> соберу за пятницу, субботу и воскр. Хочу, чтобы 10 кр. пошли из суммы на шубу. Сбереги их. Надеюсь, что книги кое-что дадут. А «Кубок» мы продадим совместно с тобою В.-Ю., когда приедешь сюда. У Шиллинга решительно ничего не вышло: ссылается на полное отсутствие средств, между тем как Яйк* говорит мне, что Ш <Шиллинг>. тратит по 60-80 кр. на дурацкие постановки пьес в провинции Причудья. Ш. послал меня в кассу пенсионеров (Эст.) Там сказали. Что нужно записаться у них и платить членский взнос — самое малое по 1 кр. в месяц. Тогда, спустя пять лет, дадут по 25 кр. в месяц. Но я сослался на большое сердце. В таком случае, возможно, меня назначат на медиц.<инское> освидет.<ельствование> их, конечно, врачей и дадут сразу, не дожидаясь установл.<енного> срока. Секретарь дал мне заполнить анкету на дом. Что делать? Есть ли надежда или только болтовня? Ну, это не к спеху: можно сделать, когда приедешь. Анкету пока не заполню. Живём на книжку — все проданы и табак, так что ни грамма не трачу. Всё весьма бедно и убого: ни рыбы, ни мяса. Но всё это ничего, ибо у меня есть идея сбора денег. И это меня бодрит и примиряет временно с городом, хотя тяга в глушь большая. Целую тебя ласково и благословляю. Привет домашним.

Всегда твой всей душой

Игорь. —

P.S. Ш<иллиngu> я наговорил резкостей.

* Васильковский Олег Петрович — генерал-лейтенант (до 1910 года — Карл Карлович), военачальник Русской императорской армии, главнокомандующий войсками Петроградского военного округа во время корниловского мятежа, один из лидеров русской военной эмиграции в Эстонии. Арестован органами НКВД в Талине1 июля 1940 года. Умер 12

января 1944 года в исправительно-трудовой колонии № 6 города Томска.

* Яйк Юхан (*Юхам*, 1889 – 1948) — эстонский писатель и журналист, организатор похорон поэта в декабре 1941 года.

Tallinn, 29 сент. 1936 г. <к Фелиссе>

Дорогая Фелиссушка!

Второй день сижу в квартире: сильно простудился в окаянном лёгком пальтишке, — кашель, насморк с полотенцами, дерёт грудь и горло, повышена температура, вчера принял аспирин. Скучища адская, ибо весь день предоставлен сам себе, но это и хорошо, когда здоров: могу энергично бегать по городу, продавая роман*, но, когда болен, скучно и томительно. Шульц с супругой укатил 19-го в Дубровник! Остро ему позавидовал. Вернутся только 30 окт<ября>. Квартира попалась холоднючая, берущая уйму дровищ, а дрова стоят 3.75 метр сосновья и 4.75 берёзовья. Кошмарная цена! А что будет зимой, когда печи тепла не дают абсолютно. Мечтаю приехать к тебе между 7-10 окт<ября>, обогреться, напитаться и отдохнуть, потом вместе поехать в Tartu и далее. Отношения наши шаткя и тягостныя. Ребёночек, конечно, через несколько же дней, был выдворен в спальню В.Б., кровать, видите-ли, была перевезена с вокзала прямо сюда, а без нея ребёночку плохо спать! Но одно спасение: ежедневно в 10 утра его уводят на час на прогулку, а в час дня до 7.30 уводят к тёткам. Так что я почти самой маменьки и не вижу. А по воскрес<еньям> она целодневно у своих. Весёленькая жизнь! Заработал пока 2700* (митр<ополит> 3, Васильк<овский> 5, Ганзен Цецилия* 10, Химпо 2, Вандам 2, профессор Шелоумов 2*, Яйк 1, Лешик 1 и Черкасов 1) Из них 2000 послал в субботу тебе, 250 подмётка, 50 автобус дважды к Виснапу* (и дважды никого дома!), подарок (одеколон*) В.Б. к именинам 100, носки и шнурки 60, а оставшиеся 240 отложил на мясо и зелень, чего в лавке нет. В.Ю., конечно, gratis. 3 экз. взяла на пробу Андреева и в четверг или вернёт, или заплатит. Цена, ведь, по желанию. Осталось у меня пока что 7 экз., которые продам мгновенно, как только выйду на улицу. Даже 6, т.к. сейчас вспомнил, что седьмой отдал г-же Франкенталь. Она его купила уже (цены не знаю), и деньги обещала уплатить 5-го окт<ября>. Она приняла меня очень любезно и дала несколько хороших советов и адресов. Сегодня, кажется, зайдёт за книжечкой некй Шефтанов, человек весьма состоятельный. Берегу каждый грош на дорогу к тебе и на нашу в Tartu. Думаю, купить воротник и, приехав домой, отдать тут же в переделку пальто, чтобы запастись курткой. Зяб я ужасно. Да и вид позорный попросту. Что касается перемыны фамилии и исправленья ея, я схожу перед отъездом из Таллина в №7 и всё разузнаю. Так что, Фишенька, пускай лучше сначала я приеду к тебе, а

то мне здесь невтерпёж без тебя и без деревни. А оттуда или мы поедem в Тарту через Таллинн, или из Валка* поедem в Таллинн к В.-Ю. Во всяком случае, рукописи я привезу в Тойла. Привезу и новыя туфли, и шёлковыя носки, и шляпы соломенные. Умер Животовский, Немирович-Данченко* и Лазаревский*. Умирает Бремер*. Я боюсь, что мне не хватит книжек. Не пришлешь ли на Линду ещё штук пять? И в турнэ возьмём побольше. В лавке счёт за 13 дней 1267. Слежу внимательно, но легче никак невозможно! Идёт много керосина, т.к. на плите я позволил готовить только раз. Дрова дороги. И кухня после большой топки, увы осталась холодной. Высокие потолки, три *наружные* стены, каменный дом*. Так хочется домой, Фишенька!.. Неуютно здесь, чуждо мне всё.

Не пью я, друг мой, не беспокойся, родная моя. Поумнел, порядочнел. Во многом себя корю, многое понимать научился. Береги себя, питайся лучше, масло купи. Достану деньги и на ноябрь, и на декабрь, лишь бы ты не служила. Обо всём лично скажу.

Целую тебя нежно. Привет Л.Ю., Ольге и др.

Твой всегда

Игорь. —

Я писал тебе уже дважды — это третье письмо. Получила те два?

* Рояль Леандра (Lugne). Роман в строфах. Том XXV. Бухарест, издание автора, 1935 год.

* 2700 — здесь и далее пересчёт на сенты.

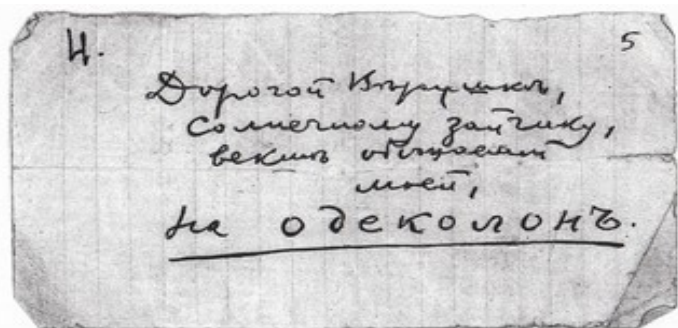
* Ганзен Цецилия Генриховна (1897-1989) — русская и германская скрипачка и музыкальный педагог, занималась благотворительностью, отсюда и сумма в 10 крон.

* Виснапуу Хенрик — эстонский поэт.

* *подарок В.Б. к именинам* — одеколон, см. сопровод. записку поэта от 29 сентября 1936 года.: *Векша — другое название белки обыкновенной.*

* Шелоумов Пётр Михайлович (1882-1952) — профессор, российский, эстонский и советский инженер, изобретатель; в описываемое время директор машиностроительного завода «Франц Круль» в Таллинне.

* Андреева Анастасия Ильинична (1876-1960) — преподаватель Частной русской гимназии общества «Русская школа в Эстонии», состояла

в правлении Ревельского русского учительского союза; одна из основательниц таллиннского пригорода Хийу.

* Шефтанов —

* Валк, турнэ — речь идёт о повторении выступлений в Печерах 4 мая и Валке 5 мая 1935 года.

* Немирович-Данченко Василий Иванович (1848-1936) — поэт и прозаик, публицист, военный корреспондент, брат театрального деятеля Владимира Немировича-Данченко.

* Лазаревский Борис Александрович (1871-1936, Париж) — русский писатель, прозаик и публицист.

* Бремер Александр Александрович (1889 – ?) — прапорщик лейб-гвардии Семёновского полка, инвалид, член объединения семёновцев, член Ревельского русского клуба.

* *три наружных стены, каменный дом* — квартира Запольских по адресу Таллинн, Tartu mnt, 32/2.

Tallinn, 7 окт. 1936 г. <к Фелиссе>

Я все ещё болен, дорогая Фикша, насморк не проходит, болит упорно грудь, кашляю и впечатление жара. Раза два вышел и вновь засел. И напрасно, оказывается, выходил, тем более под проливнем, кот<орый> здесь ежедневно. Книжки от Линды получил, несколько уже успел сбить, — спасибо. Квартира оказалась холодной и сырой, потолки протекают. Скука ужасающая, дикая! Порядки в квартире способны привести в исступление. Сержусь ежедневно, когда дома, а, благодаря болезни, «дома» вынужден быть часто. Жажду до умопомрачения Тойлы! Приеду не раньше воскресенья, 11-го, а, возможно, и 12-го, и 13-го, и даже 14-го. Но уже не позднее, т.к. автобусы ездят лишь до 5-го.

Привезу вещи и... сюрпризы! Много интересного сообщу тебе. Установлен факт получения гонорара г-жою «местной» у вас. Зарабатывает, оказывается, на «корреспонденциях», ибо телефончики обрабатываются в городе для печати. Недурно?! По поводу «Lotars'a» всё устрою завтра, когда рискну выйти на воздух. Целую и жажду повидаться. Очень трудно мне вести здесь хозяйство на книжку: дорого, безвкусно, несытно. Иногда прикупаю мясо, иначе ноги можно протянуть, но трачу минимально. У В.Б. интенсивная переписка с африканским дядюшкой*. Она зовёт его бросить службу (!) и переехать сюда. И он, видимо, к весне приедет. Это, знаешь ли, не так плохо для В.Б. ... Человек, видимо, хороший и очень до сих пор её любит. Прямо молитвенно. Приветствую Л.Ю., Ольгу, Элли и Линду.

Андрушкевич* у дантиста получил гангрену. Лежит уже неделю в больнице с температурой около 40. Сделана операция. Положение серьёзно. Жаль человека.

Привет ещё раз! Весьма беспокоюсь получила ли ты, Фикушок, деньги из Бухареста. Пора бы!

Твой вечно
Игорь. —

P.S. Сияет солнце, зовя к тебе!

* Lotars — цветок лотоса (?).

* *Африканский дядюшка* — Дмитрий Валерьянович Запольский. родной брат отца Веры Борисовны Бориса Валерьяновича Запольского,

* Андрушкевич Леонтий Адамович (1887-1941) — директор Частной русской гимназии общества «Русская школа в Эстонии» (Таллинн) одновременно преподаватель в Ревельской городской русской гимназии.

Tallinn, 1. XII. 1936 г. <к Фелиссе>

Фишенька, дорогая моя, ясная головушка, умная и чуткая, чудная и дорогая! Замучился в пути, только в 7.25 добрался до квартиры, где никто меня не ждал и ничего не приготовил. Спасибо, что пирог был. Слез я в Ülemiste, но и оттуда очень далеко*. Шёл в полной тьме. Вчера ездил к Виснапу. Он потом приехал, я сидел у нея*. На праздники едет она в Luupja, хочет на обратном пути к тебе захватить. Платья я взял и спрашиваю: отдать ли Норе (через Ауру) или самому привезти. Думаю, второе

лучше. Я уложил его в корзину сверху: не сомнётся. К Шефт<анову> сегодня зайду, равно и к Линде. Здесь и холодно, и голодно. Проплакал весь день о Toila милой, о уюте и тепле, о Фишеньке чудесной своей и незаменимой никем. Очень может статься, что не выдержу городской обстановки и приеду раньше срока, т.-е. между 12-15, т.к. по словам Ing*, относительно книги Ундер, возможно, что выйдет дело, а Генрик* прибавил, что заседание будет около десятого. На-днях схожу и в министерство относительно перемены фамилии. Пока, увы, не нахожу в себе достаточно сил идти продавать книги, но завтра, вероятно, уже начну. В.Б. без меня продала книгу Milvi Laid* за пять крон, из них 2 откладываю на фото Тойлы, а на три буду питаться всё это время по 30 в день. Пойду к Леви, Мельнику, Кульбергу и т.д. Деньги или переведу, или сам привезу, равно и все подарочки. Напишите на Линду и письмо дяди Димы* туда же перешли. От него письмо придёт в Тойлу 9-10-го. Я зайду, если уеду 12-го, одиннадцатого к Линде. Впрочем, я ещё напишу около 6-го – 7-го. Грущу, что я не в Toila, грущу, что так скоро уехал. Как твоё, друг мой верный, здоровье? Береги себя, Фишенька, помни, что ты — мой свет, моё <неразб.>, моя связь с Поэзией. Ежедневно между 9 — 9.30 вижу тебя на мостике новом и как ты смотришь на меня, ибо на западе я. Целую трагическия веки твои нежно и растроганно. Приветствую маму, Линду, Ольгу, Элли. Город давит, раздражает, гнетёт. Дмитрий Валерьянович м.б. и не приедет из Туниса, если не сумеет достать много денег, и это было бы ужасно. Но всё- же он почти уверен, что приедет и именно 7-го января, выехав из Туниса 31 дек<абря>. В.Б. ходит тучи мрачнее. Люблю тебя и *верен тебе одной*.

Твой всегда по-настоящему
Игорь. —

О получении кроны и о платье, здоровья напиши Линде открытку в четверг, чтобы в пятницу днём я уже знал ответ. Кушай масло, молоко, булку. Пусть дают в кредит: отвечаю своим смокингом. Меня очень волнует твоё питание. Живи под Божьим благословением.

* *Оттуда очень далеко* — имеется в виду расстояние от станции в Таллинне до дома по адресу Tartu mnt. 32/2.

* *У нея сидел* — имеется в виду Хильда Францдорф (Ing) — жена эстонского поэта Хенрика Виснапуу.

* Генрик — Хенрик Виснапуу.

* Milvi Laid (1906-1976) — псевдоним Александры Исак (с 1940 г. Циммерманн); эстонская оперная певица (сопрано) и актриса, член Союза актёров Эстонии.

* *Дядя Дима* — Дмитрий Запольский, он же — *африканский дядюшка*.

Tallinn, 8. XII. 1936 г. <к Фелиссе>

Не везёт бедной Фишеньке: Линда занята, В.Б. четвёртый день больна и не может никуда пойти — ни на службу, ни на почту (продуло голову от городской шляпёнки!), я же сам не умею переводить денег, Марья — дура, поэтому посылаю пока одну крону, а в ближайшие дни переведу три – четыре. Вакха пустят только 23-го вечером, поэтому я решил пойти 15-го к директору и просить его отпустить младенца вместе со мною в воскресенье, 20-го, в 8.50 утра. Младенец торжествует. На днях пойду в министерство по поводу фамилии. До сих пор не удосужился по той простой причине, что бегаю до упаду с книгами. Ш. <Шиллинг> концерт устроит только после 7-го января, да это и лучше, по правде говоря, ибо перед праздниками уже поздно. М.б. на-днях он устроит всё-же у себя платную вечеринку, дабы подкрепить мои финансы. Привезу всем вам подарки по средствам. Будь здорова и весела. Схожу на почту, чтобы поскорее получила это письмо. Крепко целую и благословляю. Привет татап и всем моим обожаемым

Всегда твой
Игорь. —

Tallinn, 10. XII. 1936 г. <к Ольге Круут>

Милая Ольга,
поздравляю Вас с днём Вашего рождения и очень завидую Вам, что Вы живёте в деревне, где все умные, честные, благородные, чище и прекраснее, чем в зверинце для двуногой падали — окаянном, Богом проклятом, городе. Для Поэта воистину большое несчастье не видеть речки, поля и леса. Здесь даже воздух напоминает дыхание дьявола. Здесь можно изуродовать свою душу и просто умереть от горя. К сожалению, в деревне жить не на что людям искусства, и весь ужас, вся безнадежность в этом обстоятельстве. Привет маме, Линде и Элли. Целую Фелиссу. На-днях ей напишу. Завтра, вероятно, решится судьба рукописи переводов из Under*.

С искр<енним> приветом
Igor.

P.S. 8-го я послал Ф<елиссе> письмо с вложением кроны. Получили?

* Марие Ундер. «Предцветенье». Том XVI. Таллинн, перевод с эстонского и издание Игоря-Северянина, 1937, 39 с., 500 экз., без оглавления. «ПОСВЯЩАЮ ФЕЛИССЕ КРУТ, МОЕЙ СОТРУДНИЦЕ. ПЕРЕВОДЧИК. Работа выполнена частью в 1922 г. в Тойле, частью в 1923 г. в Тарту. Окончательная редакция в 1935 г.»

30. XII. 1936 г. <к Фелиссе>

Дорогая Фишенька,

всю дорогу был под впечатлением того маленького конфликта из-за воротника, который разгорелся у забора Вилемсона. Прости меня, великодушно за мою такую в сущности понятную нервность и раздражительность. Я совсем стал больной человек, ведь. И меня надо, пожалуй, понять, а не осуждать. Я и в городе раздражаюсь из-за малейшего пустяка, ибо я не так и не там живу, где хотел бы. В.Б. сильно настроена тётками против меня. Совсем чужою стала. Злитесь и нервничает безконечно. Удивилась, что я скоро вернулся. На-днях всё выяснится, когда приедет дядя. Видимо, его хотят полонить совместно. Так чувствуется. Приедет он не пятого, а шестого, как выяснилось теперь. Относительно книг сообщаю, что В.Б. не очень-то хочет итти: видимо, и тут тётки подгадили и сказали. Что неудобно учительнице ходить по квартирам. Всё-таки завтра пойдёт, но уже нехотя. Как только получу некоторую сумму, переведу. То же относится и к чеку. Будь совершенно спокойна. Сегодня она пошла опять к тёткам. Так и рвалась. Поёт им сплошные дифирамбы, приходит в неистовство, когда я ругаю их. Мне стоит, одним словом, громадного труда не сесть завтра в поезд и не уехать к тебе домой, достав где-нибудь немного денег. Но это было бы в материальном плане чрезвычайно глупо, и я держался из последних сил. Но их у меня уже, увы, немного. А с каким упоеньем я поехал бы сейчас же обратно! Здесь ничего не получится. Вопрос только времени. Атмосфера сгущена предельно. Разряд близко. Седьмого решится вопрос Ундер и жду чек ежедневно.

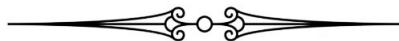
Около 10-12 приеду наверняка. Конечно, запасшись деньгами. Новый год встречать совсем не будем, ибо ни денег, ни настроенія абсолютно нет. Холодно и голодно. Положеніе моё стало невыносимо глупым. И тягостным. Поздравляю тебя друг мой верный, с Новым Годом и надеюсь, что он будет мудр и прекрасен.

Я так устал и так хочу притти в состояние, мне свойственное: стать *только* поэтом и жить *всегда* в природе. Поздравь от меня маму, Ольгу, Линду, Вакха. О нём я поговорю с Генриком первого числа.

Благословляю и целую нежно и грустно.

Твой всегда Игорь. —

P.S. Ни переплетать книг, не застекливать портреты не могу: это меня свяжет с городом. Все вещи уложены в два чемодана.

1937. ПИСЬМА

Tallinn, 2.1.1937 г. <к Фелиссе>

Дорогая, милая, родная Фишечка моя!

Поздравляю Тебя с днём Твоего нужного мне всегда появления на свет, благодаря которому я приобрёл тонкий вкус в поэзии, что я очень ценю и за что очень признателен тебе. Твои стихи должны быть восстановлены — это моё искреннее желание, и я заклинаю тебя это сделать, когда я приеду домой, т.е. когда я вернусь домой. Если бы окаянный Ш. <Шиллинг> дал мне давно уже билет, так часто ездил бы я к тебе, друг мой. Вот и теперь я приехал бы, конечно. Мне стоило большого труда не сесть в поезд и укатить в родную Toila. Но праздники, увы, дают себя знать: благодаря им не удалось пока В.Б. ни одной книги продать, а была она в восьми местах. Из этого числа обещали купить после седьмого*, т.к. истратились на покупки разные. И мяса мы не видим, ни разу не было. Едим ужасающую по безвкусоности ревельскую картошку ежедневно. Ежедневно В.Б. проводит большую часть дня у своих мегер*, а я переписываю рукописи понемногу и никуда буквально не хожу: нет ни малейшего настроения. Вчера только ходил пешком к Виснапу и никого не застал дома. 3-го поеду опять по поводу прошения. Или 4-го в понедельник, схожу к нему на службу. Не беспокойся, всё улажу хорошо. Думаю, что около 8-10 будет ответ от Рет* на Тойлу — о получении письма Мими*. Что касается чека из Белграда, вероятно, он придёт около 10-15 ян<варя> и тогда же я переведу (или привезу) деньги Тебе. Как только продам несколько книг, переведу сразу же 3-5 крон. Не задержу ни дня. Я так утомлён, так обескуражен. И здесь такая непроходимая тощища. Этот «вундеркинд»*! Эта Марья! Эта В.Б., всей душой находящаяся у тёток*! Дядя выехал из Туниса 30-го в 7 веч., 1-го янв. В 5.55 утра переплыл, уже Средиземное море и был в Неаполе, в 3.50 был в Риме и в 11 веч. выехал дальше. Сегодня второго он уже в Вене, а завтра 3-го, в 12 дня будет в Варшаве. Но так как третье придётся на воскресенье, он не сможет получить Латвийской визы и пробудет в Варшаве до понед<ельника>, 4-го, и, значит будет в Риге только в 5 дня 5-го и выедет оттуда в 10 ч. веч., след<овательно>, в Таллин он приедет 6-го в 8.35 утра. Между 10-12, думаю, мы приедем уже сами, запасшись деньгами для тебя и провизией, и шоколадом-ломом, и пудрой. Привезу и подарочек ко дню рождения. На этих днях многое *выяснится*. А там мы поедем с тобой в Ригу: я не могу больше вынести этой обстановки сумасшедшего дома. Ни нравственно, ни *физически*. Здесь сплошной мрак, сплошная тупь. На днях я пробовал

прочеть кое-что из рукописи (не мог молчать, душа требовала стихов!), и через два-три стихотворения В.Б. заснула сидя!!!*... Целую тебя, Фишечка милая, томлюсь, как в заключении, мечтаю безумно о небывалой зиме среди природы, когда нет снега, воды открыты, и в воздухе *не зима*. На-днях в «Сегодня» есть отчёт о новом лауреате премии Польши — Казимире Вежинском*. Между прочим, значится, что он всегда восторгался мною. Мне это было приятно прочесть. Лину Юрьевну, Ольгу, Элли, Вакха и Линду (если Ольги уже нет) поздравляю с дорогой новорождённой* и посылаю привет.

Любящий тебя всегда

Игорь. —

P.S. Выудили ли ведро, мною пущенное в воду? Мне это грустно. Извините меня. Ежедневно от 9 до 10 я вместе с тобою на зелёном мостике. Напишу 7 или 8-го.

Это письмо посылаю сегодня, третьяго, чтобы ты его получила четвёртого утром. Потерпи ещё чуточку: деньги будут. Боже, как это ужасно, когда приходится при твоём гордом характере временно одолжаться. Понимаю, сочувствую и выручу.

* *купить после седьмого* — т.е. после Рождества Христова по Юлианскому календарю.

* Рет — неустановленное лицо.

* Мими-Вноровская Ольга Леонтьевна (1906-?) — поэтесса, автор сборника «Стихотворения» (1936); знакомая Игоря-Северянина по Бухаресту.

* *Мегеры, тётки* — сёстры Запольская и Фёдорова, проживавшие в Таллинне в доме 35/2 по Тартускому шоссе, квартира во втором этаже. Дом каменный, двухэтажный.

* *вундеркинд* — дочь В.Б. Валерия Порфирьевна Коренева.

* *В.Б. заснула сидя* — в мемуарах Веры Борисовны изложена другая, более романтическая версия события, перенесённая в 1940 год:

«Здесь же, на Устье родилось его последнее стихотворение “Последняя любовь”. История его появления такова: ему захотелось выпить бокал шампанского. Я поехала на пароходе в Нарву. Когда я вернулась, я была просто поражена его необыкновенно-вдохновенным выражением лица, его сияющим счастьем глазами. Он подозвал меня к себе, усадил в кресло и сказал: “Верушка, я тебе такой подарок приготовил! Будешь вознесена вот так!” Он поднял обе руки вверх, опустил на колени и... заплакал.

Потом прочёл мне это чудесное стихотворение, это “чудо”, рождённое его светлой душой, его любящим сердцем. Это была его “лебединая” песнь мне, дочери, сказочным годам, прожитым вместе... (Ibid.)

* Вежинский Казимир (1894 – 1969) — польский поэт. В обращении Игоря-Северянина «Поэтам польским» (31.01.1928) Вежинскому посвящены строки:

И ты, кто ласковой снежинки,
Чей взгляд радушной звука «а»,
Как солнце светишься, Вежинский,
Пронзающее облака!

См. также «Открытое письмо Казимиру Вежинскому» от 28 января 1937 года:

Светлый Собрат!

Сама Святая интуиция диктует мне это письмо. Я искристо помню Вас: Вы ведь из тех отмеченных немногих, общение с которыми обливает сердце неугасимой радостью. Я приветствую Ваше увенчание, ясно смотрю в Ваши глаза, крепко жму руку. Я космополит, но это не мешает мне любить и чувствовать Польшу. Целый ряд моих стихов — тому доказательство. На всю Прибалтику я единственный, в сущности, из поэтов, пишущих по-русски. Но русская Прибалтика не нуждается ни в поэзии, ни в поэтах, как, впрочем, — к прискорбию, я должен это признать, и вся русская эмиграция. Теперь она готовится к юбилею мёртвого, но бессмертного Пушкина. Это было бы похвально, если это было сознательно. Я заявляю: она гордится им безотчётно, не гордясь отечественной поэзией, ибо, если поэзия была бы понятна ей и ценима ею, я, наизаметнейший из русских поэтов современности, не погибал бы медленной голодной смертью.

Русская эмиграция одной рукой воскрешает Пушкина, другую же умерщвляет меня, Игоря-Северянина.

Маленькая Эстония, к гражданам которой я имею честь принадлежать уже 19 лет, ценя мои переводы её поэтов, оказала мне больше заботливости, чем я имел основания рассчитывать. Но на Земле все в пределах срока, и мне невыносимо трудно. Я больше не могу вынести ослепляющих страданий моей семьи и моих собственных. Я поднимаю сигнал бедствия в надежде, что родственная моему духу Польша окажет помощь мне, запоздалому лирику, утопающему в человеческой бездарной бесчеловечности. Покойный Брюсов сказал Поэту:

*Да будет твоя добродетель —
Готовность взойти на костёр!*

Я исполнил его благой совет: я уже догораю, долгое время опаленный его мучительными языками. Спасите! Точнее, затушив костёр, дайте отход безболезненный.

Верящий в Вас и Вашу Родину.

P. S. Предоставляю Вам все полномочия на перевод и помещение в печати польской этого моего письма.

Tallinn. 26.1.1937 г.

* поздравляю с дорогой новорождённой — 2 января день рождения Фелиссы.

* Это письмо посылаю сегодня, третьяго — см. конверт ↓.

Воскресенье, 10 янв. 1937 г. <к Фелиссе>

Дорогая моя Фишечка,
Фикунчик мой солнечный!

Изо дня в день стремлюсь к тебе домой, но пока ещё не могу: не всё устроено, а приехать без денег невысказимо. Но у меня есть надежда на куш из Польши. Выяснится на этих днях, не позднее 12-14-го. Так что

приехать смогу около 14-15-го. Сообщу накануне ещё раз. Потерпи, дорогая, немного. Скажи Л.Ю., чтобы не беспокоилась: отдам за тебя всё до чиста. Я, ведь, не жулик, в конце концов. Всё устроится лучше, чем вы все там думаете, ибо я не дремлю, а весьма интенсивно работаю в направлении получения денег. Да и чек из Белграда придёт на днях. Так что касательно денег нечего тревожится особенно.

Дядя — сплошное очарованье. Деликатнейший и добрейший, очень сдержанный и ничего не кушающий. Внешностью, и манерой держаться — вылитый Эссен*. Большой франт: привёз смокинг и три костюма. Бывший морской офицер. Знает и о Гиппиус и о Гумилеве, и Ахматову любит. Увидев все, и всё узнав, в ужасе. Даже два сильных сердечных припадков было с ним. Ставил горячие припарки и посылал в аптеку. Да и не мудрено: из-за него содом у тёток: хотят женить на Валерии и Вере... одновременно! И послать в Африку. Сестры рвут на части! Но Вера его не уступит. Отпуск кончается 25 января. Мы накануне событий. Я нейтрален. Подробности лично. Привёз тебе пудру. Вскоре получишь. Я получил дивный портсигар и мундштук в футляре. Денег не привёз. За куклу заплатил на итал<ьянской> границе 15 крон пошлины, но на австр<ийской> такую пошлину хотели, что пришлось куклу отдать чиновникам. Браслет упоительной работы. И такое же кольцо с тайником. Сейчас пойду ругаться к Виснапу, ибо рукопись не приняли, как выяснилось вчера, и, между тем, он ещё на-днях обнадёжил. Кстати, это возмутительно, т.к. Шумаковскую* гадость оплачивают. У них, видите-ли, *неимение* средств!.. У Усиссо* завтра свиданье. Всё расскажу, когда приеду. Я ходил встречать Вакха на вокзал. Он мне рассказал о подарке Е.В.Ш. и Ади Милли*. Я очень порадовался, Фикушок за тебя. И главное — всё нужные вещицы. Целую Тебя ласково и скучаю без тебя и природы моей. Приветствую Лину Юрьевну, Ольгу, Элли, Линду. Совсем уже вскоре буду дома и всё сообщу, и денег привезу. Дядя с Верой ушли к тёткам, а я иду в Nömme. До скорой встречи! Безумно хочу с тобою в Tartu, Ригу, Двинск. Около 1 февраля, Бог даст, поедем. Будь здорова, кушай, не бойся: всё заплачу. Питайся прошу. Не завтра же тебя <неразб.> Пусть поймут, что необходимо дожидаться денег: я сам их не делаю.

Твой всегда Игорь. —

У дяди денег в обрез, но в Африке избыток! Ни гроша Вере здесь дать не может.

* фон Эссен Александр Карлович — Принц Лилий в свите короля поэтов,

военный инженер, помощник по инженерной части командира 6-го пехотного Талабского полка Северо-Западной Армии, жил в Кохтла-Ярве.

* *Шумаковскую гадость оплачивают* — имеется в виду заказ министерства поэту и переводчику Юрию Шумакову на перевод стихов Марии Ундер: Избранные стихотворения / пер. Ю. Шумакова, обл. и виньетки худ. Г. Мугасто. Тарту: Издательство «Eesti akadeemiliste naiste uhing», без указания даты издания (на рубеже 1935-1936 годов). Книга составила конкуренцию переводу Игорем-Северяниным сборника стихов Ундер «Предцветенье».

* *Усисоо*, правильно: Уссисоо Теодор (1878-1959) — с 1922 по 1941 годы директор Государственного индустриального училища, с 1924 по 1940 год одновременно руководитель Государственного индустриального училища, а с 1932 по 1939 год — председатель Таллиннского совета по трудоустройству.

* Е.В.Ш — Евдокия Владимировна Штранделл.

* Адольф (Ади) Милли (1911-1953) — сосед по Тойла, с детства был влюблён в Фелиссу; со второй половины 40-х в гражданском браке с ней. Похоронен в Тойла на семейном участке Круут

Вторник, 12.1.1937 г. <к Фелиссе>

Дорогая Фишечка!

Посылаю тебе 5 крон, — рискую, авось Бог даст, получишь. Дело в том, что послать по почте почти затруднительно. В.Б. ушла в школу, и я сам послать не могу, не умея написать на переводе. Но послать хочется поскорее, что невольно приходится рисковать. Когда получишь, будь добра напиши 14-го Линде хотя бы открытку, я зайду в этот день к ней и узнаю. Да благословит тебя Бог, — я принял все меры к тому, чтобы получить деньги. Сегодня я был у Юхкама <Яйк>, и он дал мне письмо к министру народного просвещения. Я пошёл с письмом по адресу, и там ответ послезавтра. Не знаю, что получится, но верю в успех. Возможно, что получу куш. Так или иначе, в четверг напишу письмо тебе, моя дорогая, а пока, целую крепко и благословляю. Ежедневно жду ответа из Польши, — а вдруг получу оттуда большую сумму. Подробности лично. Будь здорова и благословенна.

Твой всегда

Кокша, т.е.

Игорь.—

15.1.1937 г. Таллинн. <к Фелиссе>

Дорогая Фишенька!

Вчера утром я побывал один лично у г.Уссисоо, который принял прошение и свидетельство и обещал экзаменовать мальчика весной, хотя для всех других весенние экзамены *с этого года отменены*. Он был более чем любезен, подарил мне одну из своих книг, обещал *особо* заниматься Вакхом, определить его в оркестр и *определить на место* по окончании училища. Он, оказывается, читал «Гром<окипящій> куб<ок>» и другие мои книги. Результаты визита моего к министру народного просвещения вчера приняли окончательную форму: на следующей неделе мне будет выдано 150 крон на издание М.Ундэр и 200 крон на поездку по Причудью. Как только получу сумму, на другой же день выеду в Тойлу, а оттуда уже, отдохнув, начну поездку около 1 февраля, вряд ли ранее: я весьма издёрган «красотами» города, и мне необходимо несколько отдохнуть и собраться с мыслями. Сейчас я иду к Линде, чтобы узнать от нея — получила ли ты 5 кр., которые я послал тебе в простом письме 12 янв. вечером. Я просил известить меня и сегодня жду отклика. М.Б., завтра утром я выеду сам в Тоила дней на пять, если сумею достать сегодня несколько крон на дорогу, и тогда я буду дома часа через четыре после получения тобою этого письма. Мне очень хотелось бы приехать и до получения суммы и сразу же после. Но это трудно сделать теперь, если не достать денег на дорогу, да, говоря откровенно, и дорого это стоит. Во всяком случае я сижу буквально без гроша, пока что. И не продавали ни одной книги, ибо я сам не хожу, а другим теперь не до того: решаются проблемы брака с дядей... Итак, ещё раз: терпение и мудрое хладнокровье. Деньги выдадут, вероятно, в четверг или пятницу (20-21. I.) Иду к Виснапу сегодня же: Ing просила перед поездкой зайти к ней, она что-то приготовила для тебя и хочет со мною переслать. Целую тебя, приветствую всех.

Любящий тебя, городом замученный,
Игорь.—

<В оригинале строка P.S. размыта> «Чудо».

Понедельник, 18.1.1937 г. <к Фелиссе>

События разворачиваются весьма поспешно: дядюшка вчера уже переехал к тётушкам!!! И — навсегда. Подробности лично. Я с ним, само собою разумеется, не ссорился. Мы расцеловались при прощанье, он крепко и долго жал мою руку. В.Б. с ним прощаться отказалась. Опять-таки подробности лично.

Сплошной водевиль и превесёлый!.. Надеюсь, ты уже совсем приготовилась к туру по Причудью; и Печёрскому краю, Всего намечено 12 пунктов, начиная с Нарвы. Итак, в среду решается судьба, и, не тратя ни одного лишнего гроша, приеду *домой*. Думаю, выехать в пятницу, в 8.50 у и быть в Тойле 2.30. В четверг, видишь ли, переплётчик обещал книги приготовить: всё же две я рискнул на-днях отдать в переплёт, и остальное обратно привезу. Пишу ужасным пером, и писать трудно и противно. В среду или в четверг напишу ещё раз, а пока крепко целую тебя, дорогая Фишечка, и шлю сердечный привет маме, Ольге, Линде, Элли*. Вахх рад, что я устроил его у Уссисоо. Я снёс ему много марок. Сейчас иду к г-же Пумпянской, Лидии Харлампиевне*: приглашён на обед. В.Б. даже в школу перестала ходить после ссоры с дядей, но сегодня направляется. Пропустила три дня. И к тёткам сама не ходит и ребёнка не водит. Это жаль!..

Твой всегда
Игорь. —

* Пумпянская, Лидия Харлампиевна, (1893-1952) — актриса, дочь Х.Д.Дроботова, в монашестве архимандрита Харитона. Выслана с мужем из Советской России в ноябре 1922 года. Жила в Берлине, затем в Париже, а с 1926 — в Эстонии. Член родительского комитета Частной русской гимназии общества «Русская школа в Эстонии». В 1932–1934 годах председатель Общества помощи бедным при Александро-Невском соборе. Актриса и постановщица. С 1937 проживала в Силламяэ. На средства Пумпянской в 1931 году в Таллине. был напечатан единственный прижизненный сборник стихов Бориса Поплавского «Флаги». См. в сборнике «Венок поэтов» стихи сестры Б.Поплавского Натальи Поплавской, посвящённые Игорю-Северянину.

22.I.1937 г. Tallinn. <к Фелиссе>

Фишенька, дорогая ты моя!

Измучили чиновники окончательно: всё завтра да завтра! Если завтра, в субботу, не дадут *всех* денег, возьму хотя бы часть авансом, и в воскресенье, в 8.50 утра, выезжаю в Тойлу. Ing через мужа ещё раз просила меня заехать к ней, чтобы получить подарок для передачи тебе, и в результате — подарок стоит 18 senti, а мой автобус... 25! Таковы люди. Я совершенно замерзаю здесь — и в квартире, и на улице. Снега совсем нет, а

морозы по 12-15 градусов. Чувствую себя совершенно больным и безумно боюсь идти 9 кило<етров> с поклажей, в кожаных перчатках. Да и ноги мёрзнут. Всё-таки приеду в воскресенье, в 2.30 дня, ибо поезд придёт в 12.47. Целую, приветствую, люблю. Рвусь домой!

Твой вечно

Игорь.—

Воскресенье, 31 января [1937] <к Фелиссе>

Дорогая моя, святая Фишенька!

Вчера утром был в министерстве, и там мне объявили, что деньги за книгу выдадут обязательно (их слова) в понедельник в 10-11 часов утра. Поэтому я приеду во вторник в 8.50 утра из города. Поезд приходит в 12.47. Пожалуйста встречайте меня с Линдой на прямой дороге. Привезу пудру и другие штуки. Завтра же найду типографию и сдам в набор, ибо поездка в Нарву будет неудобной и дорогой. Корректуру будут посылать в Тойлу. Что касается глаза, он, действительно в ужасном состоянии, но она сама виновата, что запустила. И теперь не желает идти к доктору. Безобразная халатность! Целые дни я, по обыкновению, один мёрзну в леднике-квартире и тоскую по Тойла. Сейчас, например, происходит у господ свадьба*. В.Б. с утра до ночи там, а мы с Марьей сидим, как в темнице. Но что делать: дома ведь переполюх до вторника. Я не думаю, что обманут: слишком уверенно было заявлено. Но, если и завтра обманут, я с ума сойду от ужаса! Но не думаю, повторяю. Во всяком случае, встретьте меня, умоляю! Целую крепко и нежно. Я пока болен душой и такой я, в сущности несчастный. И так хочу домой к своему умному другу, оберегающему меня заботливо от дрызг жизни. Приветствую всех. Все деньги привезу в сохранности, ничего лишнего не куплю. А 200 крон обещали прислать около 8 февраля.

Любящий тебя действительно

Игорь. —

* *происходит у господ свадьба* — женитьба Дмитрия Валерьяновича Запольского на племяннице Валерии Борисовне Запольской, фактически узаконенный инцест.

Среда [3.II.1937] <к Фелиссе>

Это прямо ужасно, что делают со мною люди: врут, надувают, нервы портят, издеваются! Вчера утром только что опять накормили «завтраком» и только что телеграмму послал, прислали вдруг сторожа, чтобы немедленно опять явился: получка-де будет кассир пришёл! Мог бы, следовательно, сегодня утром выехать, но тут явился полицейский и вручил повестку явиться в четверг в 9 ч. утра (!!) в Иеве в суд по поводу *метрики!*.. Ещё этого не хватало: мало мне всяких забот, а тут ещё *лично* по судам ходи! Не выношу этой гадости и всё же должен бегать, измученный и полубольной. Так что приеду сегодня ночным поездом. В 7.15 утра буду в Иеве и пойду в 9 в суд: «назвался груздём, полезай в кузов». Это письмо, и я сам поеду в *одном* поезде. Когда явлюсь в Тойлу, не от меня зависит: это когда госпожа судья соизволит отпустить. Да, ещё, вероятно, крон 15-20 за судебные издержки возьмут. Очаровательно, не правда ли? Всю ночь спать не придётся! А если бы сегодня утром поехал, 9 килом. сегодня и 24 завтра пришлось бы больному делать. Войди же, наконец, в моё положение, дорогая Фишенька, и хоть чуточку посочувствуй. У нас в доме вдобавок грипп в сильной степени: *больны* все. И ребёнок даже, и Марья, я сморкаюсь в полотенце, кашляю <в> шарф. Совсем гадко на душе. Велено к 9 утра, а, может быть, моё дело будет и в час дня разбирать. Это бывает.

Любящий тебя

Игорь. —

Купил пудру — большую коробку. Везу с собой.

Четверг, 11.II.37 г. <к Фелиссе>

Дорогая Фишенька,

Только завтра м.б. выяснится в минист<ерстве> судьба поездки по Причудью. Ежедневно бываю, но пока никаких существенных результатов. Имею основания думать, что тормозит дело Генрик <Виснапу> и никто иной. Он хочет и гонорар за лекцию свою получить. Юхкаму отдал десять крон и остался без гроша. Типография задерживает книгу. Вообще всё как следует!.. В.Б. целодневно у своих, почти не вижу её. Один в полном смысле слова. Если получу двести немедленно переведу и явлюсь сам немного позднее, когда будет готова книга и переплёт других. У переплётчика шесть книжек: 1.) «Уснувшая вёсны». 2.) «Гост». 3.) «Солнечный дикарь». 4.) «Теория верификации». 5.) «Поэзоконцерт». 6.) «Поэты Эстонии». Бр<*неразб.*> и «Литавры солнца»* у меня в чемодане. Целую, грущу, приветствую. Скучно

и гадко здесь. На торжества Пушкина не хожу: не звали. Пользуйся вежеталем* и пастой, пожалуйста. Привезу всего, если получу сам.

Любящий всегда

Игорь. —

Думаю, что приеду во вторник или в среду, т.к. «Предцветение», м.б., будет готово в понедельник. Напишу ещё точно.

* «Уснувшая вёсны», «Солнечный дикарь», «Теория версификации». и «Литавры солнца» — рукописи; «Тост безответный», «Поэты Эстонии», «Поэзо-концерт» — книги.

* Вежеталь — пахнущая фиалками жидкость зелёного цвета из подкрашенного спиртового раствора и духов фиалки, целебными свойствами не обладает, но хорошо очищает волосы.

Четверг, 18.II. 37 г. <к Фелиссе>

Шесть дней я пролежал дома, конечно, всё же по утрам неуклонно посещая министерство и типографию и неуклонно получая ответы, меня не удовлетворяющие. Пришлось вновь писать прошение на имя другого директора, подавать его и ждать результата. Однако *до сего числа* ничего неизвестно. Книга выйдет в свет только сегодня в 4 часа дня, а ответ из мин<истерства> находится *в связи с книгой*. Поэтому только завтра, в 11 ч. у<тра>, я смогу получить ответ и деньги. А пока что погибаю от недоедания и общей слабости, ибо в лавке нет самого главного для моего истощённого организма — *мяса*. А денег я не видел, как приехал. Здоровье моё из рук вон плохо, и я совсем калека. Сырость, холод, убожество. Лежу целыми днями в изнеможении. Да мне приходится весьма и весьма пожалеть, что папиросы кончились перед моим отъездом, а то я *ещё неделю* смело мог бы в деревне прожить!.. Вот, что значит зависеть от счёта в лавке В.Б.!.. Целую неделю я мог бы дышать в Тойле, если бы догадался привезти с собою папиросы и не отдал бы долга <неразб.>: тогда и счёт моего прокормления не рос бы. Ну, что поделаешь, — этой недели не вернуть и моих мучений не вознаградить. Кому я, безденежный, нужен? В.Б. целыми днями вне дома, я никуда не хожу и смотрю только на пациентку из Зевальд* прожорливую и бездушную Марью. Весёлая жизнь, достойная художника!.. Итак, я приеду в Тойлу в воскресенье или в понедельник обязательно. Отдохну несколько дней, а тогда, дорогая и весьма суровая Фишенька, мы поедим к дикарям в Причудье. В этот раз я привезу папирос крон на 30, и, зна-

чит смогу жить в природе столько, сколько я, свободный гражданин, пожелаю. Привет прошу передать всем окружающим. Повторяю: я плохо себя чувствую в окаянном и ненавистном *всегда* городе.

Любящий тебя

Игорь. —

* Зевальд — больница для душевнобольных *Seewaldi vaimuhaigla* (Сээвальди, Зеевальд) в Таллине.

Понедельник, 22.II.1937 г. <к Фелиссе>

Дорогая ты моя Фишенька!

Весна и ты зовёте меня в Тойлу, мне большого труда стоит не ехать, а здесь прозябать, но дело в том, что чиновники держат меня безжалостно в городе, всё время обещая «завтра». Дело, конечно, верное, но, видимо, придётся ещё подождать несколько времени. Поэтому не буду назначать дня, т.к. и сейчас в точности ничего не знаю. Как только получу 200 крон, приеду. М.б. до Пасхи успеем объездить, хотя бы Принаровье (5 сёл). Я очень, очень измучен, и сегодня мне большого труда стоило не поехать самому, имея 5 крон. Я перевёл их на имя Лины Юрьевны от имени Линды. В.Б. продала несколько книжек специально, чтобы я мог послать тебе *пока* хотя бы эти грошики. Увы, мы хронически сидим без денег, и 20-го, когда уплатили хозяину и в лавку, осталось около 10 крон долга!! Глупая, жалкая жизнь на 66.20 в месяц, ибо 380 сенти вычитают на пенсию*. Теперь я уже приеду надолго: здесь невыносимо. А сегодня я приехать не мог, потому что у меня 1.1\2 кроны осталось всего, и я не хотел сесть на шею Л.Ю*, тем более что папирос много лавка не дала бы, не все деньги получив в этом месяце. Дядька* обещал уплатить 10 крон в лавку, но исполнит ли это — не знаю. Книжка* вышла в свет, и я постараюсь, если министр<ерство> долго будет тянуть, продать несколько экз. и на эти деньги приехать в деревню: уж очень тяга-то велика! Целую тебя и на днях привезу издание. Пока привезу экз. 200, т.к. очень тяжело нести всё. 150 взяли в министр<ерство>.

Целую тебя нежно и радостно, молю Бога о благополучии, влекусь душой домой. Да, тяжёлая участь — сидеть в ненавистном городе и рваться в природу и не мочь поехать! Поклон Л.Ю., Ольге, Элли.

Любящий тебя всегда
Игорь. —

*Переплётчик отдал мне все 8 книг. Везу домой! Чудесная!
На днях ещё кроны 3 или 5-7 пришлю или привезу сам.
Дело верное. Не беспокойтесь.
Кушай больше. Привезу и подарок.*

Игорь. —

-
- * ... *вычитают на пенсию* — речь о жалованье Веры Борисовны.
 - * *Л.Ю.* — мать Фелиссы Лина Юрьевна.
 - * *Дядька* — Дмитрий Запольский, муж Валерии.
 - * *Книжка* — М.Ундер. Предцветенье. 1937.

1-го марта 1937 г. <к Фелиссе>

Дорогая моя Фишенька!

Виснапу* не отпускает меня из города и ежедневно требует моего посещения. (Теперь всё дело передано в его министр<ерство> пропаганды.) Сегодня он сказал:

— Завтра в час дня приди ко мне обязательно: я переговорю сегодня с министром.

— Но я хочу в деревню, возразил я.

— Поедешь, вероятно, в среду, 3-го, утром. Ещё немного терпения.

Как видишь, бюрократизм вопиющий, и он несколько не уступает бюрократизму царскому! Я с ума схожу от желания ехать домой, к тебе в предвесенье! Но опять зря нет смысла и расчёта. Я послал тебе дважды по пять крон: 23-го и 26-го. Всё это книжки помогли.

Солнце зовёт в леса, я остро чувствую весну грядущую. Вещи все уложены, — я на отлёте. Целую тебя, моя родная, и шлю всем приветы. Привезу подарочки, которые уже приобрёл. До скорого свиданья!

Твой всегда Игорь. —

Обидно, что нельзя сейчас же ехать

3-го марта. [1937] <к Фелиссе>

Дорогая моя, любимая!

И сегодня нельзя было выехать: Виснапу говорит: «Жди!» Но я ждать больше не в силах, иначе я попросту умру. И вот я в спешном порядке буду копить деньги на поездку, продавая книги. Я и завтра мог бы ехать, да у меня пока всего 3 кроны, а нужно и на жизнь в деревне, и на табак, и на обратную дорогу. Когда накоплю всего 10, тронусь немедленно в путь, ибо, по словам Виснапу, деньги (200 крон) дадут не ранее, чем 15.III, а ждать я больше не могу. Завтра мне предписано подать прошение министру о выдаче пенсии с 1 апр., по 40 крон в месяц. Сегодня Яйк написал, я подпишу и завтра подам по назначению. И Юхам <Яйк> возмущён, но *ускорить*, увы не может. Но деньги обязательно будут, ибо министр повелел выдать. Так что не отчаивайся, дорогая Фишечка, и терпеливо жди. И пусть окружающие тебя не терзают: всё будет до Пасхи. А приеду я, когда накоплю деньги. В воскресенье наверняка днём. Буду торговать весь четверг, пятницу, субботу. Целую и благословляю, бегу на «работу».

Конечно, теперь это уже много труднее. Здоровье моё испорчено вконец, и это месяц я жил здесь совсем зря, но в Тойле у меня не было бы ни табака, ни еды, ни надежды!..

Любящий тебя твой
всегда
Игорь. —

Какое солнце! Какая тяга в лес!..

Вторник, 16-го [III. 1937] <к Фелиссе>

Вчера я приехал очень усталый и замученный дорогой, и сразу же был разстроен известиями по продаже книг. Из-за дядьки ничего, в общем, конечно, не сделано, а теперь она больна (прострел в пояснице), на службу не ходит и, естественно, пока не выйдет на улицу, продавать не может. По этой же причине сегодня, хотя и получил в банке деньги, их выслать, дорогая Фишечка, не удастся, но завтра или послезавтра вышлю обязательно, т.к. В.Б. уже выйдет на воздух. Поэтому не беспокойся: я не истрачу ни гроша. А потом и за книги получим. Сегодня был у Яйка и встретил там Генрика <Виснапу>, который просил завтра утром зайти к нему по поводу турнэ. У Юхаме тоже буду завтра. Что касается пенсии, министр передал прошение в комнату №24, и там уже всё решится. Здесь полнейшая весенняя распутица, всё течёт и грязь невылазная. Идёт дождь. С грустью покинул тебя и деревню. Жажду домой. Сейчас напишу письмо Елене Ивановне*. Целую тебя и благословляю, дружок мой родной. Спасибо за все искреннее. Жди перевода.

Твой всегда Игорь. —

* *письмо Елене Ивановне* — вероятно, речь идёт о письме Елене Новиковой (Мадлене) в Апатин (Югославия).

Вторник, 23.III. 1937 г. <к Фелиссе>

Итак, я приеду в четверг, 25-го, в 12.48 дня, значит — около двух буду на прямой лесной дороге, и, если не будет дождя, приди, дорогая Фишечка, меня встретить! Подробности лично, ибо это интересное. Но если холод и ветер, береги себя и жди лучше дома. Целую ласково и люблю.

Игорь. —

2 апр. 1937 г. Tallinn. <к Фелиссе>

Дорогая Фишенька,

Изнемогаю от тоски по Тойла, с ума схожу — при солнце! — без ощущения деревни! Сейчас иду в министерство всё разузнать. Вчера же отдал Линде 10 крон и перчатки за 6. Поезд и папиросы 355 <сенти> Итого осталось у меня около 5 крон, т.к. мясо покупал. Эти деньги на обратную дорогу. Что качается книг, надежд очень мало: В.Б., видимо, тётками настроена против продажи. Это чувствуется. Ну, посмотрим. Вообще, она очень настроена против меня. И никаких сомнений нет в этом. Жду чека от тебя до тех пор, пока не напишу: «не посылай с такого-то числа, ибо выезжаю сам».

Сейчас вернулся из министерства. Виснапу требует: 1. Представить в понедельник, 5-го, программу вечеров турнэ на эст<онском> языке. 2. Перевести на около 35-45 страниц на русский язык материала его лекции. Всё это крайне затруднительно! Что касается пенсии, приказано быть в *первых* числах мая у министра лично, и где бы я ни оказался к тому времени, я обязан прервать турнэ и съездить, по словам Яйка и Виснапу, в Tallinn на один день. Иначе ничего не будет. Не дают мне покоя, что хочешь делай!.. И я должен сообщить Виснапу число и день каждого села, чтобы меня могли сразу вызвать к министру. Скучища ужасная — быть постоянно связанным с городом! А солнце зовёт меня в лес, к тебе, моё солнце! Целую тебя нежно и жду чек, чтобы немедленно, разменяв его, перевести тебе деньги в летний фонд. Вечером в воскресенье я зайду к Вакху. Скажи ему всё, что нужно. Может и чек, и письма привезти.

Переплётчик приготовит книги к 10-му, но я издать не могу и приеду, вероятно, 6-го, во вторник, и мы вскоре же с тобою поедem в турнэ. О дне приезда сообщу точно. Надо, взять, ещё, перевести лекцию!

Любящий тебя всегда

Игорь. —

Скучно без верного, настоящего друга Фелиссы!

Tallinn. 5.IV.1937 г. <к Фелиссе>

Дорогая Фишенька, я приеду только в воскресенье, 11-го, с поездом в 8.50 утра из Таллинна, поэтому чек можешь послать во вторник, среду, четверг или пятницу, 9-го, но не позже, ибо, если в субботу вышлешь, получу только в воскресенье после своего отъезда, т.к. почта приходит только в 11 утра, а я буду в 8.50. Вчера был у Ing, а сегодня Виснапу дал мне первую часть рукописи (материал лекционный). Пока хожу в зимнем пальто, воздух холодный всё-таки. Нарова прошла, пароходы пошли. Если приеду 11-го, поедem с тобою около 14-15-го. Крепко целую, всех приветствую. Был сегодня у Линды и не смог извиниться <?> Зайду позднее ещё раз

Твой Игорь. —

Понедельник, 26 апреля. [1937] Tallinn <к Фелиссе>

Дорогая ты моя Фишенька, верный друг!

Сегодня с утра сбежал к Линде, очень беспокоюсь всё время: ура, В.Ю.* прислал за апрель. Слава Богу!

В Ujaste отказали: с 20 мая на всё лето сняла комнату «эту» сестра Юли*. И это слава Богу, ибо я чуть не задохся, переспав одну только ночь: невыносимая *духота*. Не жара даже. Это похуже. Спать не мог совсем. Абрамовичу сегодня послал письмо-запрос. Жду здесь от тебя чеков до 1 мая. Приеду, думается, 3-го ловить рыбу. Купил поплавки, лески, груз, крючки № 5. Жажду деревни.

К Виснапу и Юхаму пойду завтра же. Крепко тебя целую и благословляю. Очень беспокоюсь о лете. Придумать что-либо трудно. Думаю до одури. Перчатки пришлось как раз. Но деревня <?> удручает. Ужасно надули, я этого, конечно, не оставлю. Летом подниму дело: пойду и потребую скидки. А сейчас иду искать или пижаму тебе, или перчатки. Будь

здорова, береги себя, выводи аккуратно мозоли. Барановой о книгах пишу завтра*.

Любящий тебя всегда
Игорь. —

* Юлия — Юлия Винклер, вторая жена б. подполковника Северо-Западной Армии Фёдора Густавовича Винклер-Ульрихса (1876-1928); в разводе с 1925 года.

* Барановой о книгах пишу завтра — смотри ниже письмо Барановой от 30 апреля 1937 года

Тоila, 30.IV.1937 г. <к А.Барановой>

Дорогая Августа Дмитриевна,

не осуждайте меня, пожалуйста, за моё, столь длительное, молчаніе: за эти годы я, *вообще*, никому не писал, и да послужит это обстоятельство мне в оправданіе. Нечеловеческих, воистину титанических усилий стоит существовать, т.е. получать хлеб и одежду, за последнее время зарубежному поэту. Ни о каких заграничных поездках не может быть и речи: при громадных затратах денег, нервов и энергии они вовсе не оправдываются. Не может быть речи и о творчестве: больше года ничего не создал: не для кого, это, во-первых, а во-вторых — душа петь перестала, вконец умученная заботами и дрязгами дня. Живу случайными дарами добрых знакомых Белграда и Бухареста. Конечно, всё это капля в море, но без этой «капли» и жить нельзя было бы. И всегда хронически ежемесячно не хватает, т.к. самая убогая даже жизнь все-же стоит денег, а их, увы, очень немного присылают. Фелисса Михайл. получила, год проработавши на заводе, злокачественное воспаление почек, и вот уже больше года нигде не работает, предоставленная целиком, — можете себе представить это?! — моим беспомощным о ней заботам. А откуда же мне-то взять и на её прожитие, и на образование Вахха, и на собственную жизнь?! Вахх учится в Ревеле в ремесленной школе, и только чудом Господним можно объяснить, что откуда-то достаются гроши на все это. Но как все это трудно и тяжело! Через 4 года, если я сумею продержаться, он окончит училище с дипломом заводского мастера и сразу же встанет на ноги: 50 \$ в месяц обеспечены! Но каково это время пережить! Как-то Вы, Федор Фед. и Ася поживаете? Не перестаю никогда думать о всех вас. Самые лучшие чувства с вами. Напишите нам о себе, пожалуйста. Ф.М. очень просит Вас поискать у букинистов книгу В.Брюсова «Последние мечты» (советск. изд.), Ахматовой «Anno Domini» и мою «Гост безответный». Если бы нам удалось

найти их: ведь, все-же, перестав творить, мы не перестали, как это ни странно, боготворить поэзию. Деревня — вот единственное, что даёт силы ещё жить. К сож<алению>, месяцами мне приходится проводить в Ревеле, где я всю зиму продавал даже незнакомым свою новую книгу, беря цену по желанию покупателей. Это немного поддерживало.

16-го мая исполняется 50 лет со дня моего рождения. Грустная дата... Если бы от<ец> Сергей Положенский и Вы могли бы собрать какую-нибудь сумму среди знакомых для меня, сына и Ф.М., мы были бы так светло Вам признательны, всегда дорогая Августа Дмитриевна! Неужели никто не поможет гибнущему поэту в уже погибшем мире? Есть же люди, хочется верить! Наш сердечный и тёплый привет Вам, Фед. Фед. и Асе. И Серг.Серг. И его помним и любим постоянно. Целую Ваши ручки.

Всегда, всегда Ваш

Игорь. —

Estland. Toila. Postkontor.

20.июня, 1937 <к о.Сергию Положенскому>

«...Два года, как я не написал ни строчки... Никого не видим, никуда не ездим... Я большой грешник, но больше по легкомыслию, чем злонамеренно...»

Содержание одного из 48 писем, находившихся в распоряжении Вакха в Швеции. Содержание сообщено Н.Г.Ашас.

Tallinn, 12.V.37 г. <к Фелиссе>

Дорогая моя Фишенька,

тут такая гадость творится, что я совсем разстроился: вообрази себе, пожалуйста, В.Б. только около 1 июня отпустят, и, значит, я весь май должен был потерять, не ловя рыбу! Этому названия нет, и поэтому я повелел взять жалованье авансом и перевезти меня с Марусей* на дачу, дабы я мог сразу же начать ловлю. 14-го утром поедем со всеми вещами, а 17-го я в 5 ч. дня буду уже в Тойла, где и просижу два дня, а потом, взяв удочки и рейтузы, отправлюсь на Россонь. Налог (4.25!)* уплатил и взял

квитанцию. Здоровье моё ничего себе, но сидеть в городе невыносимо, в Тойла же, сама знаешь, рыба не клюёт, к сожалению. Празднование дня рождения откладываю на 17-е число. Да это и лучше, т.к., вероятно, pl. Viiso* приедет, а это меня стеснит: не знаю языка. Да и народа будет в праздники много и на улицах, и на речке. Вещей два чемодана, Марьин чемодан, постель и ведро с посудой. Не очень-то люблю поездки с вещами, и очень удобно, что всем этим распорядится сама В.Б. Она 17-го днём вернётся в город, где пробудет до 1 июня. А Линда с Вакхом приедут в Тойлу только 5-го днём. Относительно пенсии всё выяснится только завтра, ибо сегодня вечером последнее заседание. Какова волокита! В.Б. (выяснено официально) будет получать 9 месяцев по 76.00 крон, а 3 месяца по 50. Это, конечно, идеально, и прежде всего улучшит твои, дорогой друг мой, дела, ибо я буду *до-стоверно* давать *ежемесячно*, а не гадательно. И в смысле ремонта обречено дело! Слава Тебе, Господи! Я так, по правде сказать, устал от вечной нехватки. Будет и пижама, и милонезе <?>, и обшивка, и перчатки, и платье для Л.Ю. Больше в город я уже не поеду. До осени, а осенью... тоже не особенно хочу: лучше поеду с тобой по деревням и в Латвию. Итак, до 17-го. Не разоряйтесь на меня, но пирожок хотелось бы иметь. Возможно, и свежей рыбки привезу, т.к. одна удочка со мною починенная. Сапоги больше не жмут, туфли починил. Экономлю очень: ежедневно едим только салаку, — по 8 senti кило!!! Приди меня встретит к санатории (не знаю ещё, где смогу — Орро или Тойла) 17-го, к 4.45 дня. Крепко тебя целую и крещу. Привет Лине Юрьевне и Ольге, Любящий тебя всегда

Игорь. —

* *Налог* — разрешение на ловлю рыбы.

* *pl. Viiso* — неустановленное лицо.

* *Милонез* — томатный соус в итальянском стиле (?).

Tallinn, 10 сентября, 1937 г. <к Фелиссе>

Дорогая Фишенька,

Написал заказное письмо Мими <Вноровской> и два простых: Ираклиди* и Хлытчиевой*. Завтра напишу Арцыбашевой*, Вортпараніан* и Рей*. Около 15-го сент. все они получают, так что ответ (чеки) начнут переводить в Тойлу около 20-го сент. Был вчера у Пумпянской, не было дома. Сегодня В.Б. отнесла ей письмо моё — прошу связаться для переговоров. Ответ будет (если, вообще, будет) сегодня вечером. Бергман выписал «Росу» и «Колокола»* для нашей продажи. Пока сидим без гроша. Всё в кредит. У В.Б. докторская

комиссия нашла какую-то сердечную болезнь. Ничего не говорят, только головами качают. Осмотр был по приказу директора. Лёгкие не в порядке. В.Б. не сегодня-завтра выкинут из школы, ибо лёгочных не держат. Она трепещет за свою судьбу. Тогда и я погибну с голода. Всё это выяснится вскоре. У неё же воспалена надкостница, безумные боли зуба: разгрызла в Шмецке орех. И вот последствия. Рубанович смокинг отверг: теперь никто их не покупает и не заказывает: роскошь. Чемодан до сих пор стоит на хранении: некуда его брать. Квартир абсолютно нет. Лейба не мог его приютить. Сиж у чёрта на куличках и плачу <?> за меня деньги. Гадко и отвратительно. Пью что попало. В.Б. в отчаянии, что нет квартиры. Я растерян и удручён. Вернуться в Тойлу не могу, пока не получу 20-го денег. Тогда поеду в Саркуль расплачиваться и заеду домой — привезу крону другую. А пока даже марки в кредит в нашей прошлогодней лавке. Крепко целую, не унывай. Чеки начнут приходить 20-го. Писал всем отчаянные письма. Завра иду к <неразб.> Рей и Вихман. А какая буря была вчера! Потрясающая! В.Б. уходит в 12, возвращается в 9. Целый день я один. Скучно, и злобно, и гадко. Хочу рыбу ловить, завидую Машке*. Её оставляют на зиму, до <неразб.>, в Саркуле по 20 senti в день у сапожницы, если возьмёт. Выписывать её некуда. Да и В.Б. не хочет: поняла её никчёмность. К Вакху пойду за чеками завтра. Крепко целую и благословляю. Будь с морем осторожна. Не мучь меня. Привет всем.

Любящий всегда и очень опечаленный, и утомлённый

Игорь. —

* Ираклиди Лидия Михайловна (1893-1995) — знакомая Игоря-Северянина по Югославии. Красавица, первая любовь писателя Валентина Катаева. Несчастливая в браке и любви, но разбогатевшая, писала стихи, помогала русским поэтам издавать стихи за границей, оказывала финансовую помощь Игорю Северянину и состояла в переписке с ним. В 30-е годы жила в Цавтате — «Дом на камне малом». Во время Второй мировой войны состояла под следствием и арестом у немцев. Умерла во время войны 1991-1992 годов в Апатине.

* Арцыбашева — вдова писателя Михаила Петровича Арцыбашева, который в газете «За свободу» (Варшава) публиковал стихи Игоря-Северянина.

* Фамилия Вортпаранян — встречается в письмах трижды. Лицо неустановленное, предположительно, из Бухареста или Кишинёва.

* *Бергман вытисал «Росу» и «Колокола»* — Бергман Вадим, издатель. «Роса оранжевого часа. Поэма детства в 3-х частях». Том XX. Юрьев -

Tartu, изд. Вадим Бергман. 1925, 79 с., обложка работы А.Гринева, а также темно-красная обложка без надписи и без рисунка. «Колокола собора чувств. Автобиографический роман в 3-частях». Том XIX. Юрьев-Tartu, изд. Вадим Бергман. 1925, библиография обложка работы А.Гринева, Речь идёт о нераспроданной части тиражей, не получивших обложки с рисунками художника А.Гринёва.

* *разгрызла в Шмецке орех* — в гостях на даче у Ирины Борман в местечке Шмецке (ныне часть Усть-Нарвы).

* *поеду в Саркуль расплачиваться* — речь идёт об аренде дома в деревне Саркуль на Россони.

*Рей и Вихман — неустановленные лица.

* *Машка* — Мария Неупокоева

Toila, 14-го сент. 1937 г. <к А.Барановой>

Дорогая Августа Дмитриевна,

простите меня, пожалуйста, что не сразу оботвeтил Ваше проникновенное и родственно-благожелательное письмо, продиктованное лучшими чувствами дружбы Вашей неизменной, что я отлично чувствую и глубоко ценю всегда. Все лето я провёл вдали от Тойлы (в 39 килом.) около Гунгербурга, на берегах многоводной и тихой, очень красивой, Россони, впадающей в Нарову против курорта. Жил я в русской деревне, занимая отдельную избушку, арендовал рыбацкую лодку, что все вместе за все лето стоило баснословно дёшево - около 8 \$! Я никого не трогал, радый, что и меня никто не трогает, вёл отшельнический образ жизни, питался собственной рыбой, собственными грибами и собственной ягодой, во всём решительно себе отказывая и лишь изредка, в видах всё той же экономии, совершая пешком в Тойлу прогулки за почтой, ибо я не люблю изменять своего адреса, дабы не терялись письма. Так продолжалось до конца августа, когда, вдруг, Фелисса Михайловна, человек неимоверной гордости и такого же сверхъестественного, прямо-таки не человеческого упрямства, граничащего с жестокостью, что между прочим, и побудило меня 2 1/2 года назад, после громадной борьбы и желания найти какой-либо компромисс, с нею расстаться, в конце концов, и искать духовного пристанища у мягкой, добрейшей и обожающей меня моей теперешней верной подруги — Веры Борисовны, скромной учительницы в Ревеле, когда, повторяю, вдруг Фелисса Мих. неожиданно предъявила мне ультиматум: в пятидневный срок определить пятнадцатилетнего Вахка, окончившего первым учеником начальную шестиклассную школу в Тойле и седьмой, дополнительный, класс ремесленный, определить немедля в четырехклассное техническое училище в Ревеле, дающее право стать мастером

на заводе с окладом до 50\$ в месяц и, следовательно, могущего впоследствии помогать своим родителям, если он, конечно, пожелает помогать, что, м. б., и сомнительно, например, в отношении отца... Всё это, слов нет, было бы весьма мудро и основательно, если бы я получал определённое жалование, а не жил бы большею частью на счёт бедной, души во мне не чающей, Верочки! И вот мне пришлось (иначе Ф.М. угрожала самоубийством) нестись в Ревель и с чудовищными трудностями доставать (вымаливать) деньги на следующее: 1) 10\$ за пансион до 29 сент. (не больше!), 2) 12 \$ на костюм форменный, 3) 12\$ на пальто, 4) 4\$ за право ученья (первое полугодье), 5) 10\$ на фуражку, гимнастический костюм, костюм рабочий и прочее-прочее, включая книги, тетради, инструменты. А Вахх пишет матери отчаянные письма и требует все новых и новых, совершенно непредвиденных, расходов!!! Само собою разумеется, что на *всё* перечисленное я денег достать никакими унижениями не смог, а достал лишь всего на всего 15\$. Тридцать же опять из пятидесяти *зияют*! А нужды тем временем растут, и не за горами 29-ое сент., когда понадобятся новые 10\$ за пансион в октябре. Нужно, извините меня, быть совершенно сумасшедшей (иного слова, право, не подыщешь!), чтобы залезать в такую авантюру, как начинать давать образование мальчугану, решительно никаких средств не имея. Надо ещё Вам сказать, что полтора года (с 9-го апр. 1936 по сент. 1937 г.) я, безработный, содержал на свой (откуда-то доставал!..) счёт Фелиссу Мих. в Тойле: она, прослужив год перед этим на заводе, заболела злокачественным воспалением почек, и вот теперь полуинвалид, т.к. до сих пор не может поднимать тяжести и промочить ног. Все свои случайно получаемые гроши я отдавал ей лично и даже ухитрялся покупать иногда ей туфли, чулки и покрыть сгнившую на лачуге крышу возобновить! <так в оригинале> Большого, дорогая, от меня, думаю, и требовать было нельзя: ведь, все эти траты — явный ущерб для нашей с Верочкой жизни. Не надо забывать, что она грошовое жалование получает, имеет от мужа пятилетнюю дочь и живёт не в деревне дешёвой, как Ф.М., а в *городе*, что далеко не одно и то же. Верочка безропотно переносит все невзгоды и бывали случаи, когда она из *своих денег* помогала через меня Ф.М., которая, к слову сказать, ненавидит её (за что, спрашивается?!) бешеной ненавистью и знать её не хочет, не будучи даже с нею знакома. А вся вина, всё преступление Верочки заключается, видимо, в том, что она, русская женщина, делится последним (и с какою, надо видеть, радостью!) с русским поэтом, оберегая его, по возможности, от меркантильных забот и дрызг уродливой за последнее время

жизни. Фелисса Мих. мотивирует своё желание дать Вахху образование так: «Если я не смогу дать хотя бы элементарного образования сыну и сделать из него хотя бы квалифицированного рабочего, я не достойна даже того, чтобы продолжать жить на свете»*. Это рассуждение не выдерживает ни малейшей критики, ибо выход все же есть: директор завода Ван-Юнг, дающий Вахху, по моей просьбе, 4\$ в месяц, предлагает взять его к себе на завод в ученики на жалованье сразу же и через те же четыре года сделать его у себя же мастером с окладом до 50\$, т.е. именно то, что даст ему техническое училище!!! И вот Ф.М., выслушав от Ван-Юнга его изумительное по сердечности предложение, категорически и весьма оскорбительно его отвергла. Мотивы? «А вдруг Ван-Юнг умрёт за эти годы! А вдруг мастер завода, где он будет учеником, захочет поставить на место Вахха, его не влюбив, своего родственника и заест “ребёнка!”»... И тому подобная чепуха. Да, ведь, если так рассуждать, то и сам герой нашего дня — Вахх тоже может умереть за это время!.. Так или иначе, Ф.М. неистовствует и ставит меня в невозможное положение, обрекая на добывание денег. А иначе угрожает с собою покончить и т.д. — ещё похуже... А пока что она, полубольная, изнервленная и обзлённая предельно, собирается итти в... прислуги!! Умнее ничего не придумала: это, ведь, два-три доллара в месяц! А на завод ни за что не хочет, хотя хозяин сразу же взял бы её обратно с восторгом: работала идеально. Что мне делать, дорогая Августа Дмитриевна, — скажите! Вы всегда выручали меня добрым советом, а зачастую и денежно. Теперь я не прошу Вас помочь мне денежно, т.к., Вы сами понимаете, в этом случае никакая денежная помощь, видимо, уже не поможет: слишком большие расходы! Ещё должен Вам сказать, что правительство, в воздаяние моих заслуг по переводам с эстонского, назначило мне пожизненную пенсию в размере 8\$ в месяц. Выдача будет в конце октября. Само собою понятно, что мы с Верочкой гроша себе не возьмём и целиком отдадим Ф.М. в её распоряжение всю эту пенсию на все годы. Тогда, возможно, присоединив 4\$ от Ван-Юнга, она как-нибудь и сможет выполнить свой каприз. Но ей самой *ничего* не останется, если подсчитать приблизительно хотя бы, и её судьба меня тревожит крайне. На этих днях моя хорошая знакомая, жена директора завода, Лидия Харлампиевна Пумпянская, едет в Берлин, недавно вернувшись из Парижа и Зальцбурга. Вчера я у неё ужинал и просил её, когда она будет в Берлине, войти с Вами, ближайшим другом моим, в контакт. Так вот, если Вы найдёте возможным и нужным хотя бы немного помочь мне, пожалуйста, дайте ей эту помощь в марках (для покупки в Германии вещей), а она передаст мне в эст. кронах. Не сердитесь на мою просьбу: уж очень туго живётся. Прямо невозможно передать Вам. Знаю, что и Вы, и Федор Федорович — люди добрые и такие свои. Не знаю, к сож<алению>, лично мужа Вашего, но *чувствую* его.

Да, наше положенье очень тяжёлое, очень принижено и подавлено мы себя чувствуем. Не хватает самого *необходимого*... Не хочется подробно-стями Вас тревожить. Положенский на мою просьбу угостил меня советами, меня попросту оскорбившими: удивляться можно, как он, зная меня, додумался до такого абсурда, как говорить о какой-то службе. Всю жизнь я прожил свободным, и лучше мне в нищете погибнуть, чем своей свободы лишиться. Вы в письме своём говорили о прозе. Да, конечно, я мог бы писать прозой, но у меня, увы, нет места, где я мог бы писать, *за деньги*. Писать же *gratis* я не нахожу возможным, ибо это не разрешит задачи заработка. Ни одна газета, ни один журнал моей прозы не желает теперь. Несколько же лет назад я написал десятка два статей и прилично заработал. А теперь, к сожалению, негде печататься. Причин на это много. Главная же из них — кружковщина, кумовство. Везде свои люди, новых не подпускают близко, готовые горло перегрызть из-за куска хлеба. Как решился вопрос со службой Фед.Фед.? Переезжаете ли Вы в Вену, Стокгольм или остаётесь в Берлине? От всей души сочувствую Вам и ему, надеясь, что все образуется. Как справляется Ася со своими новыми обязанностями? Целую Ваши ручки и искренне благодарю заранее за все, что напишете мне для моего ободрения, в котором, признаться, я очень нуждаюсь. Всегда помню Вас, и внушил Вере Борисовне и любовь к Вам, и уважение. Она приветствует Вас сердечно. Известите меня, прошу Вас, о получении этого письма.

Любящий Вас и признательный Вам
Игорь. —

Письмо это написано в Ревеле, но Вы, пожалуйста, ответьте на Toila — мой постоянный адрес: почтмейстер мне его доставит. А можно и на Ревель написать, если хотите: Estland. Tallinn. Suur Tartu, 35-2 (kort. Feodorova). Ig. Severjanin.

Если встретитесь с Положенским, расскажите ему обо всем, сообщённом Вам мною. Т.к. вывоз денег из Германии воспрещён, Лидия Харлампиевна > накупит вещей и, следовательно, денег из страны не вывезет.

Главная причина упрямства Ф.М. и её нежелания отдавать Вакха в ученики Ван-Юнга ещё в том, что и мать её, и обе сестры совершенно с нею солидарны и смотрят на меня, как на врага, сами, однако, ни сантимом не идя встречно, а взваливая на меня и на Ф.М. всю тяжесть добыванья средств. Это возмутительно, и я теряю здоровье.

Сейчас я живу у тетки В<еры> Б<орисовны> г-жи Фёдоровой, где и пробуду всю зиму.

*...чтобы продолжать жить на свете — фраза выдана В.Б. за угрозу самоубийством.

Tallinn, 27.IX. 37 г. 7 час. веч. <к Фелиссе>

Дорогая Фишенька,

Линда, Вакх и я встречаем тебя на вокзале в 7 час. веч. 29-го сентября. Всё обстоит благополучно, слава Богу. Хозяйка Вакха предупреждена и ничего против его отъезда не имеет. Ing и ея прислуга встречают нас на ст<анции> Rahumäe 29-го в 7.30 вечера и помогут вещи таскать. Мою коричневую фуфайку и картуз зимний захвати с собою. Спешу отправить это письмо моментально.

Целую и крещу.
Любящий тебя
Igor. —

Tallinn, 4.XII.1937 г. <к Фелиссе>

Дорогая моя Фишенька!

1-го и 2-го дека<бря> я от отчаянья, что опять попал в ад из благословенной деревни, не выходил из дома вовсе, погибая от головной боли, тоски, и холода: в комнате, где я живу*, температура не поднимается — после топки — выше 11-12 градусов! И такая сырость, что пятна мокреть на стенах. Ребёнок, дядька, я и др<угие> кашляем бесконечно. Ночью спать приходится под всеми шубами. Вообще ужасно всё это, и я долго этого не перенесу. Вчера я наконец-то отправился по делам.

1.) Бергман книги привёз, что находятся в его багаже. Обещал в понедельник утром 100 экз. «Росы» доставить в типогр<афию>.

2.) Бейлинсон хочет за «Дикаря»* наличными 50 крон. Вопрос печатания отпадает? В понед<ельник>. он приступит к печатанию новой обложки для «Росы» за 4 кроны. В случае же обложка прежняя имеется, то и этого расхода, м.б. удастся избежать.

3.) Краткая эстонская афиша о лекции и соотв<етственно> стихах будет стоить 5 кр. за 200 экз.

4. Яйк сообщил мне, что выдача 75 крон состоится около 15-18 декабря.

5.) Линда и Вахх об этом уведолены. Вот пока и всё. Вчера был у Линды. Меня очень беспокоит, что до сих пор ты не прислала ей чеков от Ираклиди и Игнат<овскаго>. Как получишь, немедленно заказным вышли. Ещё меня беспокоит, что сидишь и ты, и я без гроша. М.б. завтра рискну пойти к Ing и снести книги. Стоят морозы и этот путь не из лёгких. До 20-го у В.Б. не будет никаких денег, кроме того, что она получит за «Росу». Продажа начнётся, полагаю, около 8-10-го дек. Поздненько! Крешу тебя и крепко целую. Господь с тобой, Фишенька. Привет всем. Переживания мои не из весёлых, питание ужасное, зверский холод. Я — весь полёт и движенье! Привезу афишу и всю выручку от книг, если она будет. Что-нибудь, да очистится всё же. А Л.Ю. <Лина Юрьевна Круут> пусть не беспокоится: всё ей за тебя выплачу. Думая о покое матери, думай и о моём иногда покое: полагаю, я заслужил, Ей Богу, этого!.. Побереги меня, питайся лучше.

Любящий всегда

Игорь. —

P.S. Пишу не Л.Ю., опасаясь, что дурни могут обратно послать. Распоряжение-то я сделал, но кто их знает?!.

Ig.

Приеду около 16-20-го. Вахх — 22-го.

Должен тебе крону за еду и крону за билет.

* Таллин, Койду, 50, квартира во втором этаже. Дом сохранился.

* «Дикарь» — утопический роман в стихах «Солнечный дикарь» из печати не вышел, имеется в виду рукопись.

Tallinn, 12.XII.1937 г. <к Фелиссе>

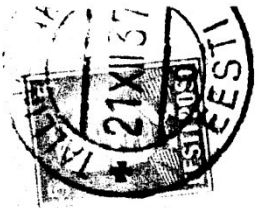
Дорогая Фишенька,

Безумно обрадовался за тебя, — смогу послать повестку обратно. Полагаю, что это Ираклиди? Бери, во всяком случае, всё, что нужно, главное же — питайся. Книжка вышла («Колокола»*), но В.Б. в школу даже не ходит: простуда. На-днях соберу денег и приеду к тебе. Приеду около 16-20-го. Очень здесь скучно, и холодно, и устало. Целую тебя. Присылай всю почту до 16-го. Приветствую всех.

Любящий

Игорь. —

P.S. Завтра ловлю Стравинскаго!

V. a.
 Tona
 F. Severjanin
 Toila.
 Männiku, 18.

Armas
 + helisõbrad
 Maie leinab
 kui ei
 leida taart.
 Pole saanud
 ei kätt, ei
 jalgadegi.
 Puhadki
 vedan, teie
 suures pühapäeval
 võtkes. Kar
 pole arvestada!
 olge samuti!
 Inf.

Вакса и мениг 14 деме 23
 12.15 дуг: ево отпуску
 мого 22.20, а мениг до ружин
 18.000000000000. 11. 11, 2
 и 24.20 дуг даце. Упулнм бер
 ке все 12 нопудка. Тгор -
 21. XII. 37. Номме. 82. Северян

HMB PER 3337

Сразу напиши Линде, кто это посылает, если не Ираклиди, то я ей напишу для ускорения.

* Колокола собора чувств. Юрьев - Tartu, издательство Вадим Бергман. Часть тиража 1925 года, в простой обложке без рисунка **Tallinn**,

21.XII.1937 г. <к Фелиссе>

Почтовая карточка.

V.a. Proua F.Severjanin

Вакха и меня ждите 23-го в 12.15 дня: его отпустят только 22-го, а меня держит цепко общее дело. М.б. я и 24 буду даже. Привет всем. Не всё в порядке. Igor.

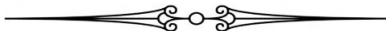
21.XII.37 г. Nõmme 8 ч. вечера

Armas Felisiken!

Minu tervitused kuigi minu enda toast. Pole saanud ei kõrtsi, ei oleviku. Pühadki veedan ihuüksi suures pühalikus vaikuses. Kas pole eeskujulik? Olge samuti!

Ing.

** Дорогая Фелисикен! Мои приветствия, хоть и из моей собственной комнаты. Не получила ни корчмы, ни времяпровождения. Даже праздники проведу совершенно одна в священной тишине. Разве не примерно (образцово) (хороший пример)? Будьте тоже (и сами)! Инг.*

1938. ПИСЬМА

2.I.38 [штемп. 3.I.38] <к Фелиссе>

Почтовая карточка

V.a. Prouva F. Severjanin

Поздравляю с днём рождения, желаю всего светлого, благодарю за приём. В.Б. сильно больна бронхитом, и, следов<ательно> все планы на скорый отъезд в Нарву пока отложены. Линда всё получила. Жду известий 6-го, когда приедет Вакх. Плохо себя чувствую и очень хочу скорее в деревню. Целую и благословляю.

Любящий

Игорь. —

[Tallinn.] Пятница 14.I.38 г. <к Фелиссе>

Дорогая Фелисса!

Шестнадцатый день провожу я не там опять-таки, где мне и хотелось бы и надлежало проводить. Здоровье моё ухудшается заметно с каждым днём: пребывание в городе, жгуче мною ненавидимом, да ещё в такой непереносимой обстановке, — не то богадельни, не то жидовского детского сада, не то попросту дома для умалишённых ведьм, — мало способствует хорошесть моего самочувствия и мировоззрения. Я буквально гибну здесь, и, видимо, нет спасения. В.Б. все праздники пролежала в жестоком бронхите, у неё сильно затронуты лёгкие, она и теперь почти через день сидит дома, так что книги продавать, естественно не может и не только теперь, но и впредь. Да и некому больше их навязывать. Положение угрожающее, сводящее с ума и *весьма ложное*, повторяю уже который раз. Здесь все поняли причину моего здешняго пребывания и тем хуже для нас всех. 16 дней я не держал в руках ни одного сента: они ниоткуда не поступают. Даже к Ing не могу ездить: за всё время был один раз *нешком*. Не могу и в типографию зайти. В.Б. больна, и, значит, приток денег изсяк. Как сумасшедший хожу по городу без всякой цели.

2 раза был у Линды за почтой. Дрожал подходить: надежда на спасенье! И — *ничего!* Это надо пережить, это «ничего». Неужели же никто не писал? Неужели Мими стала такой хамкой, что даже за «Росу»* не поблагодарила и не высказала своего восторга перед поэмой моей пленительной?* И другие молчат? Непостижимо! Лекцию буду читать в «Витязе» только 21-го*. Значит, получив 5 крон (!!) и продав книги на вечере, смогу вырваться из ада и

хоть воздухом деревенским подышать. Приеду 24-го в 12.15 дня. За свою еду буду платить точно, не надо беспокоиться. Я, ведь, ещё 2 кроны должен. Помню и страдаю. Да, мне это очень безпокойно. Остро, с бешенством завидую всем живущим не в городе окаянном. Ни «Соловья»*, им нет, ни «Пли<мутрок>»* Не переплетал, конечно. Еда ужасающая. По ночам бессонница и руготня. Я обвиняю В. Б. и весь мир за то, что не живу в деревне. Моя психика не выдерживает. Я — Божий поэт, мне грязно и позорно жить в городской старческой, поганой трущобе. Я не хочу этого. И я смею этого не хотеть. Каждый грош, который получишь из-за границы, нужен мне для выздоровления, ибо я болен. Этому надо верить, я от слез слепну. Все, что свыше 18 крон пусть будет на моё спасение от ужаса, меня окружающего, душащего меня. В.Б. этого никогда не поймёт. Она удивляется. Она осуждает. Она — рабыня города, тётки, службы. Что ей до моих мук!

Любящий тебя

Игорь. —

Я приеду к Линде только раз: 17-го, так что 16-го пошли всю почту, если будет. Впрочем, придётся ещё и 22-го зайти.

28 янв. — 20 лет моей жизни в Эстонии. В Тойла хочу быть в этот день. Хочу стихов, музыки, природы, твоего общества: 23 года знаю!!

* Роса оранжевого часа. Поэма детства в 3-х частях. Том XX. Юрьев - Tartu, издательство Вадим Бергман. 1925, 79 с., 2.500 экз., без оглавления, обложка работы А.Гринева,

* ...*поэмой моей пленительной* — «Солнечный дикарь»

* ...*буду читать в «Витязе» только 21-го* — доклад о поэтах начала XX века «Путь к вечным розам» состоится 20 января.

* Соловей. Поэзы. Том IX. Берлин-Москва, издание акционерного общества «Накануне», 1923, 206+1 с., тираж 1.000 экз., обложка работы Н.З.

* Плимутрок. Короткие драматические произведения в альманахе «VIA SACRA». Издательство Вадим Бергман. Юрьев-Tartu (Эстония) 1922.

Tallinn, 25.I.1938 г. <к Фелиссе>

Почтовая карточка.

Дорогая Фелисса!

Только 23-го вечером выяснилось, что в виду успеха «Путь к вечным ро

зам» (20-го в «Витязе») придётся повторить в понедельник, 31-го в О-ве Академическом, поэтому я и не приехал 24-го, ибо нет смысла кататься зря. Я приеду, значит, 1-го февраля, с поездом в 12.15 дня. Несколько дней проведу в Тойла, а потом — в Нарву для чтения лекций. Жалею, что 28-го не буду в деревне. Чувствую себя неважно. Почту не посылай, т.к. к Линде я больше не зайду. Был 18-го и 22-го, и ничего, кроме письма Мими, на получил, а это неприемлемо на меня действует. Шлю приветы, целую
Любящий Игорьь. —

Narva, 7.II.1938 г. <к Фелиссе>

Почтовая карточка.

Дорогая Фишечка!

Приеду завтра, 8-го в 5 ч. дня. Здесь, видишь ли, ничего нельзя сделать раньше, чем через 3 недели: придётся специально приехать из Ревеля, — залы заняты, но <собрать> человек 30 по 10 центов, — имеет смысл приехать. Тогда уже вместе поедем. Крепко целую и прошу ждать завтра. В Ревель поеду в четверг. Всего хорошего. Иду ночевать к Винклерам*.

Твой Игорьь. —

* Винклер Юлия — вторая жена б. подполковника Северо-Западной Армии Фёдора Густавовича Винклер-Ульрихса (1876-1928); в разводе с 1925 года.

Toila. 28.II.1938. <Н.К.Рериху>

Светлый Николай Константинович
дорогой мне!

Я давно-давно уже хотел написать Вам, но трудно было мне, заброшенному с 1918 г. в глуши и дебрях Эстии, узнать Ваш адрес. От Алексиса Раннита, эст<онского> поэта получил его случайно.

Святая Интуиция диктует мне эти строки. Я — верный вам соратник: сильно защищаю Божественное. Изнемогаю подчас, падаю — вновь встаю. Так — годы. Поэзией не только не интересуются — над ней глумятся. Хроническая безработица — хроническое нищенство и голодовка. Поддержки нет. Надежды на неё сникли. Но я не сдаюсь. Сильно мешает мне в моём энтузиазме болезнь сердца. Да и годы не иные. Работать негде: в газетах кумовство, кружковщина. Да оне и не признают меня: я с юности был протестантом. Посылаю Вам свою маленькую поэму, своего «Солнечного ди-каря». Я воспринял её в 1924 г. Издателя на неё до сих пор не нашёл. О, если

бы издать её можно было! Она ведь так нужна людям, я верю. Отдаю её на Ваш суд. Если найдёте полезной, напечатайте её в изд-ве «Atlas», прошу Вас. И гонорар по Вашему усмотрению, сколько найдёте нужным. У меня нет возможности самому издать её. И, если пришлёте мне десяток-другой экземпляров, я буду сам ходить по домам и предлагать людям книгу: в магазинах не купить стихов, никто-никто уже не купит!

Посылаю Вам «Рояль Леандра» — и там есть те же мысли, что в «Солнечном дикаре». У меня десятки стихов на эту же тему и все они разбросаны по разным книгам. Хорошо бы собрать их вместе.

Жму Вашу руку, глубокоуважаемый Николай Константинович, жду Вашего ответа с трепетом: от него зависит столь много в моей жизни. Чувствуется, что никто иной как Вы, поймёт меня, поддержит и подбодрит. Я так обескуражен, измучен и несправедливо обойдён. Теряя последние силы, креплюсь и верю в торжество света. Живу Чудом — без денег, без здоровья, без работы. Жизнь всякого художника в наше мертвяще-звериное время есть уже всегда Чудо.

Любящий Вас и верящий в Вас
Игорь-Северянин

P.S. До 1934 г. я побывал в 14-ти государствах, читая стихи и лекции о поэзии. С каждым годом, увы, интерес всюду падал. В последнюю поездку свою я едва свёл концы с концами, едва добрался до Эстонии. С тех пор влачу жалкое существование, описать которое слишком больно. Люди видят в стихах забаву, — нужно заставить видеть в них насущную необходимость. Для этого необходима энергия, вера в своё дело.

Иг. —

Igor Vasil. Severjanin

Estonie. Toila.

Postkontor.

[Tallin, до 3.III.38] <к Фелиссе>

Почтовая карточка.

Дорогая Фелисса,

4-го читаю здесь* лекцию, 8-го в Нарве. Приеду 5-го.

Любящий Игорь. —

* читаю *здесь* — Таллинн, 4-го марта 1938 года, лекция об эстонской поэзии.

* *8-го в Нарве* — лекция об эстонской поэзии.

Tallinn, 4.III.1938 г. <к Фелиссе>

Почтовая карточка.

Дорогая моя Фишенька!

Если я не приеду завтра 5-го, это будет значить, что я делаю «большие дела». Дело в том, что теперь идёт неделя дешёвой продажи книг. «Поэты Эстонии» стоят 3.25, а в эту неделю 35. Если удастся купить сегодня книг 30 за 10.00 крон, завтра можно продавать каждый экз. по 2 кроны, наживая по 1.65 кр. за книгу!! Поэтому постараемся воспользоваться. Так или иначе, я приеду в Тойлу или 5-го или 6-го в 2.15 дня. Жди меня непременно. Имею интересные новости. О почте понятия не имею, но жду с большим нетерпением. Сегодня читаю лекцию об Эст<онской> литературе. М.б. Соб<неразб.> уже прислал письма на Тойлу. Везу кое-что для тебя от себя и Ing Крепко целую и всегда люблю. Весна зовёт в деревню. Имею намерение мчаться в глушь. Крещу тебя и всегда преданно вспоминаю с большой признательностью и лаской. Я так истомился от жизни в городе — жизни без <неразб.> и скучной. Вся душа на воде *Россони* и на полях Тойлы. Привет Л.Ю., Ольге, Элли. Заеду — 5-го или 6-го, но никак не позже.

Твой Igor.

Saatja: *Ig. Severjzin*

Adress: *Tallinn, Tartu mnt. 35-2*

Tallinn, 18.III.1938 г. <к Фелиссе>

Дорогая Фишенька, милая!

Ни Вахх, ни Линда точно не знали, где нужно сделать доверительную надпись. Думаем, что правильно. Во всяком случае, если не так что-нибудь, пусть Л.Ю. <Лина Юрьевна> скажет, что я сам вскоре приеду и получу. Пусть только обратно в Румынию не вздумают отослать. А я приеду 22-го или 28-го: здесь совершенно невозможно жить. Здесь или заболею сердечно, или с ума сойду. Вся душа тянется в природу. Да и пора дачу (с рыбой) нанимать, а то из-под носа последнюю избу отнимет какой-нибудь горожанин океанный. Нет никаких сил ждать Смирнова*! Все дни не знаю, куда деваться. Если хватит терпенья, дождусь 27-го и 28-го утром уеду. А, если нет,

приеду 22-го. Книги почти не идут, поэтому вся надежда на чек полученный, т.е. перевод. Возьми себе 1.40, а 40 отдай Е.В.Ш. <Штранделл> за телефон. Так что останется моего фонда ровно 16 крон. И эти деньги — моя весна. Ибо здесь что-то страшное творится: в одну лавку 84.45 (счёт 10.Ш. закрыт) Кормит старуха* со дня моего приезда за крону убийственно, чудовишно. А прикупать из-за отсутствия средств немислимо ничего. Ни разу не покупали. Имею 4 кроны на дорогу неприкосновенных. Иначе не выдержал бы дня! Давать ей 30 крон в месяц — это значит выбрасывать деньги и голодать. Атмосфера удручающая, — ложь, злоба, ненависть всеобщая. Курю на свой счёт. Смысла сидеть здесь уже нет. Попробую заработать в эти дни и уеду без оглядки: *надо жизнь свою спасти!* В.Б. совсем-совсем обречённая в этом аду. Все неможется ей, вечно омрачена и сердита. А тётки только и ждут, когда я не выдержу и сбегу. Возлагают на это большие надежды. Я это замечая. В.Б. должна теперь платить крон по 10 в месяц в лавку. Значит 8 месяцев!!! Да Рубановичу до 20 июня! Мило?! Поэтому каждый грош мне будет крайне нужен *весной* и, м.б. *летом* даже. От Рериха ответ только в конце апреля*. Тогда же и «Фиалка» и всё остальное. Удивляюсь, что Вортпараніан не шлёт четырёх тысяч лей. Приготовил оплаченное письмо Арцыбашевой по этому поводу и жду ежедневно перевода. 19 в день получения этого письма, вышли на Линду всю почту за 16, 17, 18 и 19-ое. Я зайду к ней 20-го, ибо, возможно, 22-го уже уеду. Так что 22 не посылай, как уговорились Игнат<овскаго> и Ираклиди должны прислать со дня на день — не безпокойся Фишенька: они никогда не подведут. Линда — между нами — не в силах больше здесь жить и после Пасхи вернётся домой до осени. Вакха она устроила уже у знакомых. Ему будет хорошо. Он очень мил и симпатичен, всегда радуется мне искренне. Я к ним часто хожу. Благословляю и крепко целую.

Хочу починить коричневые сапоги (набойки), домашние туфли и удочку. И тогда приеду. Я чувствую себя, как в темнице. Безумные головные боли, сердце и все другое. Приветствую Л.Ю.*, Ольгу, Элли. Крепко целую и люблю.

Игорь. —

Не перепутайте Линдиного адреса и пошлите заказным. Привезу последнія. Тойла и Саркуль — мечта!

* Дмитрий Алексеевич Смирнов — лирико-драматический тенор, наездами бывал в Таллинне, в 1932 году получил эстонское гражданство; жил в Печерах.

**Кормит старуха за крону убийственно* — няня Мария Неупокоева.

Tallinn. 21.III. [1938] <к Фелиссе>

Почтовая карточка.

V. a Proua Felissa Severjanin

Сейчас был у Линды. Почты нет. Удивляюсь. Сейчас же послал письмо Арцыбашевой. Теперь пошли почту на Линду 22-го и 25-го. Приеду в Тойлу 28-го или 30-го дня на два., потом сразу в Саркуль и буду ждать до 9 апр<еля>, чтобы поехать на весеннюю рыбную ловлю. 9-го и Вакха отпустят. 27-го буду у Смирнова. Всё устрою, что смогу. Здоровье В.Б. очень плохо. С каждым днём заметно. Всё от того, что две службы и город. Моё здоровье тоже худо. Мне попросту нельзя жить в городе.

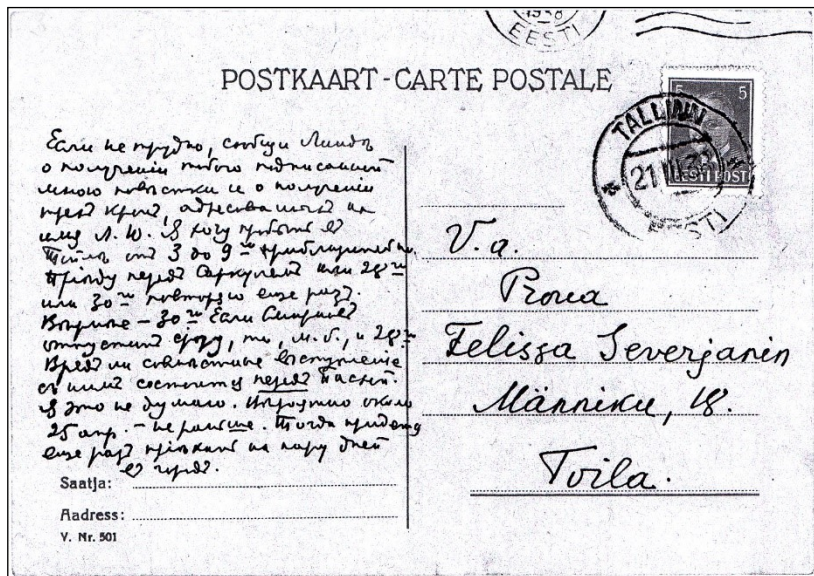
Теперь я уже не вернусь в город до осени. Привезу все вещи. Крепко целую тебя, дорогая Фишенька, радуясь весне. Поклон всем. 15-го послал три кроны переводом. 18-го послал повестку и письмо.

Любящий тебя

Игорь. —

P.S. Генрик уже несколько дней лежит в клинике. Врачи нашли, что-то в желудке. Серьёзное. Не исключена возможность операции. Он нервничает. Ing озабочена весьма, навещает его. Книги понемногу распродают. Завтра переплётчик приготовит «Тома».*

Если не трудно, сообщи Линде о получении тобою подписанной мною повестки и о получении трёх крон, адресованных на имя Л.Ю. Я хочу пробыть в Тойле от 3 до 9-го приблизительно. Приеду перед Саркулем или 28-го или 30-го повторяю ещё раз. Если Смирнов отпустит сразу, то м.б. и 28-го. Вряд ли совместные выступления с ним состоятся перед Пасхой. Я это не думаю. Вероятно, около 25-го апр<еля> — Тогда придётся ещё раз приехать на пару дней в город.

Если не трудно, сообщу Лида
о покупке твоего подписанного
много внимания и о покупке
пред тобой, адресовав тебе
имя В. В. Я пишу тебе
теперь от 3 до 9 - приблизительно
принду перед Пасхой или 28-
или 30-го апреля (я еще не знаю).
Вопрос - 30-го или 31-го
отсутствует отгул, т. е. 11. 11. и 28-го
пред или совпадают в отпуске.
С тобой соединит ли Пасха.
Я это не думаю. Иначе ты
25 апр. - не забудь. Когда придет
еще раз приедет на работу твою
до пред?

Saatja:

Address:

V. Nr. 501

V. a.

Vera

Felissa Severjanin

Männiku, U.

Tõola.

* «Томá» — речь о книгах из личной библиотеки поэта. Все оригинальные сборники стихов Игоря-Северянина имеют сквозную нумерацию томов.

Saarkula, 11. IV. 1938 г. <к Фелиссе>

Второй раз буду на почте 21 апреля.

Дорогая Фишенька, поздравляю тебя с Праздником Св. Пасхи, шлю воистину лучшія пожелания. 14-го я поеду за почтой в Гунгербург, но почту прошу тебя адресовать на имя В. В., т. к. я сам терпеть не могу спрашивать: «есть ли на моё имя?» Сюда получать не рискую: легко, конечно, затеряется. И даже заказное нельзя, т. к. повестку через Россонь из Венкуля дети могут не доставить. Поэтому прошу так адресовать:

Narva Jõsua, postkontor.

Vera Korendi. Nõudamiseni.

Итак, 14-го будем за почтой. Когда приедем другой раз, сообщу особенно. Я перевожу Раннита. Все 11 стихов готовы, поэтому жду от тебя второй

партии. Устроились недурно, но печка грязная и дымная. Боремся с нею. Тепло не держит. Пьём молоко и едим картошку, облитую яйцами. Рыбу ловить нельзя: холодно. Вообще, серо пока что и нудно. В.Б., конечно же совсем больной человек. И я кашляю, и меня лихорадит. Целую крепко и приветствую, и поздравляю Л.Ю., Ольгу, Элли.

Любящий тебя Игорь. —

[Saarküla. До 18.IV.38] <к Фелиссе>

Почтовая карточка

Дорогая Фелисочка, сегодня получил твоё письмо, — спасибо. В Kiviõli написал сразу же, не знаю, когда удастся теперь устроить — или 21-22 или же в начале мая (до 5-го). В Тойлу я заеду вскоре сам. Радуюсь Рериху*. Работаю над переводами Раннита*. Поздравляю ещё раз тебя, Вакха, Л.Ю., Ольгу. Сегодня был у исповеди, хочу к причастию. Не говел, * стыдно сказать, лет 30! Целую, будь спокойна — всё заплачу за тебя. Вскоре.

Любящий Игорь. —

* Рерих Николай Константинович — письмо Игорю-Северянину от 21 марта 1938 (РГАЛИ):

Дорогой Игорь Васильевич.

И радостно, и грустно было мне получить Ваше письмо от 28 февраля. Радость была в том, что Ваше творчество было мне близким и Ваше имя звучало во всех странах, в которых я был за эти годы. Радость была и в том, что Вы прислали и книгу стихов, и манускрипт Ваш — всё это и звучно, и глубоко по мысли и прекрасно по форме. А грусть была в том, что Вы пишете и о Вашем, и вообще о современном положении писателей, — я бы сказал, вообще о положении культуры. Дело <об>стоит именно так, как Вы и описываете. Книга стала не нужна. В домах подчас вообще не находится книжной полки, а ведь было время, когда книга была другом дома.

Сейчас происходит такой Армагеддон, который захлестывает всю жизнь, во всех её проявлениях. Люди более думают об удушении, нежели о животворении. Вот Вы пишете об издании Вашей рукописи в «Алатасе». Но это издательство за последние годы совсем захирело. Гребенщиков с великими трудами на своём ручном станке иногда отпечатывает свои книги и радуется, когда во время его лекций удастся продать несколько экземпляров. Вот каково положение. Конечно, не только о гонораре, но и вообще об издании в «Алатасе» нечего и думать. Русские книжные магазины закрываются один за другим. Ещё недавно нам писали из Праги, что последний русский книжный магазин закрывается.

Всё это очень невесело, но приходится брать вещи так, как они на самом деле. Думается, что Вам удобнее и дешевле издать рукопись в Таллине или в Нарве, где есть русские типографии. Для такого издания посылаю Вам пять фунтов стерлингов поч<то>вым переводом.

Вообще делается величайшим секретом, как могут существовать писатели и художники. Когда как-то спросили А.М.Ремизова, как он преодолевает трудности, он ответил: «И сам не знаю, как». Ещё остаётся какая-то возможность лекций, которые собирают людей и проталкивают мысли об истинных ценностях. Но огрубение повсюду весьма велико.

Всякое стремление и достижение вызывает лишь поношение. Ещё недавно мы имели на наших глазах ужасающие к тому примеры. История культуры должна заполнить несколько весьма мрачных страниц. Казалось бы, такое положение вещей должно сближать собратьев по всем областям искусства, а на деле и это не замечается.

Не знаю, прислали ли Вы рукопись как список для меня, или же это есть оригинал для печатания, — потому на всякий случай возвращаю рукопись, если она потребуется для местного печатания. Дай бог, чтобы ближайшие дни не ознаменовались ещё какими-то всемирными ужасами.

Хорошо, что Вы встречаетесь с А. Раннитом, — он мне очень нравится. Знаете ли Вы и латвийского славного поэта Рихарда Рудзитиса?

Всегда буду рад слышать от Вас и о Вас и на этом шлю мой сердечный привет.

Н. Рерих.

* Алексис Раннит. В оконном переплёте. Перевод и предисловие Игоря-Северянина. Том XXIX. Таллинн, Издательство Академического Союза Объединённых искусств, 1938, 60+3 с., без объявления тиража.

* *Говеть* — поститься и посещать церковные службы, готовясь к исповеди и причастию в установленные церковью сроки. В данном случае речь об исповеди к Пасхе Христовой.

Narva Jõesuu. 19.IV. <к Фелиссе>

Почтовая карточка

Дорогая Фишенька, почту пришли так, чтобы я получил 22-го, ибо 23-го еду в Таллинн. Или же к 25-му на Линду. Деньги я получил через почту (Рерих). Расписку сдал около 29-30 мая и, получив от него гонорар, сразу же приеду к тебе и привезу кое-что. Погода действует скверно, о ловле рыбы и думать нечего. Раза два попробовал безрезультатно. Купил самое необходимое для хозяйства, теперь разговор идёт о лодке. Та, старая никуда не годится, а новые очень вздорожали. Целую и приветствую всех. Любящий тебя всегда
Игорь. —

Позже вышли почту на моё имя до востребования.

Saarküla, 22, IV. 1938 г. <к Фелиссе>

Дорогая моя Фелиссочка!

Я страшно взволновался и даже оскорбился, получив письмо: неужели же ты думаешь. Что я забыл о тебе?! Сама же ты говорила, чтобы я не приезжал на Праздниках, а то я, конечно, приехал бы дня на два. Немедленно посылаю повестку на чек Ираклиди и Игнатовскаго обратно, а ты немедленно вышли их на Линду. 25-26-го я буду у нея, разменяю деньги и тотчас же привезу в Тойлу. Кроме того, приеду сам 29-30 апреля и привезу тебе ещё денег. Будь совершенно спокойна, дорогая Фишечка. 6-го мая состоится, наконец-то, лекция в Kiviõli, и, конечно, мы поедем туда с тобою вместе. Они просят выслать им ещё 15 афиш. Поэтому сразу же пошли им просимое. Адрес такой: «Vene Raamtukogu» Kiviõli. И больше ничего. Денег я зря ни гроша не трачу; если что и купил, самое необходимое только. Погода ужасная, она все Праздники испортила. Здоровье В.Б. из рук вон плохое. Я тоже себя чувствую неважно. Расскажу всё лично. Крепко целую и благословляю. Вскоре увижу Вакха.

Любящий всегда Игорь. —

Tallinn. 30 апр.1938 г. <к Фелиссе>

Почтовая карточка

Дорогая Фишенька, хотел приехать 2 мая, но у меня в этот день назначено деловое свидание, поэтому я приеду третьяго в 12.15 дня. Виснапу более или менее поправился. Но Ing устала ужасно после свадьбы племянницы. И плохо выглядит. Приеду — сообщу много интереснаго. Поэтому не хочу пока ничего писать. Целую и шлю привет Л.Ю., Линде и Ольге. Вероятно, на днях придёт письмо и от Т.И.Хлытчиевой. Почту, конечно, не пересылай: я вскоре буду сам.

Любящий тебя

Игорь —

[до 4 мая 1938] <к Фелиссе>

Почтовая карточка.

Дорогая Фелисса!

<неразб.> В Kiviõli* сам сразу же, не знаю, <неразб.> устроитель же — 21 <неразб.> в начале мая (до 5-го). В Тойлу я заеду вечером сам.

Ревель? > Рей <неразб.> Сегодня <неразб.> Целую. Любящий

Игорь. —

* Kiviõli — 6 мая 1938 года Поэзовечер.

Toila. 5 мая 1938 <к Н.Периху>

Estonic. Toila
Postkontor
Igor Severjanin.

Дорогой мне Николай Константинович!

Мне не удалось, к сожалению, ответить Вам сразу: я в постоянных скитаниях по лесам, озёрам и рекам, иногда по две-три недели не бываю дома, от всего мира такого поглупевшего и скучного, отрешённый. Это случается в те счастливые дни, когда я, не признающий вообще, *института города*, уже просто не могу в нём более жить и, презревая все свои нужды и ожидания неизбежны, от города, увы, зависящие и городом даваемые, бегу без оглядки в природу, где сразу же делаюсь иным и возрождённым, целиком ухожу в ловлю рыбы и созерцания единственной непрерываемой Красоты.

Спасибо Вам сердечное за ваше бодрящее, чуткое и праведно-мудрое письмо. Спасибо за присланные на издание поэмы деньги. Не смогу я только, дорогой Николай Константинович, издать её теперь же, как мне хотелось бы: целиком пришлось всё отдать людям, бедным и совестливым, жизнь мою дящим. Теперь они и впредь помогут мне зато. И на душе спокойнее стало. Вы сильно помогли мне, и я трогательно благодарю Вас. А поэму я всё же издам к осени: может быть те же люди, видя моё отношение к себе, при первой появившейся у меня возможности денежной, помогут мне в издании, оказав кредит. Верю в это, — нельзя не верить.

Когда достану некоторыя старыя свои книги, пришлю Вам с радостью, Вас же благодарю за снимкм с Ваших картин глубоких, и пленяющих, и будящих.

Недавно закончил перевод Раннита. Работал с увлечением. Он такой трагично-образный и ущемлённый. Вероятно, к осени Вы прочтёте его стихи по-русски: хочет издать к осени. Бальмонт сделает предисловие. Рудзитиса лично не знаю, но книги его чту. Буду в Риге, непременно познакомлюсь с ним.

Шлю Вам привет — голубой и прозрачный, — жму руку и любя вас прошу:

— не забывайте и впредь поэта, боготворящего жизнь Земную и верящего в Человека!

Игорь-Северянин.

Saarküla, 8. V. 1938 г. <к Фелиссе>

Почтовая карточка, <штемп. от 9 мая 1938 г.>

Дорогая Фишенька, в зале было 150 человек — ровно половина. Принимали, конечно, восторженно. Встретил член правления Л<неразб.> и повёл к себе пить чай. После вечера накормили ужином, и уже в 10.30 я был в чудесной заводской гостинице. Диван привёз на пароходе до устья (50 центов всего), а потом на лодке до дома (1кр). Вышло и дешевле и скорее. Сделан диван очень хорошо и широкий. Дурак Пиль*, которому я дал 20 центов для сторожа, чтобы он подал мне ведро, когда утром поеду в Нарву, всё забыл, и я ничего не мог успеть в одну минуту. На станции случайно стоял Осипов. Я ему крикнул, он побегал, но в это время поезд пошёл. Обратиться к начальнику станции мне посоветовала Е.В. Впредь не буду никого слушать. Нужно было прямо с ведром в Kiviõli, как то и говорила. По реке ехать вчера было очаровательно: штиль и теплота, и красота! Я уже вечером разобрался в вещах и всё устроил. Дом нашёл в идеальном, слава Богу, порядке. Даже полы накануне были вымыты.

И в «<неразб.>» пол почти настлан. И дверь из кухни в комнату сделана. Но стол обеденный ещё не готов, поэтому нет места для готовки обедов: малюсенький. М.б. поеду 10-11 на Бунина*, но ещё не знаю. На обратном пути на один день заеду в Тойлу и возьму тогда же ведро. Но к тому времени <неразб.> вероятно, если поеду...

Пробовал сейчас ловить рыбу. Поймал 4 плотички и одного подлещика — отпустил их обратно. Сегодня холодно и крапает даже дождь. Целую и шлю привет всем. Сижу весь день один, устал от всей зимы нечеловечески. Вчера их человеку <?> почему-то писем не было. Завтра иду на Устье за почтой и пошлю эту открытку.

Любящий тебя

Игорь. —

Saatja: Igor Severjzin

Adress: Narva Jõesuu, p./k. Poste — Restante

* Дурак Пиль — неустановленное лицо в Саркуле.

*...поеду 10-11 на Бунина — Игорь-Северянин. «Моя первая встреча с Буниным»:

«10 мая 1938 года я поехал из Саркуля в Таллинн на лекцию Бунина, совершавшего поездку по государствам Прибалтики... В Тапа наш поезд соединился с поездом из Тарту. Закусив в буфете, я вышел на перрон. В это время подошёл поезд из Тарту. Из вагона второго класса вышел среднего роста худощавый господин, бритый, с большой проседью, в серой кепке и коротком синем пальто с поднятым воротником: был серенький прохладный день с перемежающимся дождём. Я сразу узнал Бунина, но ещё медлил к нему подойти, убеждаясь...»

Saarküla, 24.V.1938 г. <к Фелиссе>

Почтовая карточка.

Дорогая Фишенька, В.Б. приехала 22-го, в воскресенье без ребёнка и без денег, т.к. налоги и рассрочка всё взяли. Я купил 1/2 сажени сухих дров, нанял лодку, и поэтому пришли мне, прошу, теперь же, т.е. 26-го до 26-го до часу дня, 20 крон, чтобы 27-го я мог их получить. В.Б. уезжает в Таллинн к доктору на массаж в первых числах июня дня на три-четыре. Тогда я и приеду в Тойлу. Есть ли почта денежная? В.Б. зайдёт по моему поручению, к Яйку и узнает о результатах заседания. Она совсем-совсем больна. Рыба не клюёт совершенно. Ветер северный. И холодно. Топим печи и всё-таки холодно! Прислал ли В.Ю.? <Ван-Юнг> Напишите на переводном бланке. Деньги вышли на моё имя.

Крепко целую и кланяюсь знакомым.

Всего хорошего! Лето пройдёт тускло, здоровье моё плохо особенно.

Любящий Игорь. —

*Igor Severjanin
Narva Jõesuu p/k
Poste-restante*

Narva Jõesuu, 27.V.1938 г. <к Фелиссе>

Почтовая карточка.

Дорогая Фишенька, спасибо: вчера получил. Я приеду 1-го. Поезд идёт теперь из Нарвы не в 2, а в 3, так что на ст<анции> Тойла бывает не в 3, а в 4. Около 6 буду. В.Б. едет в этот день в Таллинн. Хлытчиевой написал. Рыба совсем не клюёт, — никак! Целую тебя и приветствую всех.

Любящий тебя

Игорь. —

Narva Jõesuu, 11.VI.1938 г. <к Фелиссе>

Почтовая карточка

Дорогая Фишенька, И.Б. была у Яйка, и он сообщил, что ответы на оба прошения («Фиалки» и Вахх) после Троицы будут присланы на Тойлу. Теперь, как видишь, первый ответ достойно вас. Ничего удивительного нет, ибо Генрик <Виснапу> предупреждал после Раннита, а в особенности Ing. Мне покоя не даёт слепая кишка: схватки усиливаются ежедневно. Неужели Хлытчиева не пишет ничего? До 20-го мы на мели. Приеду после 20-го. Около 23-го. Привет всем сердечный. Крепко целую. Больно и скучно, что никакого клёва. Жарища невыносимая. И такая же тоска. В.Б. уехали днями с ребёнком, а на реке в полном одиночестве.

Любящий всегда

Игорь. —

Saarküla, 20. VI. 1938 г. <к Фелиссе>

Дорогая Фишенька,

Только вчера вечером получил твоё письмо и 620 марок от Вильярдо за книги, посланные в январе! Все эти дни ревела такая буря, что через Нарову нельзя было перебраться. В субботу я попробовал в лодке переехать, но добрался лишь до середины, а потом северный ветер меня подхватил и, чуть не перевернув, погнал с ураганной быстротой к Смолке*. Не пишу ничего подробно и вообще ни о чём, т.к. сам на днях приеду и всё расскажу. Крепись, не унывай — горизонт прекрасен!

Приеду я после Иванова дня — 25 или 26-го, иначе народа много всюду. В.Б. деньги получит лишь 22-го. Здоровье моё оставляет многого желать. Жизнь с ребёнком — кошмар. Но я нашёл исход. Сообщу лично. Крепко целую и скучаю без тебя и без своего дома. Привет Л.Ю., Ольге, Линдам, Элли. Вот и Вахх 23-го приедет!

Любящий тебя всегда

Игорь. —

Больше пока почту не посылай.

* Вильярдо — неустановленное лицо, вероятно, некто из заграничных знакомых.

* Смолка — посёлок на правом берегу Наровы между Ивангородом и Россонью.

Saarküla, 27 июня. 1938 г. <к Фелиссе>

Дорогая Фишенька,

я — в отчаянии: эта окаянная погода и очень плохое самочувствие мешают мне всё время предпринять тяжёлый для моего сердца и ног (и кармана!) путь в Тойлу, куда всей душою хочу и стремлюсь. Решительно никогда не бывало, ловить рыбу невысказанно, скука такая, что с ума сойти можно. Я приеду, как только смогу и, конечно, на этих днях, самое ближайшее время, около 1-го. Но точно день указать никто не может: всё от погоды и здоровья зависит. Почты не посылай, жди меня. Так и полетел бы домой! Целую крепко, приветствую Л.Ю. и всех. Вахх, — молодой здоровый человек, мог бы скорее приехать сюда, но теперь не стоит, иначе разъедемся, пожалуй. Буду, как только *смогу*.

Любящий тебя всегда

Игорь. —

Замучен окончательно делами <?> и пошлостью.

Saarküla, 2.VII. 1938 г. <к Фелиссе>

Почтовая карточка.

Дорогая Фишенька,

Окончательно решил: приеду 4-го, в понедельник, с поездом в 3 дня из Нарвы. Чувствую себя неважно. Погода приводит в отчаяние. Почту получу у тебя сам. Целую. Привет всем.

Любящий тебя

Игорь. —

Toila. 7.VII.1938 г. <к Н.Рериху>

Дорогой мне Николай Константинович,

Простите меня за откровенность, и как Воскрылённый, приемлите её:

Я, моя жена и сын Вахх *гибнем*. Пояснений для Вас не нужно: Вы и сами всё знаете, да я и писал Вам раньше.

Настаёт двенадцатый час.

Самое душу щемящее — Вахх. Ему 16. Трудолюбив, скромен, способен, сердечен, светел. Перешёл во второй класс Гос.Технич.Учил. блистательно. Ещё 4 года должен учиться. Будет мастером на заводе. Оклад 40 - 50 \$ в месяц. Это — наша единственная опора. Уж он то нас

не оставит: *настоящий*. Однако мы *просто не можем* его поддерживать: мы сами уже без ничего. Самим нет. Для того, чтобы жить нам всем троим здесь нужно ровно 20 \$ в месяц, но источники изсякли. Окончательно. Помогите, хотя бы одновременно. Я сердце чувствую ежеминутно, — всегда. Жена, талантливейшая русская поэтесса*, (я пришла после Вам *ея невообразимыя* стихи), хронически болеет почками. Помочь она нам с Ваххом не может. Она — *надмірная*, она — *внежизненная*. Провидящая и *нискемная*. Лишь отчасти *моя*. В прошлой жизни *убіенная инфанта*. Эстонка теперь, *мыслящая по-русски*. И пишущая изысканнейше. Самые короткіе стихи. Целодневно на море (лодки не видно!), в лесных дебрях. Под грозою, в дождь, в бурю. Мы с нею разные. Но я обожаю её. Неприкосновенно... Я не могу больше. Простите.

Верю в Вас. Не дадите безусловно погибнуть.

Люблю и благодарю
Игорь-Северянин.

*...*талантливейшая русская поэтесса* — жена поэта Фелисса.

Тоила, 11. VII. 1938 г. <к А.Барановой>

Дорогая Августа Дмитриевна!

Ваше письмо от 15-го мая, столь потрясшее меня, я получил с громадным опозданием, т.к. бываю в Тойле весьма редко, а пересылать почту к себе не позволяю, ибо меняю часто места. Но все же даю Вам и впредь старый, — постоянный, — свой адрес: в июле и августе мне часто придётся ездить и ходить в Тойлу.

Нет слов человеческих, дорогой друг мой, чтобы выразить Вам своё соболезнование. Вот ведь странно: я не знал Фёдора Фёдоровича лично, но, как живого, видел и вижу его перед собою. Чудесный, обаятельный был человек, чувствую. Мне остаётся только преклониться перед Вашим горем: слова бессмысленны и обидны.

Но Вы должны жить, и опять-таки: для сына. Вы права не имеете причинить ему муку. Сознательную. Этим Вы обессилите его, причините ему вред. Конечно, Вы не покончите с собою: нельзя. Если Вам дана мука, не давайте её сами другим. Воздержитесь, молю Вас.

Что делает теперь Ася? Как он устроился? Воображаю, как и на него повлиял уход Фёдора Фёдоровича.

Ваше желание быть сожжённой одобряю вполне. И я хотел бы того же. Благодарю Вас за честь, мне оказанную, и за доверие. На практике не знаю, как поступить. И потом: почему я должен пережить Вас?

При состоянии моего здоровья это просто невозможно. Я — в полном одиночестве. Не первый год. Одно расстроилось, другое не могло наладиться. Горчайшую нужду переживаю. Ничего ниоткуда не имею. Нередко не ем. Живу каким-то чудом. И сам не знаю — как. Люди чёрствы и скотоподобны. Не помогают даже богатые. Конечно же, я ничего ровно не пишу: люди недостойны Искусства!.. Для себя?!

Я давлю в себе малейшее вдохновенье. Болезнь сердца: застарелый аппендицит, сердце изношенное. Одышка, головные боли, частые и жгучие. Фелисса Мих. сидит сидьмя в Тойле — совсем тоже больная и мрачная: почки хронически болят. И душа.

Что касается Вакха, ему 1-го авг<уста> исполнится 16 лет. Окончил шестиклассную начальную школу, один класс ремесленного, а осенью 1937 г. поступил в Госуд<арственное> техн<ическое> учил<ище> с пятилетним курсом. Этой весной блестяще, — без экз<аменов>, — перешел во второй класс. А строгости там невероятные, и многих среди года даже с окладом около 50 \$ в месяц. Но, увы: уже просто нет никакой возможности с осени, т. е. с 1 сент<ября>, ему дальше учиться. Очевидно, останется на зиму в Тойле при голодающей матери. Ужасно, дорогая, что я хочу и не могу им ничем помочь! Равно и себе самому. Придётся, видимо, не сегодня-завтра уйти из этой несправедливой, издевательской жизни. Немыслимо переносить муки свои и близких. А Вакх — хороший, честный, добрый, способный, деликатный. Не дать ему образование — нельзя жить. Он сказал, что никогда не оставил бы нас с Ф<елиссой> М<ихайловной>, окончив школу. Болезненно переживает невозможность окончания школы. Ещё бы: пансион в Ревеле стоит ему ежемесячно 11 долларов! Откуда же мы можем бесконечно доставать такую сумму?! Первый год содержало Министерство нар<одного> просв<ещения>, но с весны прислало формальный отказ: за наименьшем средств. Простите за откровенности — невесёлые и жуткие. Всегда помним и любим Вас, а если не пишем, не хотим ныть. И омрачать Вас. Асю целуем, целую Ваши ручки, Ф<елисса> М<ихайловна> шлёт сочувствие, сама совсем умученная. Будьте добры и благодетельны!

Всегда любящий Вас

Игорь. —

Напишите о получении этого письма и пишите впредь, прошу. В Тойле буду около 17-20 июля.

Saarküla, 19.VII. 1938 г. <к Фелиссе>

Почтовая карточка.

Я приеду в Тойла обязательно в понедельник, 25-го, к вечеру: у меня много дел разных, и я поеду, вероятно, в город. 25-го В.Б. уезжает с ребёнком в Таллинн по вызову школьного правления. И тогда решится её служба. Пусть Вахх приезжает 21, 22, 23-го в один из этих дней. Эту открытку получишь, дорогая Фишечка, 20-го и в тот же день известите меня на Saarküla на имя В.Б. о следующем: 1.) Когда приедет Вахх 2.) Что написала Ing и Яйк 3.) Есть ли почта и какая. На poste-restante больше уже не пиши и почты не пересылай. Завтра в среду, иду в последний раз в N.-Jõesuu за почтой. Я писал Вахху 9-го, но ответа почему-то не имею: получил ли он мою открытку? Деньги привезу или 23-го или 25-го сам привезу. Есть много о чём побеседовать. Я послал за границу 8 писем, на днях будут ответы на Toila. Крепко целую и приветствую. Любящий всегда

Игорь. —

27.VI.1938 г. <Н.Рерих к Игорю-Северянину>

Дорогой Игорь Васильевич. Спасибо Вам за Ваше доброе письмо, — оно недавно дошло в наши далёкие горы. Радуюсь Вашим добрым словам о Ранните, ибо и я к нему отношусь с большой сердечностью. Радуюсь и тому, что его стихи будут переведены при Вашем участии. Именно Вы сумеете сохранить характерность его выражений.

Всегда радуюсь каждому единению, а тем более единению среди мастеров искусства. Сами видите, какой свирепый Армагеддон сейчас гремит. Люди теряют человекообразие и заняты изобретением братоубийственных орудий. Бесчисленны взрывы, как бы и планету не взорвали.

Один мой биограф просил меня спросить, нет ли у Вас ещё каких-либо упоминаний меня вроде как в поэме, Вами нам присланной. Повсюду имеются преданные друзья, которые собирают для всяких симпозиумов характеристики. В прошлом году Б.Григорьев писал мне с великим отчаянием, как бы предрекая конец всякой культуры. По своему обычаю я возразил ему, что не нам судить, будут ли сжигать наши произведения. Ведь мы вообще не знаем ни читателей, ни почитателей наших. Помню и другое отчаяние, а именно покойного Леонида Андреева, который писал мне о том, что «говорят, что у меня есть читатели, но ведь я-то их не вижу». Именно все мы не видим их. Может быть, и Вам иногда кажется, что у Вас нет читателей. Но даже в нашей горной глуши нам постоянно приходится слышать прекрасные упоминания Вашего имени и цитаты Вашей поэзии. Ещё совсем недавно

одна неожиданная русская гостя декламировала Ваши стихи, ведь Вы написали Вашими образами и созвучиями многие страны.

Все мы находимся в таком же положении. Уж очень щедрó было русское даяние. Потому то так трудно усмотреть и урожаи. Русская музыка, русский образ, русские слова запечатлены во всех частях света. Нет такого дальнего острова, где бы не отобразилась русскость. Даже и в трудах, и в трудностях будем беречь Русское Сокровище. Оно так велико и прекрасно, что за ним будущее. Вы, может быть, удивитесь такому оптимизму, но думаю так не только потому, что верю, но и знаю.

Много раз мои слова и картины считалась пророческими, так и о Русском Сокровище позволю себе пророчествовать светло. А Россия и все её народы преуспевают. Стравинский писал о кретинизме Европы и Америки. Он живёт в Европе и недавно был в Америке, — ему и книги в руки. А мы будем светло мыслить о лучшем русском

будущем. Пока что весь мир, несмотря на зависть, должен был поклониться и русской литературе, и театру, и живописи — всему русскому. Каждая Ваша весточка будет мне радостью.

Шлю Вам душевный привет.

Искренно Н. Рерих.

Saarküla, 8 авг. 1938 г. <к Фелиссе>

Дорогая Фишенька!

Я в полном отчаянии и растерянности: В.Б. только недавно вернулась, места не получив! Что-то с нами будет! Все обещают, но пока толку мало. Окончательно выяснится к 15-му. Приехала она с 75 сент<ами> в кармане. Безденежье абсолютное. Настроение ужасающее. Живём на книжку. Чем расплачиваться будем?!. Пожалуйста переведи всю почту на моё имя до востребования: неужели же ничего до сих пор нет?!. Вот черти-то! Туфли привезу. Переведи 9-го, чтобы 10-го мог получить.

Здоровье моё из-за всех невзгод стало очень плохим. Разстроен я ежеминутно и из-за каждого пустяка! Целую, верю в лучшие времена! Когда получу от Вортпариниан, вышлю немедленно, равно и 2 кроны.

Любящий тебя всегда

Игорь. —

Saarküla, 26.VIII. 1938 г. <к Фелиссе>

Почтовая карточка.

Дорогая Фишенька,
Я приеду в понедельник, 29-го авг<уста>. Спасибо за письма.

Всё лично.

Твой Игорь. —

Saarküla, 31.авг. 1938 г. <к Фелиссе>

Дорогая Фишенька!

Весь этот месяц проходит под знаком болезней и полного безденежья. Первый раз сердце уложило меня в постель на 4 дня, теперь снова лежу с 28-го вечера. Только собирался поехать в Нарву разменять чек, как заболел. 29-го думал и в Тойлу попасть, чтобы лично обо всём рассказать. Как только будет лучше, возьму у сапожника на дорогу и поеду в Нарву и Тойлу. В.Б. тоже всё болеет, даже лежала несколько дней: психическая рвота и понос. Доктор был и для меня, и для нея несколько раз. Дома ужасно: в одну лавку должны 58 крон! Да за квартиру уже 10 крон, да сапожнику за те продукты, каких тот в лавке 12 крон, да за стирку, да за лодку.

Всё это меня убивает. А окайнные тётки буквально *ни гроша* не послали *ни разу*, — обманули, что помогут. Жалованье получено последний раз 20 июля и больше *не будет*.

Места нет и надежды нет!! Выгнали с одного, другого не дали. Это с ума сводит В.Б., не привыкшую одолжаться. А тут ещё тётки ежедневно требуют её и ребёнка в город, чтобы определить её на какое-угодно место, хоть в приказчицы или в судомойки! Так и пишут сволочи!

Но я даже при болезни не перестаю думать о тебе и Вакхе. Бегал полубольной к Пумпянской за 22 версты, и она наотрез отказала! И мне гроша негодяйка не дала! Писал Юхкаму. Он ответил, что выезжает за границу, вернётся 15 сент<ября> и тогда я должен быть в городе и вместе с ним итти к министру.

Он верит в успех. А заодно выхлопочет субсидию, чтобы с голода не сдохнуть. Так или иначе 15 сент. В.Б. придётся ехать к сволочам, а мне хлопотать у Линде* и Юхкама. Не унывай, Фикушек, подождём ещё чуточку. Ты прислала бумагу банка от Хлыгтч<иевой>, но чека до сих пор нет. Дивлюсь! Молчит и <неразб>, и Ираклиди, и Баранова, и Чукалов, и Рерих, и Яйк! Что делать? Что думать? Но я верю в свою поездку 15 сент.

в Tallinn и креплюсь. И тебя не оставлю. Весь твой долг матери *уплачу*. Будьте спокойны. Хочу приехать поскорее в Тойлу. Полагаю, что, если поправлюсь, буду 5-го или 6-го обязательно. На денёк. Тогда и деньги дам, сколько смогу пока. А весь долг уплачу около 15-20 сент. Крепко целую тебя и благословляю. Привет всем.

Напишите, где Вахх. Пусть держится до приезда Юхкама.

Любящий тебя всегда

Игорь. —

Написал письмо и опять ложусь. Принимаю лекарства — дорогія и гадкія.

* Н.К.Рерих отправил второе письмо Игорю-Северянину 27 июня 1938 года, но оно ещё не получено.

* Борис Бернгардович Линде, Boris Linde (1884 – 1969) — один из учредителей акционерного общества «Библиофил» в 1921; успешный предприниматель; в указанное время один из самых богатых людей в Эстонии. Не путать с художником Борисом Линде.

6.IX.38 <к Фелиссе>

Почтовая карточка. Карандаш.

Дорогая Фишенька, раньше 8-го сент., увы, мне не удастся приехать, т.к. всё ещё не совсем оправился от болезни, сильныя головокружения, замиранья сердца, и при таких условиях идти 9 километров я не рискую. Крепко целую и стремлюсь в Тойлу.

Твой Игорь. —

Saarküla, 14. IX. 1938 г. <к Фелиссе>

Попасть в Тойлу не так-то просто, дорогая Фишенька: всё время, с редкими перерывами, хвораю, а, когда лучше бывает, денег нет хронически, а поездка-то обойдётся в 2.90. Легко сказать, когда и гривенника часто нет. Долги отдал, но растут новые, и чем их платить будем — никто не осведомлён, ибо пока получек не предвидится. Уж не тётки ли заплатят при своей оголтелой скаредности?! Эти сволочи гроша не посылают, и только и знают, что требуют В.Б. с девочкой в город. Причина? Сделать мне пакость и оставить меня одного в деревне — больного и безденежного.

Хотел 15-го поехать по делам в Tallinn, как писал тебе, и В.Б. хотела уезжать к этому времени. Но на какие шиши, — спрашивается, — я поеду? Ей-го, пожалуй, выслали бы в *обрез*, а мне кто даст?! Поэтому мой путь волея-неволей откладывается. А между тем, мне необходимы некоторые вещи, как нап<ример> новый костюм и драповое пальто: замерзаю по вечерам. 17-го, в субботу, Шевтанов поедет из Tallinn'a на Устье за женой в автомобиле. Я просил его заехать к тебе, будь добра дать ему чемодан с необходимыми вещами и синее одеяло, а я ведь в Саркуле зимовать буду: не к мегерам же мне ехать! Я очень видеть тебя хочу, но сил у меня нет притти пешком или через Ауверге ехать: 27 вёрст!!! Я и то погубил себя из-за Пумпянской: после того города и заболел основательно. Повторяю: будь добра, ибо ничего нет темнаго <?> впереди, а пока, конечно, не важно. Но вот я поеду когда-нибудь в город и всех выручу. Крепку целую и благословляю.

Любящий тебя всегда

Игорь. —

Неважн<ые> вещи свезены к Сазикову Все заграничные знакомые — сволочи! Не вздумай покидать опрометчиво Тойду и ехать на заработки: повторяю, все не так ужасно, и я все устрою. Но я болен, и у меня нет пока денег на дорогу. Достану и устрою. Мировые события кошмарны, и в них центр наших бедствий! Господь поможет нам.

3 авг. 1938 г. <Н. К. Рерих – И. В. Северянину>

Дорогой Игорь Васильевич.

Читаю Ваше письмо <от 7 июля 1938 г.> и думаю, как помочь Вам. По нынешним временам это совсем не так просто. Мои личные средства совершенно истощены, а художественных продаж не предвидится, и журналы гонорара не платят. Впрочем, я никогда не был богатеем. Если бы только можно было

знать, где существуют те газеты или журналы, которые ещё платят гонорары, то я употребил бы всё моё доброе стремление, чтобы поместить там или Ваши всегда прекрасные поэмы, или что-либо из моих писаний в Вашу пользу. Но не знаю я таких изданий, а сведения, поступающие из разных стран, более чем неутешительные. В Америке повальный кризис, в Англии, говорят, вся жизнь вздорожала вдвое, а во Франции за помещение статьи не только не платят, но требуют ещё и денежный взнос. Таковы мои сведения. Прямо не знаю, куда обратиться.

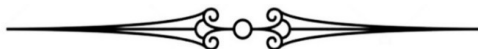
Вполне понимаю и Ваше тяжёлое положение. Вот и в Париже

мой друг А. М. Ремизов жестоко бедствует, а уж чем живёт Бальмонт — и представить себе не могу. Если бы из голубого неба пришла какая-либо новая возможность, я прежде всего вспомнил бы о Вас; но говорить о голубом небе, когда вместо грома грохочут пушки, это весьма слабое утешение. Неутешительно также и то, что с каждым днём положение вещей всё ухудшается, и человечество из кожи вон лезет, чтобы навредить самому себе.

Итак, если хоть что-либо с голубого неба свалится, я вспомню о Вас. Если бы на земле были хоть сколько-нибудь хорошие положения вещей, то Ваши стихи были бы истинным украшением журналов. Но ведь до добра далеко, и красота поэзии для людей сейчас звучит не только отвлечённо, но даже мёртвенно.

А кому сейчас нужны картины? Если является мысль о выставке, то Вам представят такой бесконечный счёт предварительных расходов, что даже удачные продажи не покроют его. Так была идея выставки в Лондоне, но предварительные расходы были представлены в размере одной тысячи фунтов. Где уж тут думать о выставках. В прежние времена выставки устраивались на комиссионных началах, не вовлекая художников в предварительные расходы, но сейчас и эта обычная практика уже не существует. А книжные магазины лопаются, как пузыри, у нас за Поволоцким в Париже пропало несколько тысяч франков. Вот какие дела.

Не скрываю от Вас истинного положения вещей, ибо лучше знать всё так, как оно и есть. Всё наше доброе желание с Вами, но кто подскажет, что можно сделать. Шлём Вам душевные мысли.
Искренно Н. Рерих.

1939. ПИСЬМА

23 января 1939 г. <к С.Рахманинову>

Poste Restante,
Narva Jõesuu,
Estonie.

Светлый Сергей Васильевич!

По совету Дм. Ал. Смирнова, сообщившего мне и Ваш адрес, я пишу Вам,— простите за тревогу,— это-письмо,

В 1918 г. я уехал с семьёй из Петербурга в нашу Эстляндскую губ., превратившуюся через год в Эстонию. До 1934 г. я объездил 14 государств, везде читая русским, везде кое-что зарабатывая. Конечно, очень скромно, но все же жить можно было. А с 1934 г.— ничего: ни заработков, ни надежд на них, ни здоровья. Ехать не на что, ехать некуда: везде ограничения, запреты, одичанье.

Кому теперь до поэзии?! На неё смотрят свысока, пренебрежительно; с иронией и изумлением. И даже с негодованием. Кратко говоря, смысл отношения читателя и слушателя таков: «Лентяи. Бездельники. Не умерли вовремя». Работать в русских периодических изданиях нельзя: их мало, и везде «свои». Я же, к тому же, «гугенот»: мне никогда никто не простит моей былой самостоятельности, моего эго-футуризма юности. Не кубофутуризма размалёванных физиономий и жёлтых кофт, а именно «Его», — то есть утверждения личности, если она, конечно, не вовсе безлична... Я живу чудом, Сергей Васильевич: случайными даяньями. Их все меньше и меньше. Они прекращаются, ибо люди уходят, а человеки не признают. Я живу в глухой деревне, на берегах обворожительной Россони, в маленькой, бедной избушке с женой и дочерью. Мы все больные, умученные, уходящие. Помогите же нам, Вы, Большой искусствик, «уйти» более или менее безболезненно. Невыносимо, свыше всяких сил обессиленных — умирать без конца! И не странно ли, не поразительно ли? — чем ужаснее жизнь, тем больше жить хочется, тем больше цепляешься за жизнь, все во что-то несбыточное веря и надеясь... без надежд! Читали ли Вы мои стихи, несколько лет назад посвящённые Вам? Если хотите, я с радостью вышлю их.

Издавна Ваш
Игорь-Северянин.

24.08.1939 г. <к Евгении Меннеке>*

Новый адрес поэта на Vabaduse, 3 в Narva Jõesuu.

Сообщено Н.Г.Аршас

Toila. 27.V. 39 <к Н.Рериху>

Ig. Severanin
Vabaduse, 3
Narva Jõesuu.
Мне дорогой,

Николай Константинович

Так давно не писал Вам, но всегда помнил и светлел при воспоминании о Вас, а таких людей так немного осталось в эпоху особачившагося человечества, в эпоху трёх основных лагерей вселенной, в сущности никогда непримиримых друг с другом...

Большое сердечное спасибо Вам за прекрасный портрет Ваш, персланный мне Раннитом. Я поместил его около Римского-Корсакова, Рахманинова, Блока и некоторых других Бессмертных, конечно, предварит<ельно> застеклив.

О себе сказать нового ничего не приходится. Нужда, как и раньше, совершенно вопиющая и, если и жив ещё, то лишь благодаря С.В.Рахманинову, даровавшему мне зиму и часть весны. Но теперь, увы, его дар изсяк, и я снова решительно ничего не имею. Бог спасал меня, своего песнопевца, до сих пор. Я верю он и впредь мне поможет. Самое страшное — страданье семьи. И видеть это прямо таки-мучительно.

Даже самая ничтожная сумма, изредка посылаемая друзьями, даёт мне бодрость и радость, и имеет невообразимое значение. К сож<алению>, почти нет у меня.

Состояние моего здоровья вынудило меня переехать из деревни в город (Narva Jõesuu это бывший Гунгербург), где я поселился на окраине, на берегу Наровы, недалеко от «Уголка» Случевского. Знакомый врач заходит теперь часто ко мне и пользуется меня gratis.

Изредка приезжает Раннит, вторую книгу стихов которого готовлю к осени. Только трудно работать в моих условиях. А работать я люблю и умею.

Не забывайте покинутого поэта — пишите хоть иногда из своей Святой Красоты Праведной!

Переклик с Вами поддерживает готовый из тела испариться дух.
Всегда Ваш, всегда с Вами,
Игорь-Северянин.

* «Уголок» — дача поэта и писателя Константина Случевского в Narva Jõesuu на улице J.Poska, место литературных вечеров; не сохранилась.

* ...*пріезжае Раннит, вторую книгу стихов которого* — Aleksis Rannit. Via Dolorosa. Автор. перевод с эстонского Игоря-Северянина. Том XXXI. «Северные огни», Стокгольм, 1940. Ориг. название «Kui suudad» (эст. «Если сможешь»). Порт. А.Раннита работы Бориса Линде, на обл. репр. с картины Н.Чурляниса «Соната моря. Финал», в тексте репр. с картин Н.Чурляниса «Созвездие девы», «Рех», «Вечер».

[до 4 июня 1939 г.] <к С.Рахманинову>

Poste Restante,
Narva Jõesuu,
Estonie.

Светлый Сергей Васильевич!

Я благодарю Вас от всей души за присланные мне \$ 35. Этот Ваш дар явился для меня весьма существенной поддержкой. В моем домике над Россонью висит несколько портретов обожествлённых людей, мною боготворимых; среди них Н.А.Римский-Корсаков работы Серова. Сделайте радость мне — пришлите свой с подписью. Вы даровали мне три месяца жизни в природе: это такой большой срок по нашим временам!

К Вам с чувством большой и взволнованной признательности.
Игорь-Северянин.

[до 4 июня 1939 г.] <к С.Рахманинову>

Poste Restante,
Narva Y Jõesuu,
Estonie.

Мой дорогой Сергей Васильевич!

Радостно благодарю Вас за портрет Ваш с надписью. Посылаю Вам стихи,— для Вас восприняты,— которые давно уже хотел (и был обязан) Вам переслать. Они вошли в книгу, изданную в Белграде в 1931 г.

Последняя книга моих стихов — «Очаровательные разочарования», — к сожалению, моему, а возможно, и других, не окончательно эпохой обездушенных, издателя не находит, — и много лет лежит в письменном столе. По этой причине я не могу себе разрешить, — вот уже три года,— запечатлевать вновь неудержимо возникаемое: я слишком ценю и Поэзию, и своё имя.

С каждым новым днём я все ближе и неотвратимее приближаюсь к предназначенной мне бездне и, отдавая себе в этом отчёт, осиянный муками, готовлюсь к гибели.

И вот мне хочется прежде, чем это совершится, ещё раз от всего простого и искреннего поэта сердца воздать Вам, прославленному, славу и честь за дарованные мне Вами три месяца жизни на этой Земле, такой мучительной, но и упоющей!..

Игорь-Северянин

Все они говорят об одном

Сергею Васильевичу Рахманинову

Соловьи монастырского сада,
Как и все на Земле соловьи,
Говорят, что одна есть отрада,
И что эта отрада — в любви...

И цветы монастырского луга
С лаской, свойственной только цветам,
Говорят, что одна есть заслуга:
Прикоснуться к любимым устам...

Монастырского леса озера,
Переполненные голубым,
Говорят, нет лазурнее взора,
Как у тех, кто влюблен и любим...

Тойа. 1927 г.
Игорь-Северянин

4 авг. 1939 г. <к С.Карузо>

Почтовая карточка.

Igor Severjanin
Vabaduse, 3
Narva-Jõesuu

Дорогая София Ивановна!

Мне неудержимо захотелось написать Вам, хотя я и не уверен, что Вы живёте там же. Поэтому это письмо предельно кратко. Вы долго-долго не писали, я молчал, но думал о Вас всегда. Я, вообще, никому не пишу ничего, но вот Вам — исключение. 7.III. 1935 г. я расстался с Ф.М. и с того же дня у меня Вера. Она женственна и жертвенна: мне легко. У неё дочь семи лет — Валерия. Вера развелась с мужем. Я разведусь с Ф.М. осенью. Мы живём круглый год на курорте. Раньше — знаменитый Гунгербург, теперь — Narva-Jõesuu. От города Нарвы 14 килом. Наши окна выходят на широкую Нарову и ее дивный приток — Россонь. У меня под обрывом своя лодка, — «Дрина», — и целыми днями мы да реках. У нас летом всегда много людей, т.к. съезд до 5000 в сезон. От моря 5 минут. Пишите о себе, Ал. Гр* и Игоре*. Дайте знак, что письмо это прочли. Около 20 октября мы приедем в Берлин на месяц-два гостить к знакомым, и я дам там несколько вечеров. Возможно, попадём в Париж и Брюссель. Я, наконец, должен же Вас увидеть раньше, чем покинуть Землю.

Целую Ваши ручки.

Всегда с Вами (не слова!)

Игорь. —

* Граф Игорь Александрович Карузо (23, январь, 1914, Тирасполь, Нистрянэ, Приднестровье — 28, июнь, 1981 Salzburg, Austria) — сын Софии Карузо; в Эстонии женился на Ирине Андреевне Грауэн (на фото) из семьи обрусевшего немца Андреа Грауэн (1886-1942). Грауэн. уроженец Петербургской губернии, инженер-кораблестроитель. С 1923 года жил в Эстонии в Нымме. служил в Военном мин. и на различных заводах; в 1930-е годы — глав. ред. техн. журналов, автор нескольких книг и статей по морской технике. Воспоминания Ирины Грауэн о встрече с Игорем-Северяниным найдём в письме к публикатору писем поэта к С.И.Карузо Л.Ивановой (Пушкинский дом):

«Я его видела лишь один раз, когда он посетил Ревель. К нему мы не собрались, но он воспользовался нашим приглашением и был у нас на обеде во время своего посещения Ревеля. Уже не помню, был ли он уже седой, но кудрявый и стройный, высокий мужчина. Приятный, хорошо воспитанный. Как поэта я его мало знала, по-видимому, его слава была раньше, именно во времена молодости Софьи Ив. Карузо. Этой дружбой С<офия> И<вановна> очень гордилась, и я рада, что ей удалось переслать переписку и книги в Россию. Она мне об этом говорила. Это была не только очень культурная, но и очень красивая женщина».

20.VIII.1939 г. <к С.Карузо>

Igor Severjanin
Vabaduse, 3
Narva-Jõesuu
Estonie

Дорогая Софья Ивановна!

Я был очень рад получить Ваше письмо и хотел ответить на него сразу же, но ждал ответа от Игоря Александровича <граф Игорь Карузо, фото на стр.120>, которому написал немедленно по получении Вашего письма, т.е. 11 авг. Я приглашал его посетить нас, т. к. мы от Nõmme всего в 4 1/2 час. езды скорым поездом, просил, его сообщить точный день и час приезда, писал, что Вера Борис. и я встретим его у автобуса, причём она будет держать в руках складную удочку. Однако ответа я до сих пор от него не получил почему то, что меня просто смущает. М.б. он где-либо на курорте в Гапсале и Пернове? И, вообще, я ни одного письма от него не получил, хотя вы пишете, что он хотел мне ещё до моего письма написать. Жаль, что так всё вышло, а нам с Верой было бы так приятно и интересно его повидать. У нас и остановиться (ночевать) есть где и по рекам поплавали бы и о Вас подробнее бы поговорили. Во всяком случае,

поздравляем Вас от души с его бракосочетанием и желаем ему удачного союза. В наше время, конечно, это большая редкость. Фамилию Грауэн мне приходилось слышать: кажется, это инженер. Интересно знать: получил ли И.А. <Игорь Карузо>, вообще, моё письмо? Трудно допустить, чтобы он не ответил. Мы ежедневно ждём от него известий, полагая, что

он временно отсутствует. Сезон в Narva-Jõesuu уже закончен, хотя погода стоит ровная и очень хорошая. Дождей не было уже с месяц. Удивительно рано кончается здесь дачная жизнь: к 10-15 авг., т.е. в самое лучшее время. Дачников всего было в этом году около восьми тысяч, а теперь и двух не осталось. Жителей же коренных около 900. Но все-таки, я ещё жду одного гостя. Это Дмитрий Алексеевич Смирнов, живущий теперь в Печерах и иногда уезжающий в Италию, Францию и др. края. Он писал мне, что собирается нас навестить в конце августа. А 15-20 окт., если все будет спокойно, мы с Верой поедem в Берлин и дальше. От нас только что (16 авг.) уехала героиня моего романа «Падучая стремнина» (Вы читали его?) — Злата. Мы не виделись с нею с 1922 г., и в это лето она провела у нас около двух месяцев. Она уже 25 лет живет в Берлине. А знаком я с нею с 1905 г. Тогда ей было 19, мне 18. Сохранилась она до сих пор великолепно: на вид меньше сорока. Теперь у нее в Берлине модное ателье, сама она только «дирижирует» и получает за фасон баснословно. Она положительно задарила нас. Верочке, напр., привезла 3 платья, франц. духов, одеколонов*, мне фотограф<ический> аппарат* и проч. Время провели очень весело — бывали в курзале, в Нарве, катались в моей «Дрине» по Россони и Тихому озеру, делая до 20 кил. в день и устраивая шумные и многолюдные пикники на нескольких лодках. Она не только нас — некоторых знакомых барышень щедро одарила. Покупала здесь чуть не каждый день туфли и, поносив их несколько дней, дарила Верочке и её знакомым!.. Даже не верится в наше время, что могут ещё существовать такие сказочно-добрые бессеребренницы!

У неё две дочери* замужем за богатыми коммерсантами — одна в Германии, другая — в, Португалии. Но от них она ничего никогда не берет, хотя дочери её прямо обожают, а она — их. Со вторым мужем (немцем) разошлась в 1922 г., прожив 12 лет. «Захотелось быть одинокой.. » Теперь она зовёт нас в Берлин к себе, конечно, на все готовое*. Даже билеты хочет выслать. Только при таком условии и возможно поехать. Инициатива и нажим её, не наши. В Берл. 22 г. русских, и она уверена, что там можно дать несколько закрытых и открытых вечеров. «Надо о себе напоминать», — её девиз: «иначе тебя забудут совсем»... А стихов, София Ивановна, я не пишу уже года три: не для кого. Возникают? Да. Но я давлю их в себе. Люди не ценят стихов — не стоит баловать людей!.. Живём мы чудом: ни Вера, ни я ничего не получаем ниоткуда. Верочка

Дочери Златы. Слева Тамара дочь Игоря-Северянина.

потеряла место учительницы прошлой весной. Но об этом в следующем письме. Целую Ваши ручки, искр, привет от нас А Г.

Ваш Игорь. —

* Она положительно задала нас — см. в воспоминаниях В.Коренди: «Наконец, она <Злата> уехала. Я вернула ей подарки: купить меня было невозможно!»

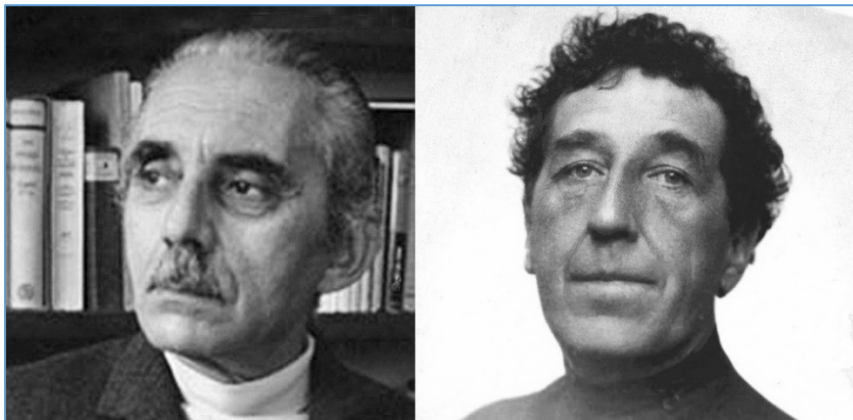
* ...мне фотограф. аппарат — фотокамеру поэт передал уездному врачу Алексею Ивановичу Круглову.

* У нее две дочери — старшая из дочерей Златы Тамара от Игоря-Северянина, о чём поэт умолчал. Обе дочери похожи на мать.

*... зовёт нас в Берлин к себе, конечно, на все готовое — см. в воспоминаниях В.Коренди:

«Она <Злата> ещё несколько раз предлагала ему уехать с ней в Берлин. Игорь возмущённо отвечал: «Только с Верушкой и ребёнком».

* * *

Обращает на себя внимание внешнее сходство поэта и графа Игоря Карузо. На фото, пригодном для сравнения, граф лет на десять старше поэта, и все же сходство очевидно: овал лица, высокий лоб и линия роста волос, надбровные дуги, разрез глаз, крупный нос с лёгкой горбинкой и узким основанием, высокая верхняя губа, характерная носогубная складка, размер ротовой щели и прямая линия губ, овал подбородка, характерное крупное строение ушных раковин и даже их лёгкая оттопыренность. Все свидетельствует в пользу родства. Не потому ли поэт проявил удивительную настойчивость в поисках обстоятельств для личного знакомства с молодым графом? Или были другие, более веские причины?

Софии Карузо посвящено стихотворение «Лилия в море», полное таинственных намёков:

Она заходила антрактами — красивая, стройная, бледная,
С глазами, почти перелитыми всей синью своею в мои,
Надменная, гордая, юная и все-таки бедная-бедная
В ей чуждом моём окружении стояла, мечту затаив.

Хотя титулована громкая её мировая фамилия,
Хотя ее мужа сокровища диковинней всяких чудес,
Была эта тихая женщина — как грустная белая лилия,
Попавшая в море, — рождённая, казалось бы, грезить в пруде...

И были в том вычурном городе мои выступленья увенчаны
С тюльпанами и гиацинтами бесчисленным строем корзин,
К которым конверты приколоты с короной тоскующей женщины,
Мечтавшей скрестить наши разные, опасные наши стези...

Но как-то все не было времени с ней дружески поразговаривать:
Иными глазами захваченный, свиданья я с ней не искал,
Хотя и не мог не почувствовать её пепелившего зарева,
Не зная, что она — переполненный и жаждущий жажды бокал...

И раз, только раз, в упоении приёма толпы триумфального,
Спускаясь со сцены по лесенке, ведущей железным винтом,
Я с нею столкнулся, прижавшейся к стене, и не вынес печального
Молящего взора — дотронулся до губ ещё тёплым стихом...

Тойла, 1930 год.

София Ивановна Ставрокова, в замужестве Карузо родилась в Ялте – отсюда этот образ *лилии в море*. Юность прошла в Харькове, где первый раз поэт выступал 7 марта 1913 года. Софии в этот день неполных 20 лет. По всей вероятности, она уже выпускница Харьковского института благородных девиц и недавно замужем за графом Карузо.

«*Она заходила антрактами*» — это уже о четырёх выступлениях в Харькове в феврале-марте 1915 года. Конверты с графским гербом — свидетельство замужества, которым она, похоже, тяготилась изначально. Отсюда мечты *скрестить с поэтом разные и опасные стези*. Что касается поцелуя, то, скорее всего, он имел место 2 марта 1915 года в Харькове на третьем поззвечере в зале Общественной библиотеки в то время, когда поэт был сильно увлечён *другими глазами* — глазами исполнительницы городского романа Марии Васильевны Волнянской (Домбровской).

Увлечение Волнянской не отменяет внешнего сходства двух Игорей. Но вот незадача: Игорь Карузо родился 27 января 1914 года, следовательно, событие зачатия приходится на май, в крайнем случае на самые первые числа июня 1913 года. Май этого года поэт проводит далеко от Харькова на мызе Пустомержа в Веймарне, что под Ямбургом с другой женщиной.

История крайне запутанная, тем более, что в конце 1930 года предстояла поездка в Югославию, а затем в Париж, где встреча с графиней Карузо была неизбежна. Наученный горьким опытом знакомства Фелиссы с Анной Николаевной Воробьёвой — *Королевой и Северянской* — на гастролях в Гельсингфорсе, поэт воздержался от подробностей, хотя о последствиях мог ничего и не знать. «*Лилия в море*» – это одновременно и реверанс в адрес Карузо, и страховка от возможного скандала с женой.

После встречи в Париже отношения продолжились в переписке, но большинство писем поэта, увы, не опубликованы. Возможно, часть из них попала в руки о.Сергия (Положенского) и от него в Швецию к сыну поэта Вакху, а после его смерти попросту зависла у внуков. А вот письма графини, скорее всего, сгорели в Усть-Нарве в июле 1941 года. Следует заметить, что

письма поэта к Софии Карузо отличаются от прочих информативностью и высокой степенью доверия (откровенности). В письме поэта к Софии Карузо от 12 июня 1931 года находим любопытное для нас замечание:

«Вы пишете, Игорь не любит модных танцев. Они и мне совсем не нравятся, тем более, что в последнее время это стало каким-то психозом и очень отвлекает людей от искусства, а я, как представитель его, не могу, конечно, этому радоваться».

«Классические розы» ещё не вышли из печати, а Игорь Карузо уже знаком со стихотворением «Фокстротт» и разделяет убеждения поэта!

Король Фокстротт пришел на землю править,
Король Фокстротт!
И я — поэт — его обязан славить,
Скривив свой рот...

А если я фокстроттных не уважу
Всех потрохов,
Он повелит рассыпаться тиражу
Моих стихов...

В письме от 17 сентября 1931 года поэт предлагает молодому графу провести лето 1932 года в Тойла:

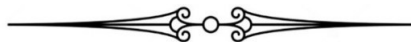
«Мы с женою хотели бы, чтобы Игорь приехал на будущее лето к нам. Нам хотелось бы лично с ним познакомиться, посмотреть его, познать. Этот приезд не был бы ни в каком отношении лишним, ненужным».

После Парижа у поэта пробудился живой интерес к сыну графини Игорю, хотя личная встреча в тот раз и не состоялась. Единственная — *познавательная* — встреча двух Игорей состоится в Таллинне зимой 1940 года (см. письмо поэта к Софии Карузо от 27 марта 1940 года). Если тайна их сходства когда-нибудь раскроется, донжуанский список поэта пополнится.

24.08.1939 г. <к Евгении Меннеке>*

Просьба вернуть сборник с нотами на стихи поэта, увезённый Златой в Берлин для издания.

* Сообщено Н.Г.Аршас. Письмо хранится в Швеции у внуков поэта.

1940. ПИСЬМА

Narva-Jõesuu. 24 го марта 1940 г. <к С.Капузо>

Дорогая София Ивановна,
поздравляем Вас и Александра Григорьевича с Праздниками Св. Пасхи, посылаем пожелания самые наилучшие.

Я уже давно хотел писать Вам. Но Вы знаете — я никому, вообще, не пишу последние годы. Только очень деловое: связанное с добыванием океанских грошей. Но Вам писать давно было бы нужно, т.к. как-то зимою, будучи в городе, познакомился, наконец, с Вашими. Игорь; конечно же, сын своей матери: многое в нем целиком от Вас; Он производит впечатление скромного, воздержанного, живого, ласкового юноши. Вынужденное пребывание здесь его, видимо, смущает. Рад, что обзавёлся работой. Скучает по родителям явно. Все члены семьи были любезны, и я у них даже обедать остался: мне так хотелось подольше повидать Игоря и ознакомиться с ним, красивым и затаённо (сквозь искристую юную; весёлость) печальным. Я надеюсь, что летом он приедет к нам погостить, если к тому времени не сможет уехать в Брюссель. М. б., Вы приедете к лету?

Таллин 14-го марта чувствовал меня. Инициатива исходила от эстов. Русским пришлось присоединиться... Было много публики, кое-что отчислилось и мне. Конечно, по обыкновению, очень немного: расходы чрезвычайные. Все исполнители участвовали *gratis*. Преимущественно — эсты. Президент, мин. нар. просв. и внутр. дел прислали подарки, и это были самые крупные суммы. И это нас поддержало.

Зима была суровейшая: до 40 град<усов>! А на юге Эстии и до 50-ти. Но квартира у нас идеально-тёплая. Мне удавалось даже в жгучие морозы держать 12-14. Обыкновенно же у нас 16-18. Мы любим тепло, дров не экономим.

В феврале у сестры В.Б., Валерии, скончался внезапно муж — лейтенант флота, интернированного в Бизерте. Он был родным братом отца В.Б. Молодой человек: не было 45-ти. Вдова недавно провела у нас неделю: перемена обстановки. Умер он при нас ночью: мы останавливались в Таллинне у них. Впечатление ужасающее...

А Злата уехала в Берлин 16 авг. Пишет редко и невразумительно. Опять разболелась кишечником: 12 лет назад у не` вырезали $\frac{1}{4}$ желудка. С тех пор пожизненная диета. Этим летом поправилась у нас на дивной пище, а теперь опять плохо. Она увезла с собою тетрадь со всеми

моими нотами (на мои слова), думая вернуть в октябре, когда мы должны были ехать к ней. И теперь я в отчаянии: как получить их? По почте нельзя. А там решительно все переплетено, и купить нельзя. К юбилею «Victoria Regia» уже четвёртый раз на музыку положили, иначе ничего бы не было. Написал Прохоров в Таллинне. А Вёдро «Поэзу об Эстонии». (Из «Менестреля»). Кстати: нет ли в Брюсселе «Менестреля», «Миррэлии», «Соловья» и «Громок<ипящего> кубка» в магазинах или у букинистов? Ф.М. все книги мои конфисковала, и вот уже пятый год я всё собираю снова. А этих книг нигде не могу достать. Если бы Вы, дорогая София Ивановна, их нашли, я был бы Вам чрезвычайно признателен, а стоимость отдал бы Игорю. Верочка и я шлем Вам и А.Г. искренние наши приветы. Целую Ваши ручки. Пишите, не обижайтесь: помню Вас постоянно, и этим уже почти прав.

Ваш Игорь.—

Вёдро Адольф Йоханнес — эстонский и советский композитор и музыкальный педагог и критик.

2. IX. 1940 г. <к Георгию Шенгели>

Дорогой мне Георгий Аркадьевич!

Ваше письмо, сердечное и дружеское, меня искренне обрадовало: спасибо Вам за него. Оба экземпляра я получил. Сообщаю Вам свой адрес с 1 апр. 1939 г. Из Toila уехал 7. III. 1935 г.

И я очень рад, что мы с Вами теперь граждане одной страны. Я знал давно, что так будет, я верил в это твёрдо. И я рад, что произошло это при моей жизни: я мог и не дожидаться: ранней весной я перенёс воспаление левого лёгкого в трудной форме. И до сих пор я не совсем здоров: постоянные хрипы в груди, ослабленная сердечная деятельность, усталость после небольшой работы. Капиталистический строй чуть совсем не убил во мне поэта: последние годы я почти ничего не создал, ибо стихов никто не читал. На поэтов здесь (и вообще в Европе) смотрели как на шутов и бездельников, обрекая их на унижения и голод. Давным-давно нужно было вернуться домой, тем более что я никогда врагом народа не был, да и не мог быть, так как я сам бедный поэт, пролетарий, и в моих стихах Вы найдёте много строк протеста, возмущения и ненависти к законам и обычаям старой и выжившей из ума Европы.

Я не ответил Вам сразу оттого, что ездил в Таллин по делам, побывал в полпредстве, и там справился о возможности поездки в Москву, дабы там получить живую работу и повидать Вас и некоторых других своих друзей. Этот вопрос, однако, пока остаётся открытым, но мне обещали вскоре меня известить.

Простите, что задержал ответ, — причину я объяснил. Вы же ответьте, по возможности, сразу.

Примите наши приветы вам обоим.

Крепко жму Вашу руку. Всегда помню и люблю.

Игорь-Северянин.

Очень рад буду иметь Ваши новые книги.

От составителя. Последнее письмо Игоря-Северянина к Шенгели до этого датировано 10 марта 1928 года, после чего переписка прервалась. Письма к Г.Шенгели были опубликованы Юрием Шумаковым, которому я помогал с комментариями (которые издательство сократило до позорного минимума), что, впрочем, избавляет меня от сплошного цитирования, сосредоточившись далее исключительно на сведениях о здоровье поэта и Веры Борисовны. Письма поэта стали оптимистичнее, но жалобы на здоровье сохраняются, хотя и в меньшем количестве, исключая паническое письмо Веры Борисовны от 1 марта 1941 года. Все письма написаны с соблюдением правил новой орфографии.

09.10.40 г. [к Г.Шенгели]

Igor Severjanin

Pikk, 25

Paide. (Эстонская ССР)

Дорогой мне Георгий Аркадьевич!

27 сент. переехали до весны в Пайде (б. Вейсенштейн): Верочка получила в здешней школе место преподавателя русского языка. Она окончила университет в Дерпте, ее специальность — русский и французский. Городок расположен в центре страны. Климат сырой: вокруг болота. Для здоровья моего (да и ее тоже) это, конечно, губительно. Но что делать! Отсюда до Усть-Нарвы более 200 кил., от Таллина около 100. Мне и Вере было так больно покинуть наш милый уголок в прелестной местности у моря и двух рек... К счастью, мы оставили квартирку за собою и, когда Вы через два месяца приедете к нам, я сначала приму Вас у себя в Усть-Нарве, а потом уже мы поедем сюда к Верочке.

Ваше письмо я получил только сегодня, а книгу ещё 2 окт<ября>. Я так и думал, что Вы одновременно написали мне, и поэтому медлил с ответом на книгу. А книга на меня произвела большое и из ряда

вон выходящее впечатление: я два часа просидел в туманный день у распахнутой форточки и... не заметил, пока не стал сильно кашлять! Книга глубокая, интересная предельно лёгкая. Вы — чудесный мастер и проникновенный большой поэт. Поэт вдохновенный, умный, блистательный. Я горжусь Вами. Верочка очарована «Барханами»!* В особенности меня пленили отрывки из «Пиротехника» (все!), а некоторые строфы гениальны...<...>

В скором времени я напишу Сталину, ибо знаю, что он воистину гениальный человек. И пошлю ему некоторые новые стихи. Что же касается credo моего, посылаю Вам стихи, написанные ещё в октябре 1939 г. Из них Вы узнаете мои мысли и думы. <...> Я почти три года ничего не писал вовсе, и только это лето, когда бойцы и краснофлотцы освободили нас от реакционных мертвецов, оказалось для меня плодотворным, и я написал целый ряд стихов, ожив и воспрянув духом.

Вера Борисовна и я шлём наши самые сердечные приветы Нине (отчество?..) и Вам. Мы благодарим Вас помним и любим.

Я жду от Вас, Георгий Аркадьевич, скорого ответа на это письмо.

А к Новому году и Вас самого.

Ваш Игорь. —

Paide. 9. X. 1940

P. S. Пожалуйста, не осудите меня за плохие, водянистые чернила: в этом «городе» трудно что-либо достать. Поэтому и рукописи получились не в моем стиле. <...>

И. С.

* Верочка очарована «Барханами» — Г.Шенгели. Раковина: Стихи. Камена. 1918:

Барханы

Безводные золотистые пересыпчатые барханы
Стремятся в полусожжённую неизведанную страну,
Где правят в уединении златолицы богдыханы,
Вдыхая тяжёлодымную златоопийную волну.
Где в набережных фарфоровых императорские каналы
Поблёскивают, переплёскивают коричневой чешуёй,
Где в белых обсерваториях и библиотеках опахалы
Над рукописями ветхими, точно ветер береговой.
Но медленные и смутные не колышутся караваны,
В томительную полуденную не продвинуться глубину.

Лишь яркие золотистые пересыпчатые барханы
Стремятся в полусожжённую неизведанную страну.
1916.

* «Пиротехник» — поэма 1931-1933 годов из XXII глав в сборнике: Г.Шенгели. Планёр: Стихи. М. ГИХЛ, 1935.

5 декабря 1940 г. <к Г.Шенгели>

Почтовая карточка

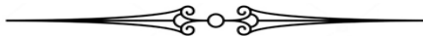
Дорогой Георгий Аркадьевич, как Ваше здоровье и отчего Вы давно ничего о себе не пишете? Я послал Вам 10 окт. заказное большое письмо и вложил в него 4 новых стих<творения>, а 12-го переслал зак<азной> банд<еролью> книгу переводов с эстонского, как Вы просили. Около 20 окт. я серьёзно заболел: сердечная ангина. Это — следствие весеннего воспаления легких, т.к. температура более месяца была тогда 38–39. Болезнь, чрезвычайно мучительная, продержала меня около месяца в постели. Перемежающиеся боли в левой руке и колики в области сердца, «шумная» одышка, мгновенная утомляемость, невозможность сгибаться. Теперь несколько лучше, но все же глухие боли в сердце. Собственно, я не лечусь, только капли принимаю: здесь нет ни подход<ящих> врачей, ни средств на них. Все это очень скучно и отражается на психике, не давая работать. Стремлюсь всей душой быть полезным родине, и меня все это тяготит. Хотелось бы повидаться с Вами. Дайте отклик. Привет жене и Вам от Веры Борис.

Ваш Иг.

Saatja: *J. Severjanin*

Address: ЭССР, *Paide, Pikk, 25*

Отвечайте на мой адрес (после 20-го буду дома): ЭССР, Narva-Jõesuu, Vabaduse, 3.

1941. ПИСЬМА

Paide, 17.I.41 г. <к Г.Шенгели>

Дорогой Георгий Аркадьевич, сегодня получил Ваше письмо, а третьего дня мы вернулись сюда из дома. Жизнь наша грустна и тягостна, дорогой друг, ибо мы должны жить в жутких условиях общежития, в комнате ледяной и сырой, оторванные от условий, в которых я мог дышать, творить и мыслить. Климат Paide ужасен: всегда сырость болотная, удушающая и давящая. Даже при 20 гр морозов ясно ощущается сырость! Ни одного знакомого человека, ни театра, ни радио, ни книг, ни доктора, которому можно довериться. У В. Б.> слабые лёгкие, она вообще хрупче хрупкого, вся из Матэрлинка, а я еще года нет как перенёс воспал<ение> левого лёгкого, а с октября приобрёл болезнь сердца. Можете себе представить, как «хорошо» мы себя чувствуем. Школа совершенно убивает моего друга: 4–5 уроков ежедневно, да Работа дома, да тетради, да подготовка, да постоянные заседания, так что она в тень на моих глазах (а это очень ведь тяжело!) превратилась. И я ничем-ничем могу ей помочь, ибо с июля заработал всего, дико вы. молвить, 12 р. 50 к.!.. Минутами я чувствую, что не вынесу безработицы, что никогда не оправлюсь в этом климате, в этой комнате, вообще — в этих условиях. Душа тянется к живому труду, дающему право на культурный отдых. Последние силы иссыкают в неопределённости, в сознании своей ненужности. А я мог бы, мне кажется, ещё быть во многом полезен своей обновлённой родине! И нельзя жить без музыки, без стихов, без общения с тонкими и проникновенными людьми. А здесь-пустыня, непосильный труд подруги и наше общее угасание. Изо дня в день. Простите за этот вопль, за эти страшные строки: я давно хотел сказать (хоть сказать!) Вам это. Моя нечеловеческая бодрость, выдержка и жизнерадостность всегдашняя порою (и часто-часто) мне стали изменять, Я жду труда, дающего свои деньги, и отдыха заслуженного, а не бессмысленного.

Любящий Вас Игорь. —

P. S. Несколько слов по поводу стихов, переданных Вами в редакцию «30 дней». Я был бы крайне заинтересован в их помещении, и в оплате, т.к., прямо скажу, весьма тяжело не иметь своего заработка. Вообще, отдавайте стихи куда только возможным найдёте. В.Б. напрягает последние силы, но большая часть её жалования уходит на уплату давнишних долгов. Ещё раз скажу: если бы я поскорее мог получить постоянную работу! Болезнь моя более чем серьёзна, но я часто стараюсь её убавить, чтобы не разорять друга на лекарства, доктор же у меня в Усть-Нарве давнишний приятель и денег за совет не берет. Но здесь, в Пайде, я к врачам не обращаюсь. Безработица — одна из главных причин моих сердечных припадков.

Paide, 22 янв. 1941 г. <к Г.Шенгели>

Дорогой мой Георгий Аркадьевич, в добавлении к своему письму от 17 янв. я хочу в кратких словах описать Вам Усть-Нарову и ее окрестности, чтобы Вы с исчерпывающей ясностью представили себе наше душевное состояние и поняли, как нам безумно тяжело было лишиться моря, рек, озера, дивного воздуха и уюта сухой и солнечной квартирки. Усть-Нарова — маленький изящный городок, расположена при впадении широкой и многоводной Наровы в Финский залив. Напротив наших окон впадает в неё Россонь, река тоже достаточно большая, извилистая, с живописными берегами. Вытекает она из реки Луги (редкий случай, не правда ли?). В 2 1/2 кил. от городка на правом берегу Россони, в лесах хвойных, находится деревушка Саркуль, где в маленькой избушке (кухня и комнатка) мы прожили со 2 апр. 1938 г. по 1 апр. 1939 г. — ровно год. Это было чудесно, и жаль, что из-за лавок и почты пришлось всё же переехать оттуда, но опыт показал, что в бурю, метель или осенние дожди мы буквально были отрезаны от хлеба, пирос и прочего. Купить же или занять в деревне было немислимо. В хорошую погоду мы ездили в лавки на лодке, и это было большим удовольствием. Если бы мы, конечно, были богаче, мы могли бы запастись тогда и табаком, и мукой, но в том-то и беда, что при капиталистическом строе мы всегда очень нуждались и доставали деньги по мелочам. Да и В.Б. 2 1/3 года была лишена службы (из-за плохого здоровья). И вот 1. IV. 1939 г. нам пришлось переехать в городок, где удалось подыскать на берегу Наровы прелестную, крохотную, очень тёплую и сухую квартирку, похожую на каюту, по очень дешёвой цене (8 р. 75 к. в месяц). Мы, люди бедные, её любовно и по нашим грошовым получкам тогдашним её омеблировали, причём большинство вещей было сделано по моим рисункам каракульским столяром-любителем, крестьянином Петром Ивановичем. Все это обошлось крайне недорого, но выполнено было изящно и чисто. Красил вещи я сам. Когда наконец был создан элементарный уют, я целиком мог отдаться творчеству. Все эти годы мы мечтали обзавестись радио, но, увы, достичь этого не смогли из-за неимения средств, и это тем печальнее, что мы обожаем серьёзную музыку В.Б. — человек музыкальный и прелестно играет на пианино, которого, кстати сказать у нас тоже нет... Итак, откинув музыку, перечислю достоинства Усть-Наровы:

1. Прекрасный морской, бодрящий климат.
2. Очаровательные реки, тихое озеро, леса, поля, луга, море.
3. Лавка, почта, аптека, доктор.
4. Уют и тепло помещения.

Всего этого мы абсолютно лишены в нашем болоте (во всех смыслах!) — в Пайде. Как же нам не печалиться, что не удалось Вере Бор. получить место учительницы в Усть-Нарве или хотя бы в красивой Нарве, куда могла бы ездить ежедневно на службу? Езды ведь всего 25 минут.

Я хотел бы следующего: 5–6 месяцев в году жить у себя на Устьи, заготавливая стихи и статьи для советской прессы, дыша дивным воздухом и в свободное от работы время пользуясь лодкой, без которой чувствую себя как рыба без воды, а остальные полгода жить в Москве, общаться с передовыми людьми, выступать с чтением своих произведений и совершать, если надо, поездки по Союзу.

Вот чего я страстно хотел бы, Георгий Аркадьевич! Т.е. быть полезным гражданином своей обновлённой, социал<истической> родины, а не прозябать в Пайде.

Мы с Верочкой очень просим Нину Леонт<евну> и Вас все же, в конце концов, собраться к нам, в УстьНарву, предварительно нас за недельку известив. Тогда я один (Вера из-за службы сможет приехать на один-два дня только, к сожал<ению>) выеду домой и приму вас обоих, как родных. Заранее извините за скромность приёма, но зато он будет сердечным. С голода вас не уморю, ибо готовить необходимое умею в совершенстве сам. Моя рабочая комната с двумя диванами, простыми, но чистыми и удобными, в нашем распоряжении.

Мне просто необходимо повидаться с Вами и обо всем переговорить. Я жажду живой и продуктивной работы. Единственное, что меня удручает — моё здоровье.

Но не будем об этом говорить, сами все увидите. М.б., получив работу, я оживу ещё раз.

По моим шестилетним наблюдениям, глубоким и продуманным, состояние здоровья Верочки таково, что ей служить не следовало бы ни в каком случае; с неё совершенно достаточно и забот по хозяйству. Из этого вывод: я должен встать на ноги и продолжать, как и раньше, содержать и себя, и её. Невыносимо видеть, как любимый человек, порядочный и бескорыстный, прямо убивает себя непосильной работой. Так что и служба в Нарве даже, в итоге, конечно принесла бы ей вред.

Мучает Веру и то, что её ребёнок, девочка девяти лет от первого мужа, разлучена обстоятельствами с нею: в Пайде русских школ нет, а дочь учится в русской школе в Таллине и живёт у бабушки вот уже вторую зиму. (До осени 1939 г. ребёнок был при нас.) На новогодние каникулы девочку

В.Б., конечно, брала в Усть-Нарву. Что касается Нины Леонтьевны и Вашего приезда, я полагал бы так: приезжайте сначала на недельку теперь же (в феврале), а потом на более продолжительный срок летом, когда можно будет пользоваться лодкой, когда откроется морское купание и проч.

Посылаю Вам стих., написанное Вашей ритмикой («Барханы»*), и ещё два, что составит весь цикл пьес, созданных от июля до окт. включительно (т.е. 11), а также три строфы из «Рояля Леандра». Верочка и я Нине Л<еонтьевне> и Вам шлем самые дружеские приветы и ждём с гром<адным> удов<ольствием> к себе.

Всегда Ваш Игорь. —

* ... написанное Вашей ритмикой («Барханы»*) — среди автографов поэта, переданных вдовой Шегели Ниной Леонтьевной Юрию Шумакову, указанного стихотворения нет.

31 января 1941 г. <к Г.Шенгели>

Дорогой мой Георгий Аркадьевич!

Вчера в 9.15 у. получил Ваше письмо и материалы. Сегодня к 10 ч. у. работа была выполнена. Я потратил на неё сутки, — лучше я выполнить при всём старании не смог бы. Я благодарю Вас так, как только способен художник благодарить художника: вдохновенно! От этого «экзамена» зависит слишком многое, поэтому будьте в оконч<ательном> редактировании беспощадно строги: исправляйте все что найдёте нужным. Я после болезни слишком сдал: рассеянность, м.б., недомыслие, мгновенная усталь. Не судите калеку очень, поймите. «Моё о Маяковском» (запоздалые записи) я систематизирую и Вам недели через две вышлю, сделав копию, а Вам предоставлю опять-таки перечёркивать лишнее: Вам виднее. И фамилии заменять инициалами, если надо <...> Письмо И.В.С. <Сталину> у меня уже написано давно, но я все его исправляю и дополняю существенным. Хочется, чтобы оно было очень хорошим. <...> Мы переехали на днях напротив, наняв на чердаке кухню с отд<ельной> винтовой лестн<ицей> со двора. До потолка от моего темени ровно два вершка... Возможно, здесь теплее и суше, но печка держит тепло только... 1 1/2 часа! Да...

Всегда Ваш Игорь. —

Нужно ли высылать Вам переводы в прозе?

Paide, 6. II. 1941 г. <к Г.Шенгели>

Дорогой Георгий Аркадьевич!

Я решил принальечь на работу и выслать Вам «Моё о Маяковском» поскорее, ибо обстоятельства не терпят... Сделайте из материала, что найдёте возможным. Роман вышло из Усть-Нарвы, а пока высылаю другие книги. Мицкевича послал 31 янв. и трепещу за участь переводов: слишком много с этим связано В.Б. и я совсем расхворались в своём чердаке: у неё бронхит, у меня кашель, насморк, бессонница, и сердце таково, что ведра поднять не могу: задыхаюсь буквально. Спешу послать.

Обнимаю Вас крепко. Наши вам обоим приветы Сердечные. Все-
гда

Ваш Игорь. —

P. S. Жду обещанной весточки.

Усть-Нарва, 24 февраля 1941 г. <к Г.Шенгели>

Дорогой и милый Георгий Аркадьевич, не получая от Вас ответа на три заказных письма из Paide, крайне обеспокоен Вашим молчанием и решаюсь ещё раз написать Вам, чтобы выяснить некоторые непонятности.
<...>

Как я и предполагал, Верочка жестоко заболела: ровно 14 дней проболела в Paide, а потом врач, видя, что в болоте ей не поправиться, настоял на перемене воздуха и направил её к морю ещё на 10 дней. Завтра истекает срок, и мы обязаны вернуться. Думаю, об этом с отчаяньем, т.к. боюсь, что болото сразу же ухудшит её бронхит. А тут, уже на четвёртый день, она почувствовала себя было совсем хорошо. Жалованья она, увы, не получает, а лишь 50 проц<ентов> на болезнь, да и то только тогда, когда совсем поправится, пока же мы задолжали кому только могли, и выпутаться будет крайне трудно. О своём здоровье утешительного ничего сообщить не сумею: колики в сердце, одышка, ночные ежедневные поты, отчаянье от безработицы и невыясненности положения и от ужаса перед необходимостью сидеть в пайдеском болоте. О, если бы я мог, пока жив, получить наконец более-менее постоянную переводную работу из Москвы! Кстати: что можете Вы сообщить по поводу сданной мною работы?<...>

Получили ли Вы письмо со стих<ами> Верочки? Мне так стыдно отнимать у Вас деловое время вечными своими просьбами и вопросами, но, уверяю Вас, общее моё состояние (и моральное, и матер<иальное>) да послужит мне прощением. Я серьёзно болен, Георгий Аркадьевич, и ежеминутно болею думаю за свою подругу. Простите, не осудите, напишите. Наши самые искр<енние> приветы Нине Леонтьевне и Вам. Мы уже устали звать Вас обоих к себе.

Обнимаю Вас крепко.
Ваш всегда и всегда с Вами
Игорь. —

Усть-Нарва, I-III-41 <Вера Борисовна — Георгию Шенгели>

Светлый

Георгий Аркадьевич!

Из-за осложнившейся болезни Игоря Васильевича мы застряли на Устье. Только завтра, 2.III — выезжаем в Пайде. Положение наше трагично и ужасно: я проболела четыре недели... Жалованье не получила. 50% докторских получу не так скоро. Денег хватает только на дорогу. Чем жить в Пайде, как работать, не имея гроша — не знаю. Игорь Васильевич — убит Вашим молчанием, неизвестностью о судьбе его работы, сделанной с такой громадной любовью и светлой радостью. Я ежедневно трясусь за его рассудок... Состояние его психики кошмарно. Нужда наша за время соей болезни дошла до того, что пришлось продать макинтош, чтобы смочь существовать. Георгий Аркадьевич! Вы же поэт, вы друг Игоря Васильевича! Спасите его! Откликнитесь, дайте возможность жить и работать. Мы же гибнем. Служба в болотистой местности, увы, ненадолго спасёт поэта, — потому что я чувствую, как гаснут мои силы и как невозможно дышать туманами и ядовитой сыростью, как губительна жизнь на убогом чердаке без человеческих условий, в сырости и полуголоде.

Вы один можете помочь нам! Дайте И.В. определённую постоянную работу, о которой он мечтает! Дайте возможность существовать, отогрейте замёрзшую душу бедного погибающего поэта, дайте вздохнуть свободно, не чуя над собой ледящего дыхания самой острой нужды, а главное возможность жить в своём, пусть скромном уголке, но у себя, среди тишины и природы. И какие песни будут вам благодарностью за вашу отзывчивость!

Ответьте немедленно, светлый и истинный друг! Торопитесь, пока не поздно. Двенадцатый час наступил!

Сердечный привет Нине Леонтьевне.

С искренним приветом Вера Борисовна.

P.S. Пишу это письмо без ведома И.В. Умоляю, немедленно и помогите скорее!!! Спасите Его! Ответьте на Паиде

К письму приложены стихотворения В.Коренди «Моей дочери», «Сон», «Стране родной». Копия в архиве автора.

Paide, 7. III. 41 г. <к Г.Шенгели>

Дорогой и милый Георгий Аркадьевич, с большим трудом (в разл. отнош.>) «доставились» мы сюда 2 марта к вечеру. Дорога невообразима: три пересадки, сквозняки, переп<олненные> вагоны, стояние на холодн. площадках. Всего на дорогу уходит более восьми часов! А расстояние пустыковое. 4 дня после этого лежал пластом, ночью приходилось менять по 3–4 рубашки: хоть выжми. Сердце — сплошная рана. Кашель, вызывающий рвоту. Куда я годен? На слом!.. Первое, что здесь выяснилось: на весенние каникулы отпустят лишь 20–22. III. Следов., до 20-го пишите сюда. Вы напрасно, дорогой, пишете в двух экз.: письма ведь немедленно пересылаются на другой же день — из Paide в Усть-Нарву и наоборот. Мы всегда подаём письм<енное> заявление. Спасибо сердечное за письмо: Вы столько хлопочете, столько участия в мне принимаете. Не всякий родной так поступил бы. Вообще я недолюбиваю «родных»: самые чуждые, самые чужие. Убеждался неоднократно. К счастью, давно избавлен от этого элемента. Но вот Верочка... Кстати: она, бедненькая, призналась мне, что в полном отчаянии, под минутой написала Вам о наших горестях. Сначала я пожурил её, а потом понял и оправдал. И Вы оправдайте её срыв, дорогой друг мой: воистину тяжело ей приходится, — больные невыносимы иногда... Ничего-то скрыть от меня не может: чистая и честная. Ходит опять безропотно в школу, вдыхая болотные испарения. Директор советует сделать последний опыт: до 20. III походить, а если хуже станет, подать в отставку: её жалеет, да и больные педагоги только помеха. Посмотрим. Обидно, конечно, перед летом, но ни у кого из нас нет уверенности, что В.Б. в состоянии вынести Paide до 20 мая. Предвешние же месяцы здесь опасны для лёгочных, — это и сам директор говорит, да и врач обмол

вился. У меня же ещё появилась невралгия левой щеки, так что две ночи и спать не мог. Да и мигрени часты и жестоки. Как видите, все прелести. Хочу все же, чтобы Ваши две работы увенчались успехом, и чтобы Вы с Н<иной> Л<еонтьевной> к нам приехали: сколько вопросов, сколько рассказов! Думаю, все болезни сразу от меня отскочат, лишь Вас, дорогого своего, увижу. Ведь в Вас кусочек моей юности, когда я был в периоде завоевателя, когда я весел был, был здоров и когда мне все удавалось. С нежностью вспоминаю иногда Гатчину, когда Вы сидели в моем вишнёвом кабинетике, пуская голубые кольца, такой внешне спокойный, уравновешенный, мудрый, кипящий внутренне. Я тогда уже знал, что Вам большой и прямой путь предначинан. А помните зайца моего? А лилию в красной узкой вазе? Стоп. Довольно. Не надо больше. Безнаказанно молодость не вспоминают: колики в сердце, поток слез, рука тянется к папиросе. Удивляетесь: па-пи-ро-са? Конечно же, запрещено, но как я могу без табака и без «крепчайшего» (по А. Белому) чаю? Кстати: читали ли Вы его «Первое свидание»? Местами гениально. Вообще же терпеть его не могу. <...>

Материалы о Маяковском, понятно, вряд ли возможно напечатать из-за интимностей. Было бы чудесно продать в музей. Очень прошу. Жду с упоением франц<узских> поэтов. Но теперь буду работать чуть медленнее: прошлый раз повлияло на голову, а мне врачи запретили перегрузку еще в апреле прошлого года. Эст<онского> языка совсем не знаю. (Вообще на языки тупица!). От фольклора, к сожал., категорически уклоняюсь: не моя это сфера. От санатория (спасибо за Ваше доброе участие!) тоже уклоняюсь: лучшая для нас санатория — Усть-Нарва. Я привык жить совершенно самостоятельно, дорогой друг. Корку хлеба с солью и крепкий чай — да дома у себя. Характер у меня очень трудный и замысловатый. Постоянное общение с людьми меня сразило бы. Что касается остальн<ых> полит<ических> стихов, было бы хорошо разместить их по журналам. <...>

Писать же о болезни своей скучно, да и читателю безразлично. Мне очень хотелось бы после весен<них> каникул остаться уже в Усть-Нарове с Верушкой и ждать там вас обоих. Не знаю, удастся ли это. Поверьте, что поезда меня убивают, и эти постоянные метания из одного пункта в другой меня совсем затормошили. Шлём Нине Леонтьевне и Вам наши самые искренние приветы. Ждём к себе. Обнимаю Вас крепкой целую. Вы так и не ответили мне на просьбу прислать стихи Н<иной> Л<еонтьевны>, — разве у неё нет сборника? Или распродан?

Всегда Ваш
Игорь. —

Нарва-Иезу. 2 мая 1941 г. <к Г.Шенгели>

Дорогой и милый
Георгий Аркадьевич,

после Вашей телеграммы от 17 апреля (я благодарю искренне Вас за неё) все эти недели ждал от Вас обещанного письма, но, увы, оно так и не пришло, потому пишу Вам сам, крайне обеспокоенный Вашим молчанием. О болезни своей я писать не стану, т.к. повторяться скучно, а мне ещё и тяжело лишний раз говорить об этом. Достаточно сказать, что я вот уже вскоре месяц прикован к кровати, встаю только изредка на час-другой, после двух дня поднимается ежедневно температура (до 39,7), ночью (каждую ночь!) изнуряют поты, у меня найдено врачом расширение сердца (2 1/2 с.), пью йод, и ничего, в общем, не помогает!..

...Итак, 18 апр. мы переехали сюда. У Веры Борис., как показал рентген, лёгкие никуда не годятся, доктора прямо-таки погнали её, как и меня, прочь из болота, и вот мы очутились здесь. Большое и сердечное спасибо Вам за ускоренную пересылку зарплаты из «Красной Нови», также благодарю и за журнал, полученный 30 апр. <...> Вот я уже и устал, простите меня, придётся письмо закончить, а столько хотелось бы сказать! Но Вы, дорогой, меня отлично поймёте и не осудите. Пока, благодаря гонорару из «К<расной> Н<ови>», мы ещё живы, а что будет дальше — посмотрим. Одно только знаю: чрезвычайно Вам трудно наладить переводную для меня работу, и мне крайне больно (именно больно!), что Вы так хлопочете. Не стесняйтесь, прошу Вас написать обо всем откровенно: всякая правда легче недомолвок. Я ведь все смогу понять.

Крепко обнимаю Вас, крепко целую, шлём Нине Леонтьевне и Вам наши лучшие пожелания.

Надеюсь, теперь Вы сразу напишите, не станете терзать меня молчанием.

Всегда Ваш, всегда с Вами

Игорь. —

Narva-Jõesuu, Vabaduse, 3 ENSV

Нарва-Иезу, Вабадузе, 3, Эстонская ССР.

P. S. Не думаете ли Вы, что правильнее писать «Нарва-Иезу» вместо «Усть-Нарвы», которой теперь фактически не существует? «Ериван»... «Тбилисси»... «Таллин»... Кажется, я прав.

Без даты, не позднее 23.05.41 г. <к Г.Шенгели>

Дорогой Георгий Аркадьевич,
заставил себя сесть к столу и одним махом переписать десять стихотворений. Теперь у Вас, по крайней мере будет выбор: что можно, возьмите для печати, остальное оставьте себе на память. Мне очень ценно было бы иметь Ваше мнение о каждом в отдельности (о всех пятнадцати). По два — по три слова хотя бы. Надеюсь здоровье Ваше лучше, и Вы уже встали. Напишите, если уже все прошло. Из «Огонька» до сих пор нет.

Я никуда не выхожу: температура, начиная с 4–5 дня, 38–39. По утрам только и могу работать. А по ночам изнурительные поты. <...> Верочка и я, как и Вам, шлем приветы. Верочке очень понравились стихи Н<ины> Л<еонтьевны>, в особенности её любовь к детям.

Обнимаю Вас, целую,
Ваш Игорь. —

12 июня 1941 г. <к Всеволоду Рождественскому> <Рукой Веры Коренди.>

Уважаемый товарищ Рождественский!

Мне очень приятно было получить письмо от Вас, т. к. я Вас давно знаю и ценю многие Ваши стихи. К сожалению, они попадались мне в разрозненном виде, т. е. в журналах и антологиях. Если у Вас имеется какая-нибудь свободная книга, пришлите её, пожалуйста, мне, чем доставите большое удовольствие.

Что касается «Чайковского», Вам, конечно, виднее, т. к., откровенно говоря, я, живя в глуши в Эстонии, очень отстал за последние годы от Нового сияния.

Поправки, внесённые в «Красную страну»*, нахожу и для себя вполне приемлемыми и благодарю за бережное и чуткое отношение к русскому языку.

<Далее собственноручно.> Жму Вашу руку, сообщите Ваше отчество, пожалуйста. Благодарю за перевод денег. С искренним приветом
Игорь-Северянин

Усть-Нарова 12 июня 1941 г.

Рождественский Всеволод Александрович (1895—1977) — русский советский поэт.

* Красная страна. (Гос. ордена Трудового Красного Знамени Публичная Библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ОР и РК.)

Стройной стройкой строена
Красная страна,
Глубоко освоена
Разумом она.

Ясная, понятная,
Жаркая, как кровь,
Душам нашим внятная
Первая любовь.

Ты, непокоримая,
Крепкая, как сталь,
Родина любимая —
Глубь и ширь, и даль.

Радость наша вешняя,
Гордость наша ты,
Ты — земная, здешняя,
Проще простоты.

Мира гниль подлецкая
Вся тебе видна,
Честная советская
Умная страна.

Враг глухими тропами
Не пройдёт сюда.
Светит над Европою
Красная звезда.

И в пунцовых лучиках
Худшее сгниёт,
Остальное ж, лучшее,
К нам само придёт.

Над землёй возносится
Твой победный свет,
Ты ведь мироносица,
Лучше ж мира нет.

Стойким сердцем воина
Ты средь всех одна.
Стройной стройкой строена
Ты, моя страна!

Усть-Нарова. 15 июня 1941 г. <к Г.Шенгели>

Дорогой Георгий Аркадьевич,
ждал, ждал от Вас дополнит<ельного> письма, да так и не дождался! Или Вы очень снова заняты, или опять прихворнули. Лишь бы не второе, т<ак> к<ак> на опыте знаю, что это значит...

25 мая в 4 ч<аса> утра со мною произошёл сердечный припадок. Верочке пришлось вызвать врача — актёра Тригорина-Круглова*, заним<ающего> здесь место земского. Уже много лет. Кое-как, с грехом пополам, оживил меня... К счастью, дня через два приехал докт<ор> Ривес из Tartu (Юрьева), оконч<ивший> Базельск<ий> унив<ерситет>. Он взялся за меня энергично, прописав ряд заграничн<ых> дорогих лекарств: за одну неделю на 42 р<убля>. Велел лежать 12 дней, экономя движения. Мне

чутьочку лучше. Это все... Докт<ор> заходит по средам. Он назначен директ<ором> водолечебницы в Усть-Нарве. Человек соврем<енный>, молодой, ироник и весельчак. И все-таки Вера хочет позвать на днях европ<ейское> светило — проф<ессора> Пуссепы, приехавшего на свою дачу. Вещи, правда, продаём полным ходом, но хватит ли их на светил — не знаю... Кстати, «Огонёк» давно уже перевёл 200 р<ублей>. Зарплата знатная: по червонцу строка! Жаль, что редко. Переводы с туркм<енского> мне запрещены, как и вообще чтение и письмо. Но я не слушаюсь, иначе с голода помрём: продавать вскоре нечего будет. Работа, конечно, очень трудная и нудная, но она может дать деньги, и я энергично (понемногу!) работаю. Теперь взялся за «Серго». Вы, со своей стороны, будьте строги и решительны: исправляйте все, что надо. Изд<ательство> «Сов<етский> пис<атель>» обратилось ко мне с письмом, прося матер<иал> для № 2 «Ленингр<адского> Аль<манаха>». Я послал 4 сонета, из которых принято 3, «Чайковск<ого>» забраковали по понятным причинам: нытье. Кроме того, взяли с мал<енькими> выпусками «Красную страну» (не отдайте её в какой-нибудь журнал!..).

С сегодняшним присылом стихов у Вас уже накопится 62. О, если бы хоть что-нибудь взяли куда-нибудь: невыразимо трудно болеть в безденежье!..

Лето у нас кошмарное: холода, ветры, бури, дожди. Солнце пропало. Топим печь через день, готовит В<ера> Б<орисовна> на «Грэтц».

Нине Леонтьевне и Вам Верочка и я шлем сердечн<ые> пожелания. Пишите, очень прошу Вас: переписка с Вами большое для меня удовольствие. Мне кажется, что, получая столько стихов, Вы уже утомились от них. А они всё идут... как дождь!

Обнимаю, люблю.

Всегда с Вами, Игорь. —

* Последнее (!) стихотворение поэта — эпиграмма на Алексея Кружова.

*Эпиграмма на
докт. А. И. Кружова
(актера Трагюма).
У Алексея у Трагюма
нет ни мимики, ни слова
(Алексю котина изловил!)
В роли ... доктора Кружова!
10 ил. 41.*

*Это, конечно, ирония
У.И.*

Без даты, июнь 1941 г. <к Г.Шенгели>

<Рукой Веры Коренди.>

Дорогой Георгий Аркадьевич!

Посылаю Вам ещё партию своих стихов. Все Ваши письма получил и искренне благодарю за всё. Но сейчас я, к сожалению, болен сердцем настолько, что должен лежать без движения и умственной работы. Поэтому с переводами немного задержусь. Посылаю Вам одно только от спец. Корреспондента газеты «Труд»

Поверьте, дорогой, его достоверность и отдайте пару лично в редакцию.

Тороплюсь отправить письмо и сегодня кончаю.

Искренний и тёплый привет Нине Леонтьевне от нас обоих. Вас целую и обнимаю.

Ваш <Далее собственноручно.> Игорь. —

Завтра жду обещанного дополнительного письма.

<На полях рукой Коренди.> *Письмо этого человека валялось в Пайде с 10-V-41!*

20 июля 1941 г. <к Всеволоду Рождественскому>

<Рукой Веры Коренди.>

Светлый Всеволод Александрович!

Вы, вероятно, осуждаете меня за неучливое молчание и удивляетесь ему. Но, получив Ваше чудное, Ваше правдивое и глубинное письмо, я буквально в те же дни жестоко разболелся, и болезнь сердца заставила меня лежать почти без движения бесчисленное количество дней. Теперь несколько дней я вновь двигаюсь, но писать самому мне трудно, поэтому я диктую Вере Борисовне. На Ваше письмо я отвечаю лично, а пока что способствуйте нашему выезду отсюда. Конечно через Ленинград. Моё здоровье таково, что в общих условиях оно не выдержит. Длительное вертикальное положение для меня тягостно: в сердце вонзаются иглы. Я мог бы ехать только полулежа в машине. Но где здесь её взять? Здесь и моего-то имени, видимо, не слышали!!! Может быть, Вы сумели бы прислать машину. Тогда прямо приехали бы к Вам. Я так рад повидать Вас, познакомиться!!! А вечером поехали бы в Москву и дальше. М<ожет> б<ыть>, попросите у тов. Жданова: он, я слышал, отзывчивый и сердечный человек..

Деньги давно кончились, достать, даже занять, — здесь негде. Продаем вещи за гроши, а в Москве и в Ашхабаде у меня есть получить более двух тысяч за сданную работу. Сюда денег теперь не переводят.

Верю в Вас почему-то, Всеволод Александрович, и знаю, что, если Вы захотите, — Вы поможете выбраться отсюда. Повторяю, в общих условиях моё сердце не выдержит, и живым я не доберусь... Пешком ходить я совсем не могу, и нести ещё необходимый багаж!..

Крепко и ласково жму Вашу руку. Жду ответа: ответьте, пожалуйста, немедленно. Спасибо за Вашу милую книжечку: сколько слов при встрече!! Я послал свою «Адриатику».

<Далее собственноручно> Игорь-Северянин.

Мой адрес: Усть-Нарова, ул. Раху, 20

Igor Severjanin

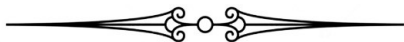
Rahu, 20

Narva-Jõesuu

Estonie

P. S. Семья моя состоит из жены и девочки 9 лет. Фамилия жены и маленькой — Коренди. Фамилия Коренди — эстонизирована (Коренева).

Второе письмо Игоря-Северянина опубликовано во вступительной статье В. А. Рождественского к первому советскому сборнику стихотворений Игоря-Северянина в Малой серии Библиотеки поэта. М., 1975. Первое письмо лишь упомянуто, а его содержание пересказано.

Игорь и Фелисса. Место не установлено.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Вера Коренди

Письма И.Северянина в Тойла

Заведующей музеем им. Ф.Крейцвальда [26.XI.79 г.]

Точно знаю, кем переданы эти письма в музей, но воздержусь назвать его имя...

Думаю, что он сам знает об этом по заметке в газете «Письма в Тойла, увековеченные на микроплёнку». И т.д. Знаю, что человек чуткий и глубоко интеллигентный, уважающий себя и память давно умершего поэта, не смог бы отдать на суд людской такие сугубо интимные и лживые строки. Лишь враждебно настроенный человек способен на это...

Скажу одно: если бы поэт воистину хотел бы вернуться в Тойла, он и вернулся бы...

Это был человек упорного характера.

А мы прожили почти десять лет, почти не расставаясь.

Завещание было сделано на моё имя (в рукописях). Никаких встреч с Ф.К. никогда не было. Он оставался со мной до последнего часа жизни и ушёл из неё на руках моей семьи.

Что касается увольнения с работы, то этого никогда не было. Лишь последние три года я ушла с работы по его требованию. И тогда у нас не было ни нужды, ни долгов... Моя семья, с которой у нас были самые тёплые отношения, всегда поддерживала нас.

И никто не хотел устраивать меня в «судомойки». Грубая ложь, как и слово, которое он употребил в адрес моей семьи. Недостойно и гадко. Никакой болезни лёгких у меня не было. Все педагоги подвергались врачебному осмотру ежегодно.

Дома мы были всегда одновременно, т.к. он регулярно встречал меня. Кроме дома — ему не приходилось ночевать нигде!

Что касается моего дяди — то он сам жил у нас до женитьбы. Отношения были самые тёплые. Зачем врать было поэту кому-то в угоду?

Дочь он любил, занимался ей без конца.

Вот его слова: «Это единственный ребёнок, который жил и будет жить со мной под одним кровом!»

Опять ненужная ложь! Никогда он не проявлял особой любви и заботы о Тойла и её обитателях. Даже деньги посылал <неразб.>...

Всё жизнь он мечтал быть всегда вместе. «Только бы я умер раньше тебя, чтобы не пережить свою любовь». Девочку он узаконил, она носит его отчество и фамилию по праву*. Уже больной он мечтал развестись с Ф.К. окончательно

Как то уже незадолго до смерти он сказал: «Знаешь, Верушка, я переписываюсь с Ф.К. Никогда не читай и не верь этим письмам. Я должен был так писать, чтобы уберечь тебя и наше счастье! Пусть думают, что хотят!»

Какой же бесчеловечный закон разрешит по этим письмам судить о нашей светлой любви, о нашем большом и красивом чувстве?

Мы создали поэту тепло и уют. Разве могла сравниться наша обстановка с жалкой обстановкой в Тойла!!

Я отдавала ему всё: и свою молодость, и душу. Я два месяца выхаживала его от тяжёлого воспаления лёгких, я привезла его после пожара в дом моей матери, где был уход и забота.

А что сделала Ф.К.? Она хоть раз предложила мне помощь? Нет!!!

Она подсылала только шпионов, чтобы узнать не умер ли поэт, чтобы получить наследство...

Между тем в письмах фигурирует незнакомка с инициалами «В.Б.».

Допустим, что это я. Значит он не желал предавать огласке моё имя.

Так и должно быть. Такова его воля.

В одном из поздних стихотворений поэт писал о Ф.К. «Я с жутью вспоминаю о тебе»*...

Можно ли было стремиться к подобной женщине? Всё же хочу сказать: если бы я была на месте Ф.К. — я бы вернула ему эти письма с заметкой: «Не пишите больше. Я не верю вашим письмам. Вы продолжаете жить с ней. Не лгите мне и себе, не старайтесь мне угодить!»

Увы! Она не достигла такой душевной высоты. Она сберегла эти письма, как орудие пытки против поэта... Он же не может сейчас защитить себя.

Последнее, что я хочу сказать: прошу удалить эти письма из Архива, как сугубо-интимные и абсолютно далёкие от истины.

Нельзя лгать самому на себя: он никогда и ничем не оскорбил меня. Ежедневно звонил, когда был в Тойла, и требовал ежедневных писем.

Вот, кажется и всё.

P.S. Наша переписка с ним погибла в огне. А по ней можно было судить о нашей жизни.

Моя исповедь. Абсолютно честная и искренняя. Ни капли лжи. Прошу всё это учесть и сохранить память поэта красивой и чистой.

У него растут внуки, которые чтут его...

Вера Борисовна Коренди — жена поэта Северянина.

26.XI.79 г.

* Валерия Порфирьевна Коренева (Коренди) получила имя в честь своей тётки Валерии Борисовны Запольской, которая в свою очередь в 1937 году вышла замуж за родного дядю — брата отца Валериана Запольского. Валерия Порфирьевна Коренева стала Валерией Игоревной Северяниной при получении советского паспорта в 1946 году.

* «Я с жутью вспоминаю о тебе» — такой строки в оригинале нет, но это выражение есть в исправленном варианте. См. ниже стихотворение «Сперата», исправленное на «Нелёгкий путь».

Приложение к письму В.Б.Коренди

Последняя любовь

1940 г. Усть-Нарва

Ты влилась в мою жизнь, *словно* струйка Токая
В оскорбляемый водкой хрусталь.
И вздохнул я словами: «Так вот ты какая:
Вся такая, как надо!» В уста ль

Поцелую тебя иль в глаза поцелую,
Точно воздухом южным дышу.
И затем, что тебя повстречал я такую,
Как ты есть, я стихов не пишу.

Пишут лишь ожидая, *волнуясь*, мечтая,
Ошибаясь, моля и грезя.
Но писать после слов, вроде: «Вот ты какая:
Вся такая, как надо!» — нельзя...

Это стихотворение написано в Усть-Нарве.

Я ездила в Нарву. Когда вернулась — он взволнованно сказал: «Верушка! Я тебе такой подарок приготовил! Ты будешь вот так возвышена!» Он поднял руки вверх. Прочёл это стихотворение, опустил на колени и... заплакал.

"Сперата".

Насъ двадцать лѣтъ связуютъ — жизни
и ты мнѣ дорога совсѣмъ особа, ^{треть,}
Я при тебѣ хотѣлъ бы умереть:
любовь моя воистину до гроба.

Хотю тебѣ о любви не говорить,
Швое молчанье болѣе, чѣмъ любовно,
Близградъ, Берлинъ, Софія и Парижъ —
Все это только наше безусловно.

Всегда болѣе благосклоненъ и добродушенъ
къ намъ въ пору ту, когда мы были влюблены;
Плещетъ въ Сербію насъ въ бездну влекъ вагонъ,
Плещетъ сокрушена похва въ Бухарестъ,
Плещетъ угрожала, въ ходъ плещетъ мантия,
Здѣйствительна истеричка въ Кишиневъ,
Всегда свѣтло оканчивался нашъ
нелегкій путь, и счастье было влюбленъ.

Неизвинимо я виноватъ
Передъ тобой, талантомъ и лирикой,
Швоишь стихи въ ответъ въ иронию,
По временамъ изъ дали налетая.

Нелегкій путь...

Насъ двадцать лѣтъ связуютъ — щизки
Что мнѣ дорога совсемъ особа. ^{треть,}
И при ^{мнѣ, шаятъ} ~~тредѣ~~ ~~книжечки~~ ~~учереть~~:
~~нѣтъ~~ ~~ваши~~ ~~в~~ ~~матри~~ ~~нужд~~ ~~в~~ ~~нуждѣ~~

Хотя то о любви не говоришь,
Твое молчанье боль, злымъ любовно.
Былградъ, Берлинъ, Софиз и Чаринъ —
Всё это только наше безусловно.

Всегда боль благосклоненъ небосклонъ
Къ камбъ въ пору ту, когда мы были бивствъ:
Путь въ Сербїи насъ въ бездну влекъ вагонъ,
Путь сотрѣсала погва въ Букарестъ,

Путь угрожала, въ ходъ пустивъ шантажъ,
Утѣшитель и истерика въ Кишиневъ, —
Всегда светло за кауцивалесу насъ
Нелегкій путь, и ~~кама~~ ~~тѣ~~ ~~б~~ ~~о~~ ~~л~~ ~~я~~ ~~в~~ ~~и~~ ~~о~~ ~~в~~ ~~н~~ ~~я~~.

Неизвиземо з виюватъ
Передъ тобой, та и толь калитау.
Твоиъ стиховъ отетли въ ароматъ,
То врешечаль изъ дали калетау.

Тебе я знаю, отвергнувшую любовь,
Въ веселомъ, вешнемъ платишь подвѣсткахъ
Тобой при мнѣ, тобою гордымъ сласишь,
Ахъ, не одна уловлена лососка!

А какъ молитвенно тѣ любишь стихи,
Въ предальной предусмотрѣнной краснотѣ,
Твой вкусъ сверкаетъ на стѣнкахъ моихъ
Льтъ притѣвн и живую ея ролю.

Тебѣ природа оказала гестъ:
Свою тѣ въ ней. Глазами олазору
Сталь бялтичи, какъ любишь тѣ присестъ
На берегу, мечтаючи, доль моря!

Съ улыбкой умзденной, но ставной
Презрѣла о поэтъ пересуда,
Простивъ ему заранъ въ оставной -
Уже недопойт - жизни вся приуды...

Одна мечта: вернутаю съ къ тебе,
О, невозможнаго утрата!
Въ богоспасарной швей судьбы
Тѣ - героичу вѣте: тѣ - сперата!

Tallinn.

5го ноября 1935.

Игорь-Глебович

Тедъ з зналъ, отвернувшю лощь,
Въ веселомъ вешнемъ платицъ подростка
Тобой при мнѣ, тобою гордомъ сплощь,
Иль, не одна уловлена лососка!

А какъ молитвенно ты любишь стихи
Съ предвѣскою — предсудиторскою! — красною.
Твой вкусъ сверкаетъ на стихахъ моихъ —
Льтъ при тебѣ — шивящеш росю.

Тедъ природа оказала гестъ:
Сводъ тѣ въ нощь! Глазами олазоръ
Сталь Балтики, какъ любишь ты приселтъ
На Берегу, шеттаюга, догь моръ!

~~Всѣхъ твоихъ друзей и знакомыхъ
Кружкомъ вѣдь ты любишь и рощю,
Въ веселомъ вешнемъ платицъ подростка
Тобой при мнѣ, тобою гордомъ сплощь,~~

... Шеттаюга, килерю, о райль,
Купилъ по лисале то конур-то!...
И вѣдь мнѣ съ тобой о мнѣ,
О шеттаюга, килерю, о райль,
Купилъ по лисале то конур-то!

Т а л ч и н и з.

5 июль 1935.

Воспоминания В.Б. Коренди.

«История нашей бессмертной любви дала обет молчания...»

От публикатора. Воспоминания последней сожительницы поэта В.Коренди, хранящиеся в РГАЛИ, представляют собой машинописную копию текста с незначительной авторской правкой, которую, с учётом обстоятельств приобретения рукописи архивом (куплена у автора), можно приравнять к авторизации текста. Часть фрагментов текста подклеена на отдельных листах, часть текстов (в основном повторы) из текста вычеркнута. Рукопись содержит посторонние включения, например, воспоминания Бориса Ёйги, не связанные с текстом стихотворения и т.п.

Для публикации выбраны ключевые фрагменты, дающие представление о совместной жизни поэта с В.Б.Коренди, здоровье поэта и его смерти. Мемуары Коренди упоминаются в «Прорабах духа» А.Вознесенского:

«Люди, хранители памяти, живые, невозстановимые шедевры, нуждаются в не меньшей бережности, чем картины. Недавно я получил письмо из Таллина с улицы Ярве от вдовы Северянина — Веры Борисовны Коренди. Она написала мне впервые давно, после публикации в "Литературной газете" стихотворения о рукописях поэта. Муза последних лет поэта, которой он посвятил предсмертные стихи, она в страшных лишениях была опорой ему.

Письмо её горько. "Долгие годы мы не переписывались с Вами. Грозные и трагические события прошумели над моею головой..." Она пишет о постигшей её страшной недавней потере, о смерти дочери, об одиночестве, о том, как трудно ей живётся, что двое внуков у неё на руках. Завершается письмо припиской: "Простите за печальное письмо — хочется хоть с кем-нибудь поделиться. P.S. Кончаю мемуары о Северянине. 26 января 1984 г. ". Хочется, чтобы смятенная душа её успокоилась, чтобы люди окружили бережностью память поэта».

В тексте сохранены все орфографические и стилистические особенности оригинала.

Публикуется с любезного разрешения ЦГАЛИ.

* * *

Обращает на себя внимание отсутствие в воспоминаниях упоминания важного для семьи Запольских события: приезда из Туниса Дмитрия Валерьяновича Запольского — родного брата Бориса Валерьяновича Запольского, чьи дочери Вера и Валерия приходились ему племянниками. История растворена в письмах Игоря-Северянина и в концентрированном виде выглядит так:

— **1936.11.07.** У В.Б. интенсивная переписка с африканским дядюшкой. Она зовёт его бросить службу (!) и переехать сюда. И он, видимо, к весне приедет. Это, знаешь ли, не так плохо для В.Б. ... Человек, видимо, хороший и очень до сих пор её любит. Прямо молитвенно.

— **1936.12.1.** Напишите на Линду и письмо дяди Димы туда же перешли. От него письмо придёт в Тойлу 9-10-го.

— **1936.12.30.** В.Б. сильно настроена тётками против меня. Совсем чужою стала. Злитесь и нервничает безконечно. Удивилась, что я скоро вернулся. На-днях всё выяснится, когда приедет дядя. Видимо, его хотят <неразб.> совместно. Так чувствуется. Приедет он не пятого, а шестого, как выяснилось теперь.

— **1937.01.2.** Эта В.Б., всей душой находящаяся у тёток! Дядя выехал из Туниса 30-го в 7 веч., 1-го янв. В 5.55 утра переплыл, уже Средиземное море и был в Неаполе, в 3.50 был в Риме и в 11 веч. выехал дальше. Сегодня второго он уже в Вене, а завтра 3-го, в 12 дня будет в Варшаве. Но так как третье придётся на воскресенье, он не сможет получить Латвийской визы и пробудет в Варшаве до понед<ельника>, 4-го, и, значит будет в Риге только в 5 дня 5-го и выедет оттуда в 10 ч. веч., след<овательно>, в Таллин он приедет 6-го в 8.35 утра.

— **1937.01.10.** Дядя — сплошное очарованье. Деликатнейший и добрейший, очень сдержанный и ничего не кушающий. Внешностью, и манерой держаться — вылитый Эссен. Большой франт: привёз смокинг и три костюма. Бывший морской офицер. Знает и о Гипциус и о Гумилеве, и Ахматову любит. Увидев все, и все узнав, в ужасе. Даже два сильных сердечных припадка было с ним. Ставил горячяя припарки и посылал в аптеку. Да и не мудро: из-за него содом у тёток: хотят женить на Валерии и Вере... одновременно! И послать в Африку. Сестры рвут на части! Но Вера его не уступит. (...). Мы накануне

событий. Я нейтрален. Подробности лично. Привёз тебе пудру. Вскоре получишь. Я получил дивный портсигар и мундштук в футляре. Денег не привёз. За куклу заплатил на итал<ьянской> границе 15 крон пошлины, но на австр<ийской> такую пошлину хотели, что пришлось куклу отдать чиновникам. Браслет упоительной работы. И такое же кольцо с тайничком. (...) Дядя с Верой ушли к тёткам, а я иду в Нётте. (...) У дяди денег в обрез, но в Африке избыток! Ни гроша Вере здесь дать не может.

— **1937.01.15.** Во всяком случае я сижу буквально без гроша, пока что. И не продавали ни одной книги, ибо я сам не хожу, а другим теперь не до того: решаются проблемы брака с дядей... Итак, ещё раз: терпение и мудрое хладнокровье.

— **1937.01.18.** События разворачиваются весьма поспешно: дядюшка вчера уже переехал к тётушкам!!! И — навсегда. Подробности лично. Я с ним, само собою разумеется, не ссорился. Мы расцеловались при прощанье, он крепко и долго жал мот руку. В.Б. с ним прощаться отказалась. Опять-таки подробности лично. Сплошной водевиль и превесёлый!.. (...) В.Б. даже в школу перестала ходить после ссоры с дядей, но сегодня направляется. Пропустила три дня. И к тёткам сама не ходит и ребёнка не водит. Это жаль!..

— **1937.01.31.** Целые дни я, по обыкновению, один мёрзну в леднике-квартире и тоскую по Тойла. Сейчас, например, происходит у господ свадьба. В.Б. с утра до ночи там, а мы с Марьей сидим, как в темнице. Но что делать: дома ведь переполох до вторника.

— **1937.02.22.** Дядька обещал уплатить 10 крон в лавку, но исполнит ли это — не знаю.

— **1937.03.16.** Вчера я приехал очень усталый и замученный дорогой, и сразу же был разстроен известиями по продаже книг. Из-за дядьки ничего, в общем, конечно, не сделано, а теперь она больна (прострел в пояснице), на службу не ходит и, естественно, пока не выйдет на улицу, продавать не может.

— **1937.12.04.** ...в комнате, где я живу, температура не поднимается — после топки — выше 11-12 градусов! И такая сырость, что пятна мокрота на стенах. Ребёнок, дядька, я и др<угие> кашляем бесконечно.

— 1940, февраль. В феврале у сестры В.Б., Валерии, скончался внезапно муж — лейтенант флота, интернированного в Бизерте. Он был родным братом отца В.Б. Молодой человек: не было 45-ти. Умер он при нас ночью. Впечатленье ужасающее...

Фрагмент № 1

[...] Мой отец писал прекрасные стихи, а первый муж посвящал мне стихи на французском языке.

Печаталась я под фамилией девичьей — Вера Запольская. Сказки мои, впоследствии, имели колоссальный успех у нашей девочки. Позднее — у многих внуков. Ни один не засыпал без <неразб.>. Я старалась, чтобы сказки были с «хорошим концом». Детские сердца не могли примириться с победой «темных сил»...

И вдруг мне пришла в голову сумасшедшая мысль: Напишу Северянину! Попробую, что выйдет. Не ответит — значит не судьба. В это время он снова был в Тойла. Это случилось в весёлый месяц май 1931 года. Ответ пришёл сразу. «Спасибо за письмо. Оно поразило меня безукоризненной, до тонкости орфографией и поразительным стилем. Пришлите, если сможете фото». Я исполнила его просьбу и получила краткое письмо: «Спасибо. Вы именно такая, какой мне хотелось бы Вас видеть. Спасибо. Нам необходимо встретиться. Напишу — где и когда». И встреча состоялась... И не одна. Только история нашей бессмертной любви дала обет молчания. И никто, и никогда не должен узнать, где и когда были эти солнечные встречи. Никогда! Это было его желанием. И моим. Слишком много было зла и ненависти вокруг нас. Надо было таиться и скрываться, как можно надёжнее.

Вот эту цель мы и преследовали. Хотя было тяжело и больно, хотя страстно хотелось свободы, света, независимости, счастья, не придавленного, полузадушенного. Иначе было нельзя. И мы терпели, несли в сердце это несчастное, утаённое от людей священное чувство. Так длилось до появления нашей доченьки. Тогда открылась нам широкая даль, светлая и чистая дорога появилась перед нами. Мы поняли, что нам делать... И решились на все.

Естественно порвать надо с прошлым, безжалостно оставить все, дать волю чувству, жизнь нашей девочке.

Я порвала с минувшим, похоронила семь лет, прожитых с мужем, - и вошла в жизнь поэта и дочери без сожаления и раскаяния. Рождению дочери он светло радовался. Называл её «златокудрая дочка». Часто приезжал навещать её... Конечно — тайно. Судьба дала нам тяжкое

испытание до 1934 года. Наконец, оно кончилось. Тогда получена телеграмма: «Я дольше не вправе мучать тебя и себя. Я ухожу к тебе»...

И тогда свершилось: мы две судьбы слили в одну. Вопреки всем препятствиям, вопреки лжи и зависти.

Мы ещё встретились в зале театра «Эстония». Он приехал с концертом в Таллин. Приехал не один, а с первой женой и вечно бегавшей за ним И.Б. <Ириной Борман>.

Удивительно, но я даже не захотела увидеться с ним, хотя он дам мне знать о концерте... И ждал... Я просто просила передать синюю тетрадь с моими стихами.

Месяца два я ждала ответа. Наконец, он пришёл: «Продолжай работать, в тебе искра божья. Многое очень хорошо. Васильки мне особенно близки».

Потом началась интенсивная переписка. Почти ежедневно. Если я сразу не отвечала - летела телеграмма: «Немедленно сообщи причину молчания». Или вызывал к телефону. Помнится, раз он закончил наш разговор такой фразой: «... Я тебя целую... Ты чувствуешь?»

У меня хранятся только эти телеграммы. Всю нашу переписку мы отдали огню... Как многие поэты и писатели.

Не хотелось, чтобы равнодушные, а может быть, иронические взгляды коснулись их! Сколько светлых чувств, сколько нежности было там!!! Но я не жалела о них! Мы уничтожили свою «святая святых». Пусть оно ушло! Мы сохраним их от чужих, может быть, враждебных глаз, оставив в нашем сердце! Да будет так! Такова была его воля... И моя...

Переписка длилась месяца три. Наконец пришло письмо: «Мы встретимся седьмого марта». Встреча произошла на ступеньках Балтийского вокзала. В его руках был чемодан с рукописями. Больше ничего...

Было это свидание кратким, но... решающим. Через пару месяцев пришла телеграмма: «Я не имею права дольше мучать тебя и себя. Ухожу к тебе!» И так, наконец, мы вместе. Навсегда! Мы покончили с прошлым. Первый его приезд был на улицу Тарту мнт. 32-2 (этот дом сохранился до сих пор). Его бывшая жена бросила Тойла и уехала в Таллинн к своей подруге, жене редактора газеты «Вести дня» - Шульца. Устроилась на работу. Жестоко мучала его и меня, отравляя каждую секунду жизнь. Угрозы не прекращались.

А в городе поднялся содом! Немалая роль была и у «Союза эст<онских> писателей»...

Вероятно, сыграла немалую роль и моя национальность... Ф.К. <Фелисса Лотарёва> угрожала самоубийством и... ничего не сделала. А ведь Северянин мне рассказывал, что любви уже в конце первого года замужества не было. Да и была ли она вообще?..

Может быть, только угар?.. Недаром сборник стихов назван «фея еі оле» - «несуществующая фея». Между прочим, Ф.К. заявила раз Игорю: «Между прочим, Вы мне не нужны были. Нужны были заграничные турнэ».

Едва она покинула Тойла, Игорь потребовал моего приезда туда. Он встретил меня на вокзале. Помню дорогу, непривычно долгую и темную. Совершенно безлюдную. Мы шли молча. Проходя мимо леса, он сказал: «Верушка! Не смотри туда. Есть поверье в Тойла, что здесь собирает всегда грибы и ягоды Мария Петрова, убитая на этом самом месте».

Вдруг среди деревьев показались зелёные огоньки. Может быть, это были волки? Не знаю точно, но они там водились. Я провела с ним в Тойла две недели. И никто и никогда не узнал об этом! Это был мир нашей печальной сказки, отравленной злыми тролями.

После Тойла он снова вернулся в нашу семью, которую он очень ценил и уважал. Помню раз он подошёл к маме, поцеловал её руку и сказал: «Низко Вам кланяюсь, что вы воспитали её такой, какая она есть». Дни летели. Надо было подумать о личной жизни. Мы сняли домик в Пюхайэги <Пюхайыги>, против магазина Черницкого: две комнаты, кухня и балкон. Девочка была с нами. Он говорил: «Ни один ребёнок не жил со мной под одним кровом. Она единственная, которую я хочу видеть около себя всегда». Поэт очень много занимался с ней. Часто пел «По вешнему по складу». А.Толстого, разыгрывал даже сценки из опер. Голос у него был богатый (баритон). Мне кажется, что если бы он не был поэтом, то был бы оперным певцом. В Пюхайэги же произошла интересная встреча. Возвратившись как-то с грибами, мы увидели на крыльце старушку с чемоданами. Очень маленькую и очень симпатичную. Увидя её, Игорь спросил: «Неужели это ты, Маша!?» Она привстала, широко улыбнулась как-то по-детски и ответила: «Я-с!» «А ты надолго?» — спросил Игорь. «Навсегда-с». Она оказалась Машей Неупокоевой «классической Марьей», воспетой в «Росе оранжевого часа». Весь век прожила она у матери Игоря, Натальи Степановны Шеншиной-Домантович. Была нянькой Игоря. Её сын Колька был закадычным его другом. Маша осталась у нас. Сделавшись нянькой Люшки. Когда её спрашивали, сколько ей лет, — она поспешно отвечала: «Сорок пять!». А было ей уже за семьдесят. Она была проста, тиха и по-детски наивна. Она любила меня и девочку.

Жизнь в Пюхайэги текла мирно и тихо. Конечно, были и тяжкие минуты, когда «эти люди» снова и снова вторгались в нашу жизнь. Но я поддерживала всеми силами бодрость духа в семье, отгоняя злые флюиды, не давая отравить наши души. Как уютны были зимние вечера в нашем домике!

Примечания к фрагменту № 1

Фрагмент содержит более или менее связное и последовательное повествование о событиях, которые в действительности произошли в разное время и в иной последовательности. Восстановление хронологической последовательности событий отчасти помогает понять, зачем В.Коренди выстраивает собственную, крайне запутанную хронологию.

«Напишу Северянину! [...] В это время он снова был в Тойла. Это случилось в веселый месяц май 1931 года» — из гастрольной поездки в Югославию и Францию супруги Лотарёвы вернулись 4 марта 1931 года. Подробнее в см. в «Und Doch».

«Рождению дочери он светло радовался. Называл её "златокудрая дочка". Часто приезжал навещать её... Конечно — тайно». Подробнее в см. в «Und Doch».

«Златокудрая дочка» — Строка из стихотворения «Благодатная поэза», посвященного Елене Яковлевне Семеновой. Написано поздней осенью 1912 года по случаю беременности Семеновой.

«Ответ пришёл сразу. (...) "Пришлите, если сможете фото"». Подробнее в см. в «Und Doch». уже в первое (тайное) свидание.

Рассказывая о посылке фотографии, В.Коренди переносит события ноября 1934 года в май 1931 года, чтобы утвердить отцовство поэта в отношении Валерии Порфирьевны Кореневой.

«Мы еще встретились в зале театра "Эстония". Он приехал с концертом в Таллин». *«Потом началась интенсивная переписка. Почти ежедневно»*. *«Встреча произошла на ступеньках Балтийского вокзала»*. В хронологической канве повествования Веры Коренди эти эпизоды отнесены к лету или осени 1931 года, но в тот год поэт вообще не выступал в Таллинне. Ближайшее выступление в театре «Эстония» состоялось 16 февраля 1932 года. Подробнее в см. в «Und Doch».

«Судьба дала нам тяжкое испытание до 1934 года» — утверждение подразумевает начало совместной жизни с поэтом уже в 1934 году.

«Едва она <Фелисса> покинула Тойла, Игорь потребовал моего приезда туда (...) Я провела с ним в Тойла две недели. И никто и никогда не узнал об этом». В хронологической канве повествования Веры Коренди эти два эпизода как будто должны быть отнесены к весне 1935 года. Подробнее в см. в «Und Doch».

События, описанные в этом фрагменте намеренно выстроены мемуаристом без учёта реальной хронологии и логики. Обращает на себя внимание заявление о намеренном сокрытии места тайного свидания и соседствующее с ним указание на то, что свидание состоялось в Тойла в отсутствие жены поэта.

Фрагмент № 2

После Пюхайэги нашим первым совместным обиталищем был дом в Саркуле. Две больших комнаты с плитой. Там мы справляли новоселье. Нас встречали с самоваром и пирогами. Почти вся деревня была за столом. Игорь пел с ними, рассказывал о всяких заграничных путешествиях, читал понятные им стихи. Особенно «Русь». Она им очень нравилась. И все просили повторения. У нашей дочери сразу появились друзья: степенная, белокурая Манечка, дочь местного сапожника Удама. Это был чудесный тихий и скромный человек, но судьба наградила его отчаянной женой Клавдией, которая буквально не давала ему дышать. У неё была, как говорил Игорь, тяжёлая болезнь — «недержание слова». Кроме того, она была злобная сплетница и не щадила никого. Её опасалась вся деревня. Игоря она уважала и ценила, может быть, даже немного увлеклась им. Всегда звала чай пить, заваривала его по «северянински» очень крепким, и пекла шоколадную буханку. Правда, очень вкусную. Была ещё маленькая Нинта, которая каждое утро садилась под окно спальни и ждала пробуждения Люшки. Они очень дружили. Была Маня Бурила, толстая тупая девочка с двумя братьями. Глафира — дочь Мани Чали. Вся эта дружная компания ездила с нами на рыбалку. Матери охотно доверяли мне детей, снабжая нас пирогами, булками и другими продуктами. Пока Игорь ловил рыбу — я была на высоком Качельском берегу, устраивая с детьми весёлые игры. Мы разыгрывали сказки: я была таинственной колдуньей, а дети, за которыми она охотилась, были так воодушевлены, что забывали обо всем на свете. Там, в самом деле, была ненормальная тётушка — пастушка. Её почему-то все боялись, хотя, по-моему, она была безвредною абсолютно. Окончив рыбалить, поэт поднимался вверх, и начиналось торжественное чаепитие весёлого общества. Наш дом стоял под высокой горой, покрытой лесом. Там водились рыси. И вот, однажды, наша девочка прибежала в жестоком

волнении: она увидела в лесу зелёный глаз рыси, её кисточки на коротких ушах. Я и отец часто говорили, как опасна рысь! Недолго думая, девочка скатилась с горы и опрометью бросилась домой. Это её и спасло...

Была ещё в Саркуле высокая песчаная гора. И носила она жуткое имя: «Чёртова гора». Нам рассказали о ней легенду.

Стоял в незапамятные времена здесь богатый замок и жил в нем знатный и жадный пан... Захотелось ему стать ещё богаче и знатнее, и продал он душу сатане, подписав договор своей кровью...

Прошёл год, другой, третий. Пан стал богатейшим человеком, и не было никого знатнее его. Но сроки минули, настал час расплаты. Явился за ним хозяин его проданной души... Но наотрез отказался пан сдержать своё слово.

Покарал его злой дух: со страшным громом и молнией провалился его замок. Осталась лишь высокая песчаная гора.

Жители деревни избегали её, и никто не осмеливался взобраться на её вершину.

Игорь раз поднялся на эту гору, но быстро спустился вниз: «Знаешь, какое-то странное чувство овладело мной... точно что-то шевелилось и жило под моими ногами!..»

Фрагмент № 3

После домика в Саркуле, жена перевозчика через Россонь, Анна Митрофановна Сурсова, предложила нам чудесный домик, но по другой линии. Там были сени, комната с плитой и комната с лежанкой, куда любила забираться наша родная Люшка. Это был уютнейший домик с видом на реку Россонь. Туда приезжал к нам Алексей Долгошов, впоследствии литовский поэт Алексис Ранит, большой друг Людаса Гиры. Он боготворил поэта, глубоко был привязан к нашей семье, а девочку называл «моя невеста». Приезжал он каждую субботу, оставался до понедельника. Что это за чудесные вечера были! Стихи, стихи, горячие речи, воспоминания, пение романсов. Никогда, никогда не забыть мне этих насыщенных поэзией и красотой вечеров! И добрые, красивые глаза молодого поэта! Не знала большего счастья! Я до сих пор имею с ним переписку. И Игорь был спокойным, светлым настоящим поэтом «божьей милости». Мы были настолько оторваны от мира, до нас было так мудро добраться, что, кроме него, почти никто нас не посещал.... В период краткого пребывания в Таллинне у нас бывал пианист Орлов, Иван Бунин, Дмитрий Смирнов (оперный певец). Часто приходил Генрих Виснапу. Он бывал всюду, но без жены — Инги. Она была закадычной

подругой Ф.К. И даже не входила в дом, отправляясь обратно в Тойла. Но он прожил у нас два дня в Сонде, где мы оставались недолго из-за злого нрава хозяйки. Она возненавидела меня, как только узнала, кто я. Помню, я была не совсем здорова, и Игорь на концерт в Нарве уехал один. Но в тот же день вечером он пешком вернулся в Сонда.

Часто мы ездили в деревню Коростель. Там была очень интересная семья Меркуловых. Дочь, Надя, также подруга нашей дочери. Мать Меркулова была копией бабушки Горького, красивая певунья, весёлая и общительная. Частенько мы у них ночевали, после хорошего насыщенного вечера. Только судьба её была более светлой и спокойной, чем у бабушки Горького. Хотя один сын и был неисправным пьяницей.

Примечания к фрагменту № 3

«После домика в Саркуле, жена перевозчика через Россонь, Анна Митрофановна Сурсова, предложила нам чудесный домик, но по другой линии» — поэт поселился в Саркуле (Сааркюла) в апреле 1938 года. В 2002 году на месте дома установлен мемориальный камень, а улица получила название «Игоря-Северянина».

Алексей Долгошев – не литовский, но эстонский поэт Алексис Раннит, близкий друг Игоря-Северянина.

«В период краткого пребывания в Таллинне у нас бывал пианист Орлов, Иван Бунин, Дмитрий Смирнов» — визит Бунина в Таллинн состоялся с 10 по 12 мая 1938 года. 11 мая И.Бунин в одном поезде с Игорем-Северяниным приехал в Таллинн. После торжественной встречи Бунина отвезли в гостиницу. 12 мая Бунин прочёл Нобилевскую лекцию, вечером состоялся банкет в гостинице «Золотой лев», отчёт о котором был опубликован в прессе. 12 мая в 4 часа дня Бунин выехал из Таллинна. Очевидно, что во время визита Бунина в Таллинн Вера Коренди находилась вместе с дочерью в Саркуле.

Генрик Виснапуу — эстонский поэт, близкий друг Игоря-Северянина. *«Он бывал всюду, но без жены — Инги. Она была закадычной подругой Ф.К. И даже даже не входила в дом, отправляясь обратно в Тойла»* Хильда (Ing) Францдорф жена Хенрика Виснапуу болела чахоткой и страдала частыми горловыми кровотечениями. Возможно, этим объясняется её нежелание посещать чужие квартиры. Саркуль и Тойла разделяет река и более 40 километров вдоль линии берега — слишком много для больной женщины.

«Помню, я была не совсем здорова, и Игорь на концерт в Нарве уехал один. Но в тот же день вечером он пешком вернулся в Сонда». Вы

ступления поэта в Нарве состоялись в 1938 году: в январе — лекция о поэтах начала XX века, 8 марта — лекция об эстонской поэзии. В период с января по март 1938 года поэт преимущественно проживал в Таллинне. Возможно, что на несколько дней поэт выезжал в Сонда: *«в Сонде, где мы оставались недолго из-за злого нрава хозяйки»*. От Нарвы до железнодорожной станции Сонда почти 100 километров.

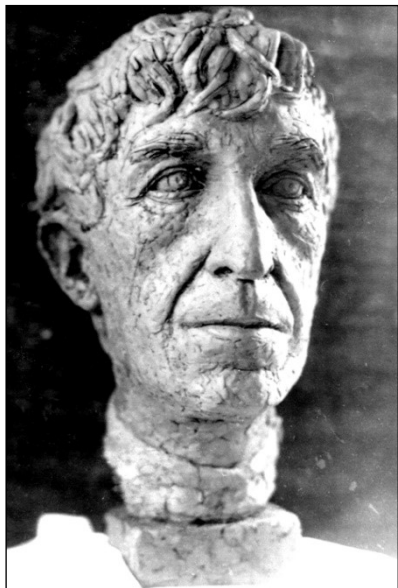
Фрагмент № 4

Пошли мы однажды встречать Игоря на станцию Сонда. И я, забыв его строгий запрет не ходить через лес, все-таки пошла, чтобы укоротить путь. А в этом лесу водились медведи. Пробираясь среди лесной чащи, мы услышали треск ломаемых веток и злое урчание. Вне себя от ужаса, я схватила ребёнка на руки и бросилась бежать...

Прибежав на станцию, я увидела, что поезд уже пришёл. Пришлось возвращаться по дороге домой. Игорь шёл уже навстречу. Ну и попало же нам!!! Никогда больше не ходили через лес... И девочка, бедная, жестоко напугалась!

В Сонде мы были на сочельнике. Ёлка очень скромная, как и угощение. Но благостно и светло было на душе! Хозяин играл на стареньких клавиринах и звуки трогательного хорала летали к сверкавшей огнями пёстрых свечей стройной ёлки... А мальчики, его сыновья, робко и тихонько подпевали. Все было ласково и дружелюбно... В Сонде мы прожили недолго. Буланая лошадка умчала нас на станцию — на новое место жительства, уже... последнее! Зимовать в деревне стало тяжело. Мы решили поискать что-либо в Усть-Нарве. Подвернулся счастливый случай: голубой домик, только что вышедший из капитального ремонта. Он притулился в уголке улицы Вабадусе, 3, как раз против отеля «Франция». Из окон виднелась Нарова, за ней чудесная родная Россонь, река совсем необычная, возлюбившая поэта, ответившего ей такой же светлой любовью. А я почувствовала к ней необычайную нежность. И вот, когда поэта не стало, я написала Россони.

«Россонь и ты слиты воедино!
И нет тебя — Россонь не оживёт!
И её навек покроет скорби льдина
И в глубинах застынет жути гнёт!»

Очень хочется поподробнее описать наш голубой замок. Он состоял из большой и уютной кухни, передней и двух комнат. **<Последующий текст вычеркнут.>** Кабинет его выходил окнами на Нарову. Окон было три - в них открывался влекущий ландшафт: широкая, вольная Нарова, луга, рощи, дальние крыши Венкуля. Низкий ослепительно-белый потолок делает всю комнату похожей на уютную каюту.

Комната выдержана в апельсинно-бежево-шоколадном тоне. Два удобных дивана, маленький письменный стол, полка с книгами, несколько стульев вокруг большого стола посередине, шезлонг у жарко натопленной полевой печки. На стенах — портреты Мирры Лохвицкой, Бу-

нина, Римского-Корсакова, Рахманинова, Рериха, «Бриллиантовая стрела» Чурлениса. В углу бронзовый бюст хозяина, работы молодого эстонского скульптора Альфреда Каска. У стены, около одного из диванов, сделанная деревенским плотником по рисунку поэта, скромная полочка для посуды. На ней красуется красный с белыми кружочками сервиз. На полу во всю комнату коричневый ковёр. С потолка свешивается большая керосиновая лампа с коричневым шёлком на широком абажуре. Над обоими диванами полочки с безделушками и портретами. На окнах голубые занавеси, портьеры. Из кабинета шли две двери: одна в спальню, другая - в крохотную переднюю, оклеенную обоями в синих незабудках. Из передней шла дверь в маленькую тёмную комнатку без окна, напоминавшую чуланчик. Спальня была оклеена малиновыми обоями, которая выходила маленьким окошком на крохотный дворик с колодцем. У окна стоял круглый столик, занавески розовые, с ветками яблони, темно-малиновые портьеры. У столика вдоль наружной стены стояла малиновая кушетка, над ней во всю её длину — зеркало в коричневой раме. За дверью вешалка, с другой стороны двери небольшой туалетик с зеркалом и полевая печка.

Вдоль стены кабинета коричневый диван с двумя валиками. В углу полочка с крохотной лампой - ночничком. В углу кровать и за ней шкаф для белья и платья, тоже сделанный в деревне.

Примечания к фрагменту № 4

«В Сонде мы были на сочельнике» — наиболее подходящее время для этого эпизода сочельник на Рождество 1937 года. Сравни в письме поэта от 21 декабря 1937 года к Фелиссе: *«Вакха и меня ждите 23-го в 12.15 дня: его отпустят только 22-го, а меня держит цепко общее дело. М.б., я и 24-го буду даже»*. Письмо написано в Таллинне в квартире Хенрика Виснапуу в Нымме.

«В Сонде мы прожили недолго. (...) Зимовать в деревне стало тяжело. Мы решили поискать что-либо в Усть-Нарве. Подвернулся (...) голубой домик...». В хронологии В.Коренди, переселение из Сонда в Усть-Нарву состоялось после рождества 1939 года. Однако уже со 2 апреля 1939 года поэт жил в Усть-Нарве, о чём свидетельствует его переписка.

«В углу бронзовый бюст хозяина, работы молодого эстонского скульптора Альфреда Каска». По другим сведениям, бюст был выполнен из гипса, сохранилась фотография. В подробнейшей описи сгоревшего в доме на Вабадусе, 3 имущества поэт не указал этой работы А.Каска. Не упоминает о ней и Вера Круглова, жена курортного врача, общавшаяся с поэтом в период с 1939 по 1941 годы и часто бывавшая в доме на Вабадусе, 3. См. примечания к фрагменту № 5.

Фрагмент № 5

Сейчас, дорогие мои друзья, мне хочется ввести вас в моё прошлое.

Дайте руку, пойдём в Усть-Нарву... Я открою вам, без ключа, двери голубого замка и мы войдём через балкон в маленькую переднюю, оклеенную обоями в синие кубики. Только помолчим... Сейчас войдём в кабинет поэта... Смотрите и вдохновляйтесь: он тут, встречает вас с улыбкой как желанных гостей.

Кабинет выходил окнами на Нарову. Окон было три — в них открывается влекущий ландшафт: широкая, вольная Нарова, луга, рощи, дальние крыши Венкуля. Низкий ослепительно-белый потолок делает всю комнату похожей на уютную каюту. Комната выдержана в апельсинно-бежево-шоколадном тоне. Два удобных дивана, маленький

письменный стол, полка с книгами, несколько стульев вокруг большого стола посередине, шезлонг у жарко натопленной полевой печки. На стенах - портреты Мирры Лохвицкой, Бунина, Римского-Корсакова, Рахманинова, Рериха, «Бриллиантовая стрела» Чурлениса. В углу маленький бронзовый бюст хозяина, работы молодого эстонского скульптора Альфреда Каска. У стены, около одного из диванов, сделанная деревенским плотником по рисунку поэта, скромная полочка для посуды. На ней красуется красный с белыми кружочками сервиз. На полу во всю комнату коричневый ковёр. С потолка свешивается керосиновая большая лампа с коричневым шёлком на широком абажуре. Над обоими диванами полочки с безделушками и портретами. На окнах голубые занавесы, и коричневые портьеры. Из кабинета шли две двери: одна в спальню, другая — в крохотную переднюю, оклеенную обоями в синих кубиках. Из передней шла дверь в маленькую темную комнату без окон, напоминавшую чуланчик. Спальня оклеена малиновыми обоями и выходила маленьким окошком на крохотный дворик с колодцем. У окна стоял круглый столик, занавески розовые с ветками яблони, темно-малиновые портьеры. У столика вдоль стены стояла малиновая кушетка, над ней во всю длину зеркало в коричневой раме. За дверью вешалка, с другой стороны двери - небольшой туалетик с зеркалом и палевая печка. Вдоль стены кабинета коричневый диван с двумя валиками. В углу полочка с крохотной лампой - ночничком. В углу кровать и за ней шкаф для белья и платья, тоже сделанный в деревне. Кухня была большая и уютная, вся в синих тонах. Лампа с синим шёлковым абажуром, синие занавески и портьеры. У стены синяя кушетка, большой синий ковёр. У окна — обеденный стол. В углу — большая уютная плита. У плиты — дверь в чуланчик. У стены — маленький кухонный шкафчик, обиталище гномиков и мышки.

Примечания к фрагменту № 5

«На окнах голубые занавесы, и коричневые портьеры» — уточнение по сравнению с фрагментом № 4.

«Из кабинета шли две двери: одна в спальню, другая — в крохотную переднюю, оклеенную обоями в синих кубиках» — изменение по сравнению с фрагментом № 4 — обои в незабудках.

«За дверью вешалка, с другой стороны двери — небольшой туалетик с зеркалом и палевая печка» — изменение по сравнению с фрагментом № 4 — «палевая» печка. В машинописи буква «о» переправлена на букву «а» — «палевая». *«Кухня была большая и уютная, вся в синих тонах»* — дополнение к фрагменту № 4.

Фрагмент № 6

Я ему не возражала. Его желание — было моим. <Далее вычеркнуто автором.> Но были на устье и тяжкие минуты и часы: он почти три месяца проболел двусторонним воспалением лёгких. Почти три месяца я боролась за его жизнь. Из нашей семьи никто не мог приехать: все работали. Ф.К. <Фелисса Лотарева> в Тойла то и дело подсылала узнать, не умер ли он. Она, имея дом, посягала на наследство, не зная, что он сделал завещание на меня, и ни на одну вещь она не имела бы права.

Два врача: Круглов и Левицкий ежедневно посещали нас два раза в день. Брели спинной мозг на исследование. До 17 часов я старалась питать его как можно лучше. После 17.00 — он впадал в беспамятство и нескончаемо бредил. Его посещали в бреду Пушкин, Гоголь, Маяковский, Брюсов... Беседы с ними настолько бессвязны, что я, к сожалению, ничего не смогла записать.

Моя любовь и сила души и сердца победили: он стал поправляться. А когда врачи снова посетили нас, то всплеснули руками. «Что, Вы, чародейка, с ним сделали? Он же лучше выглядит, чем до болезни!» И пожали мне крепко руку за моё долготерпение и упорство...

Однажды на Устье пришло письмо из Берлина. Оно было от его первой любви Евгении Тимофеевны или Златы. Она просила у него разрешения приехать, чтобы «проститься». «Верушка!» — сказал он. «Ты разрешишь ей приехать?» Я, конечно, согласилась: тогда я ещё не верила в людскую подлость... Мы пошли её встречать. «Надо же помочь, старушке», — сказал, смеясь, Игорь. И вот... из автобуса выходит модная, молодая дама с картонками и чемоданами. Дома она устроила содом в одну секунду. Навезла игрушек Лерочке, мне белья, платьев, шубку биберовую. <Конец вычеркнутого.>

Как-то пришло на Устье письмо из Берлина. Его первая любовь — Евгения Тимофеевна или Злата, просила разрешения приехать «проститься»... Игорь подал мне письмо и спросил ласково: «Верушка, ты разрешаешь ей приехать?» Я, конечно, ничего не имела против. И вот пришла телеграмма: «Буду в субботу». Мы пошли её встречать. «Надо же помочь старушке», - смеясь, сказал Игорь. Подошёл автобус. Вышла элегантная молодая женщина с картонками и бесчисленными чемоданами. Моментально устроила в его кабинете невероятный хаос. А там царил всегда безукоризненный порядок! Держала себя она как-то вызывающе и даже нервно. В день приезда позвала меня и заявила: «Знаешь, если я почувствую, что не могу жить с тобой под одним кровом — я уйду!» Честно говоря, я не придавала этому большого значения. Ухаживала

за ней, готовила соответственно её состоянию здоровья. Мы много катались по реке, гуляли. Читали стихи. Один раз они вдвоём уехали на рыбалку... И что же? Он вернулся один, страшно злой и раздражённый. На мой вопрос: «Что же случилось?» Он ответил: «Она стала чересчур нежна и я... выбросил её из лодки!» Через полчаса явилась Злата. Но в каком виде! Разлад близился. Она ещё несколько раз предлагала ему уехать с ней в Берлин. Игорь возмущённо отвечал: «Только с Верушкой и ребёнком»...

Отношения были тяжёлыми, почти невыносимыми. Мои родные, гостившие у нас летом, очень мучались, глядя на нас. И, наконец, свершилось: Злата переехала в Шмецке, на дачу к И.Б. <Ирине Борман> Началась травля... Ежедневно летели письма с приглашением на ужин и т.п. К сожалению, Игорь шёл... И Злата и И.Б. старательно настраивали его против меня и ребёнка... Возвращался он поздно, недобрым и каким-то чужим... На утро все миновало, он молил о прощении, просил забыть все, обещал не ходить туда. И, увы, шёл снова! Но я не виню его! Я виню этих двух женщин, затеявших грязную интригу против меня и ребёнка. Так продолжалось месяц, полтора... За этот срок горькая чаша обиды выпита мной до дна... Наконец, она уехала. Я вернула ей подарки: купить меня было невозможно! А подлости я не терпела никогда. В наш голубой замок вернулись нежность и ласка, но я с болью в сердце принимала их... Не так легко было простить и забыть!

И вдруг через пару недель пришло письмо:

«Прости меня, бедная Верушка! Цель моей поездки была ясна: я должна была вас разлучить с помощью И.Б. Я хотела этого достичь. А она ненавидела тебя и готова была на все. Но я поняла, что ты одна любишь его по-настоящему и что это — подло! Ещё раз прости, если можешь! Злата».

К сожалению, это письмо погубило в огне, но ни одного слова я не прибавляю

Я могла бы многое рассказать о его бывшей семье, то, что он сам говорил и даже писал. Но я не хочу омрачать своих светлых воспоминаний, не хочу быть судьёй...

Свет и счастье снова воцарились в нашем голубом замке. Но, увы, ненадолго: Он тяжело заболел двусторонним воспалением лёгких. До 12 часов я старалась питать его, как можно лучше. К 17 часам наступала потеря сознания. Его посещали Пушкин, Ахматова, Мирра Лохвицкая. Я с ужасом слушала его невнятные речи, его беседу с потусторонним миром... Хотелось записать хотя бы что-нибудь, но, увы. Это было невозможно. Получились бы обрывки фраз, сбивчивые слова, почти бессмысленные...

ленные. Лишь одно удалось уловить: «Ах, Александр Сергеевич, дела мои плохи! Как мне плохо! Помогите! А вот и Мирра! Как всегда, вдохновенная и красивая», А я была одна... В трёх комнатах одна... Родные мои работали, сестра приезжала на пару дней, но она должна была тоже уехать. Но материально только они и поддерживали нас. Высылали деньги и питание для больного.

Почти два месяца я боролась за его жизнь. Два врача: доктор Круглов и доктор Левицкий ежедневно навещали его... Брели спинной мозг... Помогали, как могли. Очень часто посещали нас друзья деревенские. Приносили масло, молоко, сметану. Сменяли меня, пока я уходила за продуктами и в аптеку. Были ласковы и участливы. Жалели меня... Но их возмущало, что из Тойла постоянно присылался кто-то. Он ежедневно справлялся: умер ли Игорь? Наши чистосердечные друзья осуждали их: «И чего хотят знать!», ворчали они хмурясь. «Помогли бы лучше тебе сердешной, помогли бы. Глядь, как похудала. Лица на тебе нет!» А женщины, обнимая, даже плакали. «Дорогая, ты наша Борисовна! И чего столько муки господь на твою душу положил. Испей молочка, да приляг! Мы посидим. Не бойся, усмотрим, уходим!» Никогда не забуду этих людей.

Однажды, ещё до болезни, Игорь сказал: «Векша, я сегодня видел мамочку. Она пришла за мной, и я с ней ушёл! Я умру, девочка! Я умру без тебя, родная моя и добрая моя!» Мне стало страшно... Я старалась забыть, но не могла. Сон этот врезался острым ножом в душу мою... Наконец, он стал поправляться. Медленно, но верно восстанавливалось утраченное здоровье, возвращались силы. Врачи были поражены: «Что вы сделали с ним, чародейка? Он же лучше выглядит, чем до болезни!» Я молчала... Да и что могла я сказать такая измученная тревогой за дорогого человека, усталая от борьбы со смертью.

Зато как сияли глаза деревенских друзей. Как они целовали меня, как радовались моему счастью!

По утрам он глядел мне в глаза и говорил с горечью: «Только бы я умер раньше тебя... Только бы мне не потерять тебя! Этого я не переживу!» Прошёл месяц долготерпения и самопожертвования... Тщательного и заботливого ухода за больным поэтом. Отлучалась на минуту за продуктами и лекарствами. Наконец, он стал поправляться... Появился аппетит, страстное желание жить... Нас усиленно посещали друзья из деревни. Носили жирное молоко, масло, сметану. Очень сочувствовали, крепко помогали во всем. А Ф.М. <Фелисса Михайловна Лотарева>, к сожалению, не пришла ни разу. Но она подсылала людей узнать, не умер

ли поэт. Может быть, она надеялась на наследство? Но, к сожалению, было официальное завещание, заверенное поэтами Союза писателей Эстонии и Москвы. «Все только тебе, Веркуль, и ребёнку», - говорил он. Дело шло быстро на поправку. [Далее вычеркнуто автором.] Когда врачи его увидели, они просто поразились: «Что вы сделали с ним, чародейка? Он же лучше выглядит, чем до болезни!» Я победила смерть: он поправился! Здесь же, на Устье родилось его последнее стихотворение «Последняя любовь». История его появления такова: ему захотелось выпить бокал шампанского. Я поехала на пароходе в Нарву. Когда я вернулась, я была просто поражена его необыкновенно-вдохновенным выражением лица, его сияющим счастьем глазами. Он позвал меня к себе, усадил в кресло и сказал: «Верушка, я тебе такой подарок приготовил! Будешь вознесена вот так!» Он поднял обе руки вверх, опустил на колени и... заплакал. Потом прочёл мне это чудесное стихотворение, это «чудо», рождённое его светлой душой, его любящим сердцем.

Это была его «лебединая» песнь мне, дочери, сказочным годам, прожитым вместе...

И с этой песней, которую он вложил в мое сердце перед вечной разлукой, я вступила на путь одинокой и нелегкой жизни, отдав всю себя его памяти и нашей дочери.

Мы не жили для концертов, для славы и рукоплесканий толпы.
<Конец вычеркнутого.>

Примечания к фрагменту № 6

«... он почти три месяца проболел двусторонним воспалением легких». См. письмо к Г.Шенгели от 2 сентября 1940 года: «И я рад, что произошло это при моей жизни: я мог и не дожидаться: ранней весной я перенёс воспаление левого лёгкого в трудной форме. И до сих пор я не совсем здоров: постоянные хрипы в груди, ослабленная сердечная деятельность, усталость после небольшой работы». Подробнее см. в «Und Doch»

«Она, имея дом, посягала на наследство, не зная, что он сделал завещание на меня, и ни на одну вещь она не имела бы права». Первое завещание поэта датировано 9 марта 1940 года: «Все, в моей квартире на Vabaduse, 3 в Narva-Joesuu находящееся, включая все книги и рукописи, принадлежит Вере Борисовне Коренди (без права кому-либо передачи), что я и удостоверяю своею подписью. Игорь-Северянин (Лотарев)». Любопытно, что все письма и документы сгорели, а оба завещания уцелели.

Круглов Алексей Иванович — усть-нарвский курортный врач, его жена Вера Михайловна дружила с поэтом и В.Коренди.

«Оно было от его первой любви Евгении Тимофеевны или Златы». Евгения Тимофеевна Гуцан, во втором замужестве Меннеке.

«Надо же помочь старушке», — смеясь, сказал Игорь» — Очевидная ирония: Злата была старше поэта почти на год, в 1939 году ей было всего 53 года, поэту — 52. В статье П.Пильского есть описание этого же эпизода:

«Вот прошёл слух, что он собирается в СССР:

— Это правда?

Иг.Северянин объясняет, и я выслушиваю романтическую и романтическую историю.

Вдруг он получает письмо от женщины по имени Злата. Она пишет ему из Берлина. Это, оказывается, его первая любовь. Она говорит о том, что едет в Выборг, что было-бы хорошо увидеться после стольких лет разлуки, что, может быть, недурно совершить это путешествие вдвоем.

— Конечно, — говорит Иг.Северянин, — я Женичке тотчас-же ответил..

— Как Женичке? Ведь, она — Злата?

— О, Злата это — ея поэтическое имя. В жизни и для всех остальных она — Евгения.

И вот Северянин отправляется с женой встретить свою первую любовь. Он волнуется. Автобус останавливается. Игорь Северянин просит жену пойти и встретить "Злату":

— Вот, выйдет старая женщина, — может быть, даже с палочкой, — тогда, значит, это и есть Злата.

Жена пошла, внимательно оглядела всех старух и престарелых, но Златы не было. Ни одна из них не была похожа на описание, сделанное Северяниным. И он, стоявший в отдалении, отправился домой. Уже подходил к своему крыльцу, как увидел стоящий автомобиль. Из него вышла изящная женщина в чудесной шляпке, очень нарядная, с пылающим румянцем на лице, с ярко красными губами и, улыбаясь, весело упрекнула:

— Стыдно не встретить старога друга! А я простояла у автобуса чуть ли не 10 минут!

Современные женщины не знают старости, и это чудо им приносят не только гигиенические условия современной жизни, но еще и мастера возвращать молодость, - косметические кабинеты, макияж, - теперь и краски нужны не только художнику.

Злата пожила в Гунгербурге, уехала, и снова настали тишина и зимние дни». Сегодня вечером. Рига, № 282, (после 10 декабря 1939 года).

«Она ещё несколько раз предлагала ему уехать с ней в Берлин. Сравни в письме к С.Карузо от 20 августа 1939 года: «От нас только что (16 авг.) уехала героиня моего романа "Падучая стремнина" (...) Теперь она зовёт нас в Берлин к себе, конечно, на все готовое. Только при таком условии и возможно поехать. Инициатива и нажим её, не наши».

В письме к С.Карузо от 24 марта 1940: «А Злата уехала в Берлин 16 авг. Пишет редко и невразумительно... Она увезла с собою тетрадь со всеми моими нотами (на мои слова), думая вернуть в октябре, когда мы должны были ехать к ней. И теперь я в отчаянье: как получить их? По почте нельзя. А там решительно все переплетено, и купить нельзя...»

«И, наконец, свершилось: Злата переехала в Шмецке, на дачу к И.Б.» Сравни далее в книге В.Кругловой «Тепло прошедших дней»: «Летом тридцать девятого года к Северянину из Берлина приехала когда-то близкая ему женщина, которую он называл Златой и посвятил ей поэму, названную тоже "Злата"», et cetera. Описанный эпизод даёт нам совершенно иную картину отношений В.Коренди со Златой, а также иную мотивацию переезда Златы в дом к Ирине Борман.

«...из Тойла постоянно присылался кто-то. Он ежедневно справлялся: умер ли Игорь?» — Расстояние от Тойла до Усть-Нарвы — около 45 километров и отсутствие прямого транспорта не позволяет ежедневно в течение минимум трёх недель присылать кого-то за справкой. Вероятно, речь идёт об Ирине Борман, которая могла приходиться из Шмецке (около 5 километров от Устья), чтобы справиться о состоянии здоровья поэта и потом сообщать о нём Фелиссе.

Справка, удостоверяющая право получения Верой Коренди гонораров за публикацию произведений Игоря-Северянина на бланке Союза советских писателей ЭССР выдана 26 августа 1946 года. Второе завещание поэта было составлено 25 октября 1940 года: «Ещё раз подтверждаю, что все мои рукописи, книги, носильные вещи и вся обстановка квартиры в Narva-Joesui, Vabaduse, 3 принадлежит после меня исключительно моей жене по совести Вере Борисовне Коренди. Прошу её никому не уступать и с претендующими на них судиться по всем инстанциям. Игорь-Северянин (Лотарев)». Собственноручную подпись Игоря-Северянина и Георгия Шенгели подтвердили Всеволод Рождественский и Георгий Шенгели. Их подписи удостоверил ответственный секретарь СП ЭССР Пауль Вийдинг 17 августа 1946 года.

«Стихотворение "Последняя любовь". История его появления такова» — написано 18 апреля 1940 года и не является вообще последним стихотворением поэта; впервые опуб. в Харбине, «Рубеж», №21 (642), 18 мая 1940. Последним известным стих. является эпиграмма на доктора Круглова, написанная 10 апреля 1941 года.

Фрагмент № 7

Поэт стал кашлять, показались «цветочки», как говорил доктор Круглов. Открылся туберкулёз лёгких. Мы укрылись на улице Поска 25, в чердачном помещении. Положение было кошмарное: ни гроша за душой, ничего... И никаких надежд. Ни помощи, ни участия. Москва была далеко. Но только Москва и пришла навстречу: нам послали машину для переезда с Устья...

К нашему отчаянию, мы, увы, не увидели её даже издали. Машину перехватил другой, неизвестный... Он-то и перевёз свою семью под «чужой маркой»...

Не буду называть его имени: я не прокурор и не судья.

Но, прочтя мои горькие воспоминания, пусть он осудит сам себя. Конечно, если у него есть совесть! В чём я почему-то очень сомневаюсь. Слишком много вокруг него лжи, довольно наглой и некрасивой. Бог с ним...

Между прочим, даже есть свидетели этого недостойного поступка. Протестовать не имеет смысла!!! <Далее вычеркнуто автором и восстановлено публикатором.> На устье поэт тяжело заболел двусторонним воспалением лёгких... Как это было страшно и тяжело! Одна в трёх комнатах... Совершенно одна с тяжёлобольным. Моя семья вся работала: бросить службу было абсолютно невозможно... Но материально они все время нам помогали. Всем, чем только могли.

Утром температуры не было. Он был спокоен, охотно принимал пищу, говорил со мной. К 17.00 часам резко повышалась температура, начинался жестокий жуткий бред. Его посещали тени ушедших: Пушкин, Мирра Лохвицкая, Брюсов, мать и Маяковский...

К сожалению, речи их были настолько несвязны, что записать было абсолютно невозможно... К моему великому сожалению, помню я одну единственную фразу: «Ах, Александр Сергеевич, как мне плохо! Неужели это конец? Нет, вы улыбаетесь своей хорошей, ласковой улыбкой... Значит нет! Жизнь будет продолжаться! Мне стало легко.

Спасибо, Сашенька! Спасибо!» <Конец вычеркнутого.>

И он снова впадал в беспамятство. Сколько раз во время кратких часов сознания он подзывал меня к себе и говорил: «Ах, Векша, родная моя, как хотелось бы мне отдать тебя хорошему человеку. Хоть и жаль! Уж очень ты мне дорога!»

Во время болезни Игорь как бы в забытьи твердил: «Верушка, ребёночку ёлочку. Сделай ёлочку в сочельник». Я выполнила его желание: около него 24 декабря стояла нарядная ёлка. После пожара я написала домой письмо о нашем несчастье. Девочка наша ответила: «Приезжайте скорее. Что наше — то ваше». Доброе детское сердечко! Как она поняла нашу безвыходность!

И на улице Поска не оставляли нас милые друзья Саркуля. Ежедневно посещали нас, снабжая питательными продуктами. Посещала нас и жена проф. Тютрюмова, временно жившая у себя на даче.

Очень часто приходили наши добрые врачи. Положение было действительно трагичным.

И вот судьба помогла поэту: случайно я познакомилась с немецким врачом. Мы разговорились. Я рассказала ему всю свою трагедию. Он принял в нас живейшее участие. Немедленно зашёл к больному, очень внимательно выслушал его. Потом вызвал меня в коридор и. Положив отечески руку на плечо, с грустью сказал: «Тяжёлая форма туберкулёза, надо бы в санаторий». Потом помолчал, грустно улыбнулся и тихо произнёс: «Я понимаю, сейчас это бред больного. Какая теперь обстановка! Какой санаторий! Хлопочите разрешение на выезд и уезжайте в Таллин. Я помогу вам в это время с питанием, помогу получить разрешение на выезд. Я сам немного поэт. Люблю стихи и люблю, и жалею поэтов. Не грустите». Подав мне сочувственно руку, он ушёл. И с этого дня из полевой кухни носили мне 3 раза в день питание. Это нас спасло. Не выдержать было бы и мне, не только больному, нуждавшемуся в обильном питании. Мы жили так 3 недели. Наконец, доктор принёс мне официальную бумагу на выезд, и сам отвёз нас в Нарву на вокзал. Пожелав нам доброго пути и заботливо усадив больного в вагон, этот добрейший человек ушёл. Не знаю, остался ли он жив, увидел ли свою семью и детей? Но я глубоко благодарна ему за поэта, и навсегда сохранила в душе его образ и добрую память о нем.

Дорога была мучительной и тяжёлой. Вагоны набиты. Сидеть ему пришлось где-то в уголке. А надо было лежать, чтобы не утомить изнурённое сердце. Когда же он почти опустился со скамейки на пол, я на следующей же станции пошла к начальнику и просто потребовала отдельное купе. Он не протестовал и дал даже своё. Велика была

радость бедного Игоря, когда он смог лечь! Даже получил матрац, подушку и одеяло. Бесконечно долго длился его крестный путь. Едва тянулся поезд, измучив душу и тело. Останавливался на каждом шагу. И стоял часами. Почти два дня ехали мы до Таллина. Силы иссякли. Больному необходима была врачебная помощь. И немедленная. Наконец, подъехали к Таллину. С помощью добрых людей я помогла поэту выйти из вагона. Идти он почти не мог, не было сил. Дошли до отеля «Империал» — и это было все!

«Верушка! Дальше я не могу», — сказал он и опустился на ступеньки отеля. Тогда началась охота за машинами. В полном смысле этого слова. И ни одна не желала остановиться, хотя бы из простого человеческого чувства милосердия. Ему становилось все хуже и хуже. А что испытывала я — не пожелаю даже и врагу. Наконец. Я остановила «Красный крест». Удивительно, но сестра милосердия даже не пожелаала помочь поэту подняться. Только после моего довольно резкого слова она сооблаговостила выйти из машины и, ворча, усадила больного.

Вот когда я узнала, что такое «ближний», что такое «человек»! Человек без души и сердца. Даже медицинский работник, призванный к милосердию!

На улицу Ретке подъехали поздно вечером, но окна нашей квартиры были слабо освещены. Мы поднялись по лестнице, и я позвонила. Понеслись взволнованные шаги, и моя милая тетя Женя со слезами на глазах стояла на пороге. Увидев Игоря, она протянула руки и помогла войти. Вся семья ласково и радостно встречала нас. Усадили за стол, накормили, чем могли. Родная наша девочка просто сияла. «Мамочка! Точша! Как я рада! Не грустите! Все у вас будет!» Моя милая родная единственная! Как я благодарна тебе за эти тёплые слова! Поэт с усилием улыбнулся, наклонился и поцеловал головку дочери.

Мы провели уютный вечер. Стало тепло и особенно легко на душе. От родного дома, от их ласки и приветов, от тепла родного очага. Хотя света не было: горели свечи и маленькие светильнички. Все равно было хорошо. Игорь даже читал свои стихи. «Евгения Ивановна», — вдруг сказал поэт, — «только бы вам хлопот не наделать. Только бы...», — он остановился и опустил голову. «Да ну, Игорь Васильевич, что Вы! Бросьте эти мысли. Все будет хорошо», — ответила она.

На другой же день я постаралась позаботиться о враче. Моя добрая знакомая — доктор Каннелауд — жила в Кадриорге. Она ни минуты не медля, поехала со мной. Внимательно выслушала его, покачала головой, прописала лекарства. Жалея ребёнка и больного — прописала

добавочные чеки на питание. Так что мы были крепко обеспечены молоком, маслом, сахаром.

Это было 30 октября 1941 года. А вернулись мы в нашу семью 29 октября, как раз в день моего рождения. К великой радости всех, а особенно мамочки. К сожалению, не было света, было ограниченное количество топлива. Несмотря на это, было уютно, тепло на душе. Одиночество куда-то исчезло.

Ноябрь протекал в такой же безнадёжной и мрачной обстановке. Отсутствие света и тепла угнетало бедного избалованного поэта. Мрачный город, точно чего-то ожидающий, тоже томился неясным тягостным предчувствием.

За лекарствами приходилось красться по чернеющим улицам, под постоянным ожиданием чего-то неизбежного и жуткого. Оставляя семью, а главное больного, переживала ужас. Я опасалась за них. Боялась, что поэт уйдёт в «небытие» без меня. Что моя рука не сможет ободрить его нежным прикосновением, уловить его последний угасающий взгляд. С болью в сердце вспоминались его горькие слова: «Мне, кажется, я умру без тебя».

А ноябрь летел и летел, унося с собой все минувшее. Гасли мгновения, канули в вечность, чтобы не вернуться никогда.

19-го декабря врач пришёл снова, очень рано. Выслушав больного, она шепнула мне: «Сегодня ночью посидите с ним. Не уходите». Эта фраза ударом кинжала ранила моё сердце. Я поняла, отчего она меня просила об этом. Подозвав девочку, она обняла её и, поглаживая золотую головку, ласково сказала: «Папе нехорошо. Пусть мама посидит около него». Люша молча наклонила головку.

Однако ночь прошла спокойно. 20 декабря я пошла в аптеку. Не помню, долго ли я ходила. Только возвращаясь на свою улицу, я увидела тётю Валу, которая буквально бежала мне навстречу. «Господи, где ты только ходишь?» — простонала она. «Человеку так плохо. Может быть, уже и кончился».

Как безумная, кинулась я домой. Двери были открыты. Около него хлопотала медсестра. Опустившись на колени, я обняла его голову. Он был уже без сознания, но ещё не совсем остыл. Помню, как я в отчаянии твердила: «Это неправда! Неправда!» И так, все было кончено. Для меня... Все...

Я ничего не соображала: мне не вместить было в душу весь ужас случившегося, воспринять облик «незнакомки в белом». Опять вспомнила слова Игоря: «После тебя — никого. Только “незнакомка в белом”»*.

Мама и девочка были в школе. Послали за ними. Люша пришла вся залитая слезами. Только шептала: «Ах, мама! Ой, мама! Что же это?» Моя мама подошла ко мне и, обняв, сказала со слезами на глазах: «Не плачь! Я тебя не оставлю».

Три дня он был с нами. Лежал в белой последней постели, нарядный и спокойный. Первую ночь разлуки я просидела около него. Не знаю, задремала ли я или было это наяву, но он вдруг поднялся, сел и посмотрел на меня. «Игорь! Что же теперь делать?» — стоном вырвалось у меня. «Уедем вместе», — ответил он, не глядя на меня. Но я не уехала. Нет! Я осталась жить, чтобы вырастить нашу дочь, сберечь её, оградить от злого мира.

Целые дни я проводила около него. Меня насильно уводили из комнаты. Моя добрая семья помогала мне пережить моё великое горе

Большим и единственным помощником в моей глубокой скорби был писатель Юхан Яйк. Он добыл поэту постель, все необходимое, помогал приготовить поэта в последний путь.

На второй день, вернувшись домой, я узнала, что приехали из Тойла две сестры. Ф.М. бросилась мне на шею со словами: «Он ушёл к вам по доброй воле! У нас любви давно уже не было». Просила что-нибудь на память. Но что могла дать я, все потерявшая, ей. У которой был целый дом, полный памяти о нем. «К сожалению, ничего не могу», — ответила я. Обе сестры восторгались красотой, окружающей ушедшего поэта. И, действительно, было красиво. Около его головы дремали чудесные хризантемы. Синевато-черные волосы заботливо расчёсаны моей рукой. Около гроба небольшая этажерка с его рукописями. Между прочим, исчезла одна рукопись «Громокипящий кубок». Куда — не знаю. И до сих пор, я её не могу отыскать.

Провожали мы его дома. Священник Каменев сказал прекрасную речь о его творчестве. Пел хор регента Степанова просто великолепно. У самого гроба стояла только моя семья. Дочь нельзя было оторвать от него. Она просила срезать ей локон отца. Он до сих пор хранится у меня.

Последнее успокоение он нашёл на Александро-Невском кладбище. Была непогода. Шёл липкий холодный снег. Слезы мои застывали на траурном крепе, который я не снимала 8 лет... Наконец, он лёг на вечный покой. Провожали его: моя семья, И.Б. <Ирина Борман>, сестры из Тойла, Ю.Яйк, и Е.Белов. Когда все кончилось, все исчезли, остались только мы. Между прочим, И.Б. пришла, разыгрывая друга, и сказала очень глупую и неподходящую к обстановке фразу: «Вера, совсем не страшно».

Итак, все было кончено. Все...

После смерти поэта начались ожесточённые бомбёжки. Это было что-то дикое и отчаянное. Беспощадно пострадал и наш дом на прямое попадание. Мы опять остались без крова.

Примечания к фрагменту № 7

«Поэт стал кашлять... Открылся туберкулёз лёгких. Мы укрылись на улице Поска 25» — Речь о событиях первой половины сентября 1941 года. Согласно свидетельству В.Кругловой, поэт и В.Коренди из дома № 20 по улице Раху в Усть-Нарве перебрались в церковный дом по адресу Поска, 32. В Personalausweis Игоря Лотарева, выданном 8.08.1941 указан уже другой адрес — улица Я.Поска, 45.

«Машины перехватил другой, неизвестный... Он-то и перевёз свою семью под "чужой маркой"» — В похищении автомашины В.Коренди обвинила поэта, литератора и переводчика с эстонского Юрия Дмитриевича Шумакова. Эпизод относится к утру 14 августа 1941 года. Утром обнаружилось, что семья Шумаковых, остановившееся в доме по ул. Раху, 20, где укрывался Игорь-Северянин, исчезла.

Мотив «ухода по-английски»: опасение Юрия Шумакова спровоцировать скандал с Игорем-Северяниным. На Шумакове лежала забота о престарелых родителях, плюс поддельные эвакуационные удостоверения только для членов семьи, плюс наличие репрессированного члена семьи. В 1940 году Лев Шумаков брат Юрия был арестован НКВД за антисоветскую деятельность в рядах РСХД.

Мотив «обвинения»: перспектива эвакуации в советскую Россию вызывала у В.Коренди чувство панического ужаса, ехать в эвакуацию без дочери, которая находилась в Таллинне, для В.Коренди было невыносимо. Нужна была объективная причина, чтобы снять с повестки дня вопрос об эвакуации.

«Даже есть свидетели этого недостойного поступка» — По воспоминаниям жены курортного врача Веры Кругловой, Коренди рассказала об «угоне машины» якобы со слов соседей. В 80-х годах, Коренди сделала «свидетелем» угона отца профессора ТГУ Сергея Геннадьевича Исакова. Геннадий Филиппович Исаков был арестован НКВД ещё в мае 1941 года.

«Прочтя мои горькие воспоминания, пусть он осудит сам себя». Сравни в письме В.Коренди к директору Усть-Нарвского краеведческого музея Е.Кривошееву от 29.06.1986 с уведомлением о посылке ру-

кописи воспоминаний: *«Уважаемый т.Кривошеев! Посылаю обещанное. Но это только Вам. Никому прошу в руки не давать. Особенно Ю.Шумакову».*

«На устье поэт тяжело заболел двусторонним воспалением легких...» Ещё одно обращение к мотивам болезни, случившейся ранней весной 1940 года, на этот раз уже в контексте событий августа 1941 года. Свидетельство того, что В.Коренди искала для этого выигрышного, эпизода наиболее подходящее место в своих мемуарах.

«И он снова впадал в беспамятство...» Фрагмент относится к декабрю 1941 года, т.е. к самым последним дням жизни поэта.

«После пожара я написала домой письмо о нашем несчастье». Пожар на Вабадусе, 3 случился после 14 августа, точная дата не установлена. На следующий день после пожара в Усть-Нарву вошли немцы. После 14 августа поэт какое-то время укрывался в бетонном гараже на улице Айя рядом с дачей Шкарвана.

Письмо дочери Веры Борисовны Валерии: есть сомнения в том, что в первой половине августа 1941 года почта работала исправно.

«И на улице Поска не оставляли нас милые друзья Саркуля». Эпизод отнесён к первой половине 1941 года. Сомнительно, чтобы уже была налаженная переправа из Саркуля через Россонь и Нарову в Усть-Нарву. Скорее всего, упоминание о друзьях из Саркуля перенесено в этот эпизод из ранней весны 1940 года.

«Очень часто приходили наши добрые врачи...» — Круглов и Левицкий.

«Мы жили так 3 недели. Наконец, доктор принёс мне официальную бумагу на выезд». **Personalalausweis** Игоря Лотарева выдан 8 августа 1941 года. Вероятно, получение удостоверения предшествовало разрешению на проезд до Таллинна или было оформлено одновременно.

«Случайно я познакомилась с немецким врачом...» В 1987 году В.Коренди рассказывала журналистам:

«Совершенно случайно я познакомилась с одним доктором — немецким офицером. И вот он, единственный человек, который помогал. Он сказал: "Я тоже поэт и я ненавижу фашистов". Он не назвал своего имени, но он три раза в день носил нам еду. (...) Сказал, что у Игоря Васильевича тяжёлая форма туберкулёза». (Магнитофонная запись в архиве публикатора.)

Если суммировать другие рассказы Веры Борисовны, получим следующую картину:

«Мне случайно встретился один немец — доктор. Он сказал, что он тоже поэт, и определил у него тяжёлую степень туберкулёза: "У Вашего отца..." Я говорю, это мой муж. Удивился очень». *«Наконец, доктор принёс мне официальную бумагу на выезд, и сам отвёз нас в*

Нарву на вокзал...» «Потом достал нам разрешение на выезд в Таллинн... Достал машину и отправил нас в Таллинн. Мы три дня ехали до Таллинна».

«Это было 30 октября 1941 года. А вернулись мы в нашу семью 29 октября, как раз в день моего рождения» В документально-игровом фильме режиссёра Юлии Силларт Вера Борисовна рассказывает: *«Наши были, конечно, очень рады. Я приехала ровно в день своего рождения — 29 октября».* Однако Вера Круглова вспоминала, что 30 сентября Вера Борисовна и поэт всё ещё находились в Усть-Нарве: *«30-го сентября, в день моих именин я с плиточкой шоколада, которая у меня сохранилась, иду к Северянину. В комнате деревянный стол, железная кровать, на которой лежит чем-то прикрытый Игорь Васильевич. Он не поднимается с постели. Это совершенно разбитый морально и физически человек. Не помню, что он говорил, да и говорил ли вообще. Это была моя последняя встреча с ним».* (В.Круглова. Тепло прошедших дней.)

«Около него хлопотала медсестра...» По другим сведениям, поэт умер на руках у Валерии Боисовны — сестры Веры Борисовны. Валерия превратилась в безымянную медсестру, потому что к этому времени сестры находились в ссоре.

«Между прочим, исчезла одна рукопись "Громокипящий кубок" ...» Авторукопись подготовленного поэтом 11 издания «Громокипящего кубка» была передана Фелиссой Лотарёвой в Тартуский литературный музей имени Ф.Р.Крейцвальда, где и хранится поныне.

«Последнее успокоение он нашёл на Александро-Невском кладбище...» В 1987 году Вера Борисовна утверждала, что поэт похоронен в ограде вместе с его родственницами. Затем появилась новая версия: место для могилы пришлось искать: *«Умер он в 11 часов утра 21 декабря. Ох, как мы искали место на кладбище. У меня же было место, но туда не позволили».*

Похоронить поэта в семейной ограде Запольских не позволили тётки. Ошибка в дате смерти — 21 декабря вместо 20-го объясняется тем, что Вера Борисовна в этот момент была озабочена утверждением того, что поэт умер именно на её руках, а не на руках Валерии, и что выбор конкретного места упокоения — «Это была его воля!».

«После смерти поэта начались ожесточённые бомбёжки. (...) Беспощадно пострадал и наш дом на прямое попадание ...» Со слов

Веры Борисовны, по приезде в Таллинн, они остановились у её тётки Евгении Ивановны на улице Ретке. Запись в Surmaregister (Регистр умерших) свидетельствует, что Игорь Лотарев скончался в Таллинне в доме по адресу Рауа, 52, квартира 5. Правая сторона улицы не сохранилась. Запись сделана на основании врачебного заключения, представленного Валентиной Фёдоровой ещё одна тётка Веры Борисовны), проживающей по тому же адресу.

Фрагмент № 8

Хочется немного рассказать о наших посещениях Таллинна. Мне, конечно, очень хотелось побыть в патриархальной и доброй обстановке моей дорогой и светлой семьи. Игорь любил дочь, уважал и любил мою семью, но тот факт, что все это было сопряжено с городом, с поездкой, с вагоном, где были чужие, ненужные ему люди — все это отравляло и портило его капризное избалованное настроение. Уже накануне оно начинало катастрофически портиться. По несколько раз он вынимал из бумажника заранее приобретённые билеты, как-то брезгливо и бессмысленно вертел их в руках, снова укладывал в бумажник, иногда поглядывая на меня испытывающим взглядом. Я хорошо понимала, что это значит: может быть, никуда и не поедем. Да, бывало и так! Билеты летели спокойно в печку, а мы... на рыбалку. Конечно, горько было обманывать девочку и семью, все приготовившую к нашему приёму! Приходилось присылать телеграмму с извинением, найдя какой-нибудь предлог или причину невозможности приехать. Глубоко было огорчение ребёнка! Ведь она так ждала нас. Но, увы, его воля была сильнее моей. Приходилось мириться. Успокоив себя на любимой реке, поэт возвращался почти в радушном настроении. Проходила пара дней — снова покупались подарки девочке, снова были в бумажнике билеты. Я не просила, не настаивала: я ждала! Ждала, как милости его решения.

И оно приходило. Собирался чемодан, на секунду, по обычаю, присаживались перед поездом, тщательно занавешивались окна, закрывались накрепко двери, и мы ехали в Нарву на вокзал. Перед этим посылались весёлая телеграмма домой.

Ехали молча, но не в угнетённом состоянии. Помню хорошо таллиннский вокзал, тётю Валу и маленькую бегущую навстречу девочку. Её форменная шапочка сползала на бок. Она вся сияла, придерживая её ручкой. Я с благоговением принимала её в свои объятия. Что могло быть святее этих минут? Боже мой! Они уже неповторимы.

Мы здоровались с тётёй степенно и ласково, как это умел Игорь. Брали такси и неслись на Тарту мнт. 25 <32\2>. Этот дом до сих пор цел.

Мне даже Союз Писателей Москвы несколько лет назад хотел вернуть эту памятную квартиру. Я даже была там, но, увы, не узнала её. Все было испорчено, ванна уничтожена, балкон забит. Населена она была многочисленной толпой людей. Им всем была нужна квартира, а достать её было невозможно. Так мечта и осталась несбывшейся мечтой! Пара дней проходила мирно и почти весело. Поэт гулял с дочерью, занимался с ней, проводил уютные вечера за общим столом. Много читал и рассказывал. Читать он любил свои стихи, посвящённые мне и девочке, а также «В парке плакала девочка». Рассказывал о Маше <Марии Неупокоевой, няне>, о своём детстве, о матери, о сестре Зое. Любил он вспоминать о Римском монастыре, о его таинственных кельях, о замке Храстовец и его роковых часах на воротах.

Увы! Не надолго его хватало! На третий день начиналась хандра. Как пойманный лев, он метался по квартире, с ненавистью глядя в окно на голую улицу. Все наши понимали, что это значит. Печалью подёргивались прекрасные глаза Люши, но и она не протестовала. Она понимала отчаянье и тоску поэта. И смирялась. Через пару дней нас провожали в деревню. Игорь сиял. Был любезен и шутил. А моё материнское сердце нестерпимо болело. Как хотелось мне быть около ребёнка нашего. Поезд медленно стал отходить от станции. Я смотрела на личико девочки, и было больно, очень больно. А она не плакала: она молча переживала. Я тоже не плакала: я приносила в жертву поэту материнскую любовь. И он ценил это. Он был мне благодарен.

Примечания к фрагменту № 8

«Игорь любил дочь, уважал и любил мою семью» — в письмах к Фелиссе поэт неоднократно жаловался на родственников В.Коренди и «ребёночка».

«Брали такси и неслись на Тарту мнт. 25...» Вероятно, опечатка: родственники жили в доме № 35/2. Дом сохранился. Квартира находилась во втором этаже.

«Рассказывал о Маше, о своём детстве...» Няня поэта Мария Неупокоева упоминается в воспоминаниях В.Коренди только дважды. Между тем Неупокоева жила в их семье не менее трёх лет и всегда находилась рядом, в той же комнате, что Игорь Васильевич и Вера Борисовна.

«Любил он вспоминать о Римском монастыре...» — правильно: Рильский монастырь в Болгарии.

Фрагмент № 9

Я хочу рассказать, как мы жили с поэтом все эти годы. Да, уединённо, тихо, без общества, без лишних людей. Одни стихи и полная тишина в нашем голубом замке. Ни радио, никаких музыкальных инструментов. Да, собирались купить очень небольшое кабинетное пианино, т.к. то, что было в Таллине, нужно было дочери. Мы не чувствовали недостатка ни в чём, музыка звучала невидимо в душе, тихая, тихая. Не тревожащая нервов. Мы и разговаривали мало, мало! Ведь поётся же в одной мудрой песне: «Ведь порою и молчание нам понятней ярких слов!»

Да, нам они и были не нужны: все было само собой ясно, все было сказано. Мы понимали друг друга по взгляду. Так же, как я впоследствии с нашей девочкой. Стоило ей что-либо подумать, как у меня уже рождался ответ. Такое глубокое родство душ было в нашей семье. «Наш дом — наша крепость», — говорил Игорь. «Это — "святая святых", которую преступить дано очень немногим». И, действительно, в наш дом входили лишь избранные. Так хотел поэт, так хотела я. Лишние глаза, лишний человек. Все это тревожило и беспокоило нас. Какое счастье быть в своей семье, с людьми, которые тебя понимают с полуслова, соблюдают твои «монастырские уставы», берегут твои традиции.

Мы не справляли ни рождения, ни именин с гостями. Так тихо, светло, без лишних людей. И не замечаю, что это было неправильно. И я замечаю, что это было правильно. Вся жизнь моя доказала мне это в будущем. Все люди, которых мы привечали, успокаивали, поили, кормили, отплатили мне и нашей девочке чёрной неблагодарностью. Они прикидывались «верными друзьями», а оказывались равнодушными и безличными.

Это все доказали в 1982 году, когда меня потрясло великое горе: потеря дочери. Все забыли, все бросили. Конечно: «Сытый голодного не понимает» Они сыграли «в сочувствие» и отошли. Чтобы никогда не появиться вновь. Вот почему мы с Игорем сторонились людей. Мы не верили им. И никого не допускали к «сердечной тайне». Слишком много «заморышей» было вокруг! Даже в новый год, в сочельник — у нас никого не было. Никого, мирно, тихо, благоговейно встретили мы в одиночестве эти большие праздники. И не жалели об этом. Особенно, вспоминая, «Злату».

Помню, маленькую, маленькую ёлочку на моем туалете. Тихие пёстрые свечки, тишина в замке, тишина за окном, и в сердце. Деревенские понимали это и не тревожили нас. Поздравят тихо, тихо, нанесут

гостинцев, скромно попьют чайку и с поклоном также тихо и уходят. И так после них мирно на душе, так тепло и светло. Зачем нам нужны были гости? Зачем?

Примечания к фрагменту № 9

«И никого не допускали к "сердечной тайне". Слишком много «заморышей» было вокруг!» — намёк на любимое поэтом посвящение К.М.Фофанова:

Я гость не лишний, не случайный
И говорю Тебе: Поверь,
Нежнее будь с сердечной тайной
И к ней припри плотнее дверь.

Оберегай её как сторож,
Когда падёт ночная тень,
Чтобы какой-нибудь заморыш
Не отравил твой добрый день...

1910 г., осень, Гатчино

Максим Иванов

Стихи из железной шкапки

От удара ногой дверь распахнулась — немецкие гренадеры. «Аусвайс!» — офицер-эсэсовец подчеркнуто медленно вошел в комнату.

За последнюю неделю паспорта у обитателей этой квартиры проверяли дважды: проверка служила предлогом для обыска. Открывали печные заслонки, шарили в шкафу с бельем, выбрасывали под ноги нехитрые пожитки.

— Госпожа Коренди, — спрашивал в который раз офицер, — может быть, вы покажете что-либо из рукописей мужа? Нет? Ну, решайте сами. Если найдем... Девочка не заразна? — брезгливо кивнул эсэсовец на детскую кровать. Через мгновение солдат, схватив край матраса, рывком сбросил его вместе с ребенком на пол.

— Меня бьет дрожь, когда я вспоминаю годы оккупации, — рассказывала мне через тридцать пять лет, переживая все заново, дочь поэта Игоря Северянина Вероника <Валерия> Игоревна. — Маленькая железная шкапка с рукописями папы лежала у меня под спиной, и когда я падала, успела подумать: только бы она не брякнула. Вот так рукописи спаслись... Ведь это одни из самых последних стихотворений отца...

Вероника Игоревна, к сожалению, рано ушла из жизни. Вспоминая теперь встречу на улице Ярве в Таллине, в конце семидесятых, перебирая несколько семейных снимков, подаренных мне тогда, с грустью думаю о мечте дочери Северянина дожить до тех дней, когда рассказ об ее отце, его полной драматизма жизни вдали от Родины станет известен не только редким посетителям таллинской квартиры Северяниных.<...> В Таллине сегодня можно встретиться с женой поэта Верой Борисовной Коренди («Фамилия Коренди — это эстонизированное Коренева»), его внуками Борисом и Игорем. <...> А тут — кто бы мог предположить? — такая ниточка из прошлого: здравствующая жена, она уже в преклонном возрасте, внуки... <...>

— Книги отца, мама, знаете ли, бережет особо. Их здесь не найдёте. — Вероника Игоревна расставила на столе кофейные чашки.

— Интересно: а рукописи, письма у вас сохранились?

— Почти все, что у нас было, в 1947 году мы сдали в Центральный государственный архив литературы и искусства. Еще до этого некоторые письма мама и отец сожгли в камине — это было, знаете ли, слишком личное. Но большая часть архива Северянина погибла в Усть-Нарве во время пожара в 1941 году. Это страшная потеря. Сгорели тогда письма Брюсова, Маяковского, Алексея Толстого, Рахманинова... Книги — с дарственными надписями и автографами поэтов, прозаиков Москвы, Петербурга начала века, переписка отца с деятелями культуры на любимой Родине, очень редкие фотографии, картины Рериха, Чюрлёниса. В доме всего-то было три небольшие комнаты,— продолжала рассказ Вероника Игоревна.— Правда, папа все устроил по своему вкусу: сам ставил, переставлял, украшал. Тогда же мы узнали, что подожгли дом соседи, сын мясника Ивкина «со товарищи». Конечно, их руками это сделали те, кто отца люто ненавидел: окопавшиеся в Эстонии белоэмигранты. Они отца не раз пытались запугать. Но Северянин не пошел ни на какие сделки с врагами Советской власти. Да иначе, чем «лакеи», «двуногие», он их не называл... Так вот пожар. Мы ночевали тогда у знакомых. Прибежали, когда крыша уже провалилась. Отцу сразу стало плохо. Представить нетрудно, какое это потрясение для писателя — сгоревший архив. С тех дней отец уже почти не приходил в себя. А когда он умер, знаете, на похороны, на Александро-Невское кладбище, никто не пришел. Вдвоем с мамой шли мы за гробом. И с горьким чувством вспоминались строки, написанные отцом когда-то:

Как хороши, как свежи будут розы,
Моей страной мне брошенные в гроб.

Я тяжело болела после. А эти слова, будто заноза, сидели в памяти. Не мне судить отца, покинувшего Родину в то тяжелое время, — началась гражданская война, — продолжает Вероника Игоревна. — Но сама истина требует сказать о том, как это случилось...

Северянин любил Эстонию. До революции он летом часто выезжал с семьей на Нарвское взморье и в поселок Тойла. Там до сих пор стоит его маленький дом, состоящий из двух крохотных комнат да кухни. Туда, спасаясь от продовольственных затруднений, впрочем, это не те слова, точнее, спасаясь от голода, со смертельно больной матерью на руках Северянин вынужден был волею обстоятельств выехать на время из Петрограда. Но отделение Эстонии от России поставило его в прискорбное положение эмигранта. Впрочем, сам он никогда не считал себя таковым:

Нет, я не беженец и я не эмигрант...
Мне не в чём каяться, Россия, пред тобой:
Не предавал тебя ни мыслью, ни душой...

<...> Тогда я не застал в Таллине Веру Борисовну Коренди, жену поэта. Но вскоре, возвращаясь с отдыха, она на несколько дней остановилась в Москве.

Большие серо-голубые глаза ее размыты временем. Говорит легко, но порою в речи большие паузы: Вера Борисовна вспоминает, и, верно, встают перед ней ушедшие лица, картины. Его лицо — мужа, поэта. Но и оно постепенно расплывается. Время, время...

— Как мы познакомились? — переспрашивает Вера Борисовна. — Был вечер Северянина в Таллине. Я тогда пробовала себя в поэзии и решила передать ему тетрадь своих стихов. Ответа долго не было. Но вот получаю однажды записку: «Продолжайте в том же духе, в вас искра божия, стихи мне ваши близки». Завязалась переписка, и он приехал.

ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ

Посвящается В. Б. Коренди
Нарва-Йыэсу, 1940

Ты влилась в мою жизнь,
Точно струйка токая
В оскорбляемый водкой хрусталь.
И вздохнул я словами: «Так вот ты какая...»
«Вся такая, как надо».
В уста ль поцелую тебя,
Иль в глаза поцелую, —
Точно воздухом нежным дышу.

И затем, что тебя повстречал я такую,
Как ты есть, я стихов не пишу.
Пишут лишь ожидая, страдая, мечтая,
Ошибаясь, моля и грезя.
Но писать после слов вроде «Вот ты какая...»
«Вся такая, как надо», — нельзя.

(Публикуется впервые)

— Он очень скучал по России. Эта тоска накладывала отпечаток на все его творчество, — вспоминает Вера Борисовна. И как будто сама себе читает:

И вот мы остались без Родины,
И вид наш и жалок и пуст.
Как будто бы белой смородины
Обглодан раскидистый куст...

— Помню, мы брали лодку и плыли до места, где Россонь сливается с рекой, бегущей дальше через землю России. Там, на берегу, обычно стоял красноармеец, пограничник.

— Пожалуйста, отвернитесь, — просил Игорь. Его там уже знали. Пограничник отворачивался, и он бросал в воду цветы — чтобы приплыли они на Родину.

А самыми трудными, уже после смерти мужа, для нашей семьи стали годы, когда в Эстонию вошли фашисты. Об обысках на нашей квартире вам, вероятно, дочь уже рассказывала. Меня не раз вызывали в гестапо. Я не знаю точно, какие цели преследовали те, кто допрашивал меня о друзьях Северянина, его творческих привязанностях, рукописях мужа. Но догадаться нетрудно: я была вдовой русского поэта, дружески связанного со многими выдающимися людьми Советской России, начинавшими свой творческий путь еще до революции.

В гестапо меня спрашивали о том, не приезжал ли муж в Советскую Россию. Я утаила, что ему несколько раз, правда без паспорта и ненадолго, удалось побывать в Воронеже, Петрограде, он даже выступал там на поэтических вечерах. Но семья оставалась в Эстонии — ему приходилось возвращаться. Вспоминаю и то, с каким недружелюбием встречали его на родной земле пролеткультовцы, рвавшиеся, как вы знаете, и самого Пушкина сбросить с «корабля современности». Что уж тут говорить о Северяnine!..

Нас звал к себе в Индию Рерих. Но ведь это еще дальше от нашей земли..

Далее приложено стихотворение Игоря-Северянина «Письмо до первой встречи» с пометкой «Публикуется впервые»:

Знаешь, Ляля, милая, родная,
Дорогая Лялечка моя,
Что скажу тебе я, умирая,
Потому, что жить не в силах я.
Я скажу тебе, что слишком поздно
Ты была дарована судьбой? <...>
Et cetera.

— Игорь Северянин в этих двух стихотворениях,— продолжает Вера Борисовна,— перестал бояться «старения» слова, много экспериментировал с формой. Проще стала и его рифма. Но не стала хуже, не стала менее интересна.

Время на чужбине — трудное для каждого. Многим ли нужны были в буржуазной Эстонии, наводненной огромным количеством «бывших», бежавших от революции, стихи поэта, открыто признававшего Советскую Родину? Северянин писал болгарскому ученому С.Чукалову: «Мы уже вторую неделю питаемся картофелем с крупной, кристаллической солью... Вокруг — звереющий буржуазный мир и убивающее душу равнодушие... К сожалению, новых книг не пишу — не для кого». Вот в такой обстановке и приходит иногда поэту страшная мысль — оборвать все разом. «На льду...» — стихотворение-исповедь больного и уставшего человека. Да, теперь он не одинок. Есть друг, на плечо которого можно опереться. Тихое семейное счастье, кажется, нашло его. Но на счастье это уже нет сил. Все — слишком поздно. Тем не менее последние строчки стихотворения все же проникнуты пусть робкой, но верой в лучшее будущее.

Далее приложено стихотворение Игоря-Северянина «На льду озера Улясте» с пометкой «Публикуется впервые»:

Плечо к плечу вдоль озера мы шли,
В воде ища забвенья от земли
Такой, никак не подходящей нам,
Нам, преданным без выполнения снам. <...>
Et cetera.

Источник: Дружба. 1987, январь-февраль, №1. Совместное издание ЦК ВЛКСМ и ЦК ДКСМ шесть раз в год одновременно в Москве и Софии на русском и болгарском языках.>

Из писем В.Б.Коренди Л.Н.Лашуку:

Лаврентий Николаевич Лашук учитель из Донецка. Публикуется по интернет изданию «Дикое поле» № 1, 2002 год

1.VI.1984.

Светлый Лаврентий Николаевич!

Спасибо за теплое письмо. Оно согрело душу мою, и еще раз я поверила в добрые сердца... На мою долю выпало много горя. Недаром поэт сказал: «Судьба твоя — Аленушка, на бережку всплакнувшая»*.

Я вынесла много. Меня не жаловали здесь. Он покинул для меня эстонку — и этого мне не простили и, увы, до сих пор не прощают. Я вышла от тяжелой болезни: двустороннее воспаление легких... Потом потеря нашего небольшого домика 1940 г. — до войны. Один безумец поджег всю нашу улицу в Усть-Нарве*. Не пощадил и наш домик. Мы остались буквально без всего. Я с большим трудом вывезла его в Таллин, где жила моя семья. С 29-го октября (ровно день моего рождения) до 21 декабря вся наша семья боролась за его жизнь. Была и врачебная помощь, но гибель нашего «голубого домика» оборвала его жизнь. Никто не помог мне, кроме моей родной семьи... Мы проводили его благостно и очень красиво. Из Союза писателей Эстонии не было никого... В общем — одна трагедия и незаслуженные обиды. Все эти годы я и наша единственная дочь ухаживали за его могилой. Скромная мемориальная доска тоже поставлена нами. Отношение абсолютно безразличное. Недавно страшная гроза пронеслась над моей головой: я потеряла нашу единственную дочь...

Не знаю, как я все это пережила... Но жить надо: двое мальчиков — (13 и 22) нуждаются в материнской заботе, в тёплом слове утешения. Мой бывший зять скоро утешился: нашел себе эстонку, перестал питаться в семье, на старшего мальчика не дает, а младшему — 50 р. в месяц. Бог с ним!! Мы с мужем справимся без него.

Конечно, нелегко! Я хочу поставить нашей дочери памятник. Он не дешево обойдется. Приходится копить, а это нелегко. Жизнь очень многого требует. У меня сильная воля — я многое могу...*

12-го июня день рождения старшего (Игорь). Вот было бы хорошо, если бы Вы приехали к нам. Выбрали бы кое-что для печати...

Подумайте об этом. Сообщите телефоном заранее. Tel. 528-658. Имею переписку с А.А.Вознесенским. Чудесный человек. В.Адамса не люблю. И не таким уж другом он был Игорю!!!

Пока кончаю. Крепко жму
Вашу добрую руку.
Вера Борисовна.

**...судьба твоя — Аленушка, на берегу всплакнувшая — автор не установлен.*

**...безумец поджег всю нашу улицу в Усть-Нарве — см. у Максима Иванова: поджигатель сын мясника Иванкина.*

**...у меня сильная воля — я многое могу — см. письмо от 27 мая 1987: «Всё это тяжёлым гнетом легло на душу, а она, к сожалению, у меня хрупкая до ужаса».*

Таллин, 25.I.1985.

Светлый Лаврентий Николаевич!

Не писала Вам оттого, что в июне... упала и повредила ногу... Два месяца пролежала в больнице. Теперь дома, но передвигаюсь лишь с помощью костылей...

Это ужасно... Особенно для такого живого человека, как я!!! Попробую ответить Вам на некоторые вопросы.

Гзовскую он знал лишь по театру и кино*. Марие Ундер тоже только как переводчик ее стихов. Музыку он любил страстно и глубоко, понимал ее (симфония, оперколь, струнный оркестр, рояль и даже духовой оркестр).

Обладал чудесным голосом. Если бы он не был поэтом, то был бы оперным певцом... Он очень любил нашу доченьку и часто разыгрывал с ней отрывки из опер. Больно все это вспоминать... Кого я потеряла!!! Живу скорбя, скучаю, думаю о ней беспрерывно... А это нелегко!

Посылаю Вам ее любимую сказку. Детям она очень нравится, а сказок у нас так мало! М.б. она понравится и детям Донецка? Посылаю 2 стихотворения Игоря. «Привет Родине» и «О реках». И еще текст: как возникли эти вдохновенные стихи. Следующий раз пошлю свои, одобренные А.Вознесенским. М.б. напечатаете и их?.. Одним словом, теперь ждите от меня посылоч.

Простите мой почерк: пишу полулежа. Сидеть еще трудновато.
Сообщите сразу получение посылки.

Всего Вам доброго. Крепко жму Вашу руку и верю в Вас.

С искренним приветом

Вера Борисовна.

Таллин, 25/1 85.

P.S. Автор сказки — я.

«Бывший зять» домой не является. Звонит в 7 ч. утра — будит Борю в школу. О питании не заботится. Просто нет слов!..

Супруги Лотарёвы в гостях у Гайдарова и Гзовской.
Берлин. Ноябрь 1922 года.

*...Гзовскую он знал лишь по театру и кино — Ольга Владимировна Гзовская актриса театра и кино, замужем за актёром Владимиром Георгиевичем Гайдаровым. Гзовской посвящены: «Сонет Ольге Гзовской» (1921. Фея Eiole); «Я мечтаю» (1922. Классические розы); «У Гзовской» (1923,

рукопись «Лирика»); упомянута: «От Гзовской чуть не к Кантемиру» (1923, рукопись «Лирика»). В ноябре 1922 года поэт с женой был в гостях у Гзовской и Гайдарова в их берлинской квартире (см. фото ←):

Гайдаров, Гзовская, Нелидов,
(Как хорошо иметь друзей)
В Берлине были в роли гидов
(Я прозе жизни ротозей...)

Таллин, 16.IV.1987.

Дорогой Лаврентий Николаевич! Спасибо за письмо. Что ж... — подожду, потерплю еще... Держусь, креплюсь — сколько можно...

О юбилее не вспоминайте. Ничего в нем радостного нет... Всё ближе... к концу песни!!!

Очень радуюсь Вашему приезду. Только заранее сообщите точный день. Вас встретят.

Жду добрых вестей. Все-таки — верю!!!

Привет Вашей семье.
Вера Борисовна.

Tel. 522-171.
P.S. Звонить лучше вечером.

*... *о юбилее не вспоминайте* — 100-летие со дня рождения поэта.

Таллин, 12.VI. 1986.

Уважаемый Лаврентий Николаевич! Честно сознаюсь, не ожидала от Вас известий... Да и сейчас трудно верится в успех...

Однако выполняю Вашу просьбу: свою биографию посылаю. Но прошу ее в газете не публиковать.

До 1914 года жили в России. В разных городах. Последний - г.Козлов (Мичуринск). Там я поступила в гимназию Сатиной в I класс.

В 1914 году потеряла отца. Мы переехали в Таллин, к бабушке.

Окончила частную гимназию Л.Андрушкевича. Затем - университет. Я — филолог (славянская и романская филология). Преподавала русскую литературу в эст. школах (техникумы и ср. школы).

Вот и всё. Круг наших знакомых не обширен: это только писатели и поэты. Жили мы уединенно: он не любил общества.

Когда будет готов текст для газеты — вышлите мне. Раньше не пускайте в печать.

Привет Вам и Вашей семье.

Вера Борисовна.

P.S. М.б. и сказки увидят жизнь?

Таллин, 24.V.1987.

Дорогой, добрый, истинный друг поэта! Спасибо! Спасибо за то, что Вы сделали для нас!

Вы знаете, Вы вернули меня к жизни! После «знаменитого празднования» в Эстонии — я просто заболела... Только — жена-эстонка, ее фотографии, Тойла и т.д... Обо мне не вспомнила ни одна душа! Даже приглашительного не сочли нужным послать!* Всё это тяжёлым гнетом легло на душу, а она, к сожалению, у меня хрупкая до ужаса.

Только коснись неумелой рукой — уже боль...

Я сейчас не живу, а существую... Материальное положение — трагедия... Вдобавок муж в больнице, на операции... Я одна — с мальчиками...

Старший сын — от первого брака... Младший от «бывшего» зятя... А он — чудовище. Через полгода имел новую «особу»... Эстонка, хамоватая и некрасивая... Это после нашей Лерочки!!!!...

Раньше, все-таки, жил в семье, покупал продукты... Уже 3 месяца, как ушёл совершенно. Унёс моё фамильное золото, все, что поценнее. Вот история какая гадкая!

Посылаю Вам ещё кое-что из своих мемуаров... М.б. удастся устроить: это меня бы спасло...<...>

Попробуйте, дорогой друг, устройте рукописи... Я Вам пошлю вышедшие только что две книги Северянина: «Сборник стихотв.» и «Венок поэту». На днях получу.

Какие все-таки эсты плохие люди! Всю жизнь прожила здесь, а тепла и сочувствия не знала... Грустно!

Приезжайте летом. Буду очень рада.

Простите почерк: душа не на месте... Вот и рука не так работает.

Еще раз «спасибо»... Вы меня окрылили и зажгли свет в потухающем сердце.

Искренний привет семье. Крепко жму Вашу руку и жду доброго ответа.

Вера Борисовна.

**... даже пригласительного не сочли нужным послать* — приглашение было передано лично, но Вера Борисовна не смогла придти в Русский драматический театр на вечер, посвященный Игорю-Северянину, сославшись на здоровье.

3.VII. 1987

Посылаю Вам несколько стихотворений. Предупреждаю Вас, что очень вредным типом является Юрий Шумаков... Он распространяет ложные сведения, будто поэт сам продавал свои книги с автографом... Ходил даже по отелям, отыскивая приезжих «знаменитостей»... Даже продавал рыбу! Это наглейшая ложь и ее надо прекратить!

Книги продавала я. У меня была такая записка: «Предъявительница этой записки удостоена великой чести служения искусству, путём распространения моей книги: «Рояль Леандра». И.Северянин»

Факт остаётся неоспоримым фактом!

Между прочим, я одно время оказывала денежную поддержку и жене-эстонке... Об этом никто не знает... Только Игорь...

Получаю книги в пятницу. Сразу вышлю Вам...

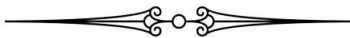
Помогите, прошу, с появлением в печати посылаемого материала.

Верю Вам очень.

Будьте счастливы, а главное здоровы!

Искренний привет семье.

Вера Борисовна.

**Рассказ Валерии Игоревны Семеновой —
дочери поэта И. В Северянина, от первой его жены
Елены Яковлевны Золотарёвой.**

Со слов Валерии Игоревны Семеновой записал директор
Нарвского городского музея Е.Кривошеев.
15.09. 1960 г. 1

В 1918 г. осенью приехали в деревню Тойла. Выбор пал на эту деревню потому, что Игорь Северянин бывал здесь и раньше, примерно с 1910 г. С этого времени он почти каждое лето, а иногда и зимой приезжал в Тойла.

Они приезжали зимой на лыжах из Питера с другом, поэтом Фофановым, футуристом, который жил в Царском Селе*.

Отец очень любил север, ловить рыбу и поэтому избрал Тойлу для своего отдыха. В Тойла он снимал дачи у разных хозяев и так до революции*.

В 1918 г., осенью, когда эта территория была захвачена немцами Северянин переехал в Тойла на постоянное жительство.

Мать моя — первая жена Северянина Елена Яковлевна Золотарёва.* /Его фамилия была Лотарёв/. Вторая жена была Фелисса Михайловна Круут, на которой он женился в 1920 г. Был сын от этого брака — Вахх, который сейчас находится в Швеции.

Круут была из семьи ремесленников, малообразованной, работала прислугой в доме у Северянина*.

В 1935 г. он разошёлся с ней, и женился на Вере Борисовне Коренди /Кореновой/ это был свободный брак, детей от этого брака не было. Коренди была высокообразованной женщиной, владела несколькими языками.

И. Северянина хорошо знает доктор Круглов Алексей Иванович. Они были друзья.

До 1935 г. Игорь Васильевич жил в Тойла, но часто выезжал с Круут за границу, где жил годами.

В 1936 г. он переехал в Таллинн от Круут, которая была властолюбивой и чёрствой, со скверным характером, и пребывание в кругу семьи ему стало невыносимо. Всё оставив, он уехал к Коренди, с которой был знаком раньше, и которая бомбардировала его письмами*. Характер у неё был хороший. Она была замужем, но разошлась и стала жить в гражданском браке с Игорем Васильевичем Северяниным.

В этой же 1936 г. И. Северянин, очень не любивший город и курортные центры, переехал в деревню Сааркюла, где жил с В.Коренди и её дочерью Валерией у Черкасовой Марии Васильевны /живёт сейчас в деревне

Венкюль/ и у Суурсов /живёт сейчас в Усть-Нарве, на ул. Вабадузе, д. 40 или 43/ В Сааркюла он жил зимой, а летом – до 1938 г.

В 1938 г. они переехали в Усть-Нарву, где жили в доме Аннус, около бывшей рыночной площади /Сейчас ул. Суур-Лотси/. Он снимал квартиру в этом доме у двух старушек Аннус. Это одноэтажный деревянный дом, старый, с мансардой. Отец снимал 2 комнаты и кухню, окна выходили на улицу и во двор. В Усть-Нарве он жил только в этом доме.

И.В.Северянин уехал из Петрограда в Эстонию потому что было плохо с питанием. Это не было бегством.

Он очень любил свою мать Наталью Степановну, /урождённая Шеншина по первому браку — Домантович /Генерал Григорий умер, она вышла за полковника Лотарева. У Григория Домантовича был брат Михаил. Дочь Михаила Домантовича Александра вышла замуж за инженера Коллонтай и стала революционеркой /полпред в Швеции/ Игорь Васильевич был дружен с Александрой Коллонтай и переписывался с ней, когда она была в Швеции.

К Игорю Васильевичу, когда он жил в Тойла и Сааркюла, приезжал полпред СССР в Эстонии Раскольников Ф.Ф. с предложением вернуться в СССР.

В 1940 г. отец был очень рад приходу советской власти.

В 1941 г., когда началась война, дом, где жил И.В.Северянин сгорел от немецкой бомбёжки

После занятия немцами Усть-Нарвы он переехал в Таллинн.

Причём он не знал, что, немцы вот-вот займут Усть-Нарву, так как не сообщалось, что советские войска оставят этот район.

Я была у него в Усть-Нарве весной 1941 г.

Умер Игорь Васильевич в декабре 1941 г. в Таллине.

К нему в Усть-Нарву приезжали Вальмар Адамс — писатель и критик, поэт И.Варес /Барбарус/, Бух Тамара — местная нарвская поэтесса /сейчас живёт в Таллине, ул. Пикк/.

Во время оккупации я жила в Тойла. Там действовали партизанские отряды. В одном отряде действовал тойлаский портной Рэало /сейчас в Верховном суде ЭССР/.

В Тойла кое-что сохранилось из личных вещей Игоря Васильевича Северянина.

Ф.Круут умерла в 1959 г. в Тойла. У неё было много рукописей И.Северянина, портреты Рериха /художника/, И.Северянина и другие его произведения, то что берегут Вакху, сыну Игоря Васильевича, который живёт в Швеции, литературу не любит и националист.

Фрагмент групповой фотографии: второй ряд в центре — П.Кривошеев, за его спиной слева В.И.Семёнова (в очках).

В Тойла в 1912-1914 г.г. летом жили Фёдор Сологуб и его жена Анастасия Николаевна Чеботаревская, которая была крёстной матерью Валерии Игоревны Семеновой. Чеботаревская жила в СССР и покончила жизнь самоубийством.

Во Франции И.Северянин встречался с К.Бальмонтом.

Поэтесса Липковская жила в эмиграции в Румынии, переписывалась с Северяниным. Писательница-юморист Тэффи жила в эмиграции во Франции и переписывалась с Северяниным. Валерий Брюсов был другом И. Северянина.

15.09.1960 г.

Домашний адрес В.И.Семеновой: Нарва-Йыесуу, ул. Айя, д.33, к. 4. Работает инспектором по кадрам в рыболовецком колхозе «Октобер». Родилась в 1918 г. в Петрограде.

* ...с другом, поэтом Фофановым — К.М.Фофанов никогда не бывал в Тойла и не жил в Царском Селе, только в Гатчине.

* В Тойла он снимал дачи у разных хозяев — всегда только у семейства Круут.

* ...первая жена Северянина Елена Яковлевна Золотарёва — в действительности Семенова. Текст не авторизован, вероятно, воспринято на слух сто-то вроде «вышла замуж за Лотарёва».

* ...Круут была (...) малообразованной, работала прислугой в доме у Северянина — Фелисса получила полное гимназическое образование. Поскольку поэт снимал жильё у её родителей, то она никак не могла быть прислугой в «доме Северянина».

* ...это был свободный брак, детей от этого брака не было — Валерия не признавала дочь Коренди тоже Валерию за единокровную сестру.

* ...которая бомбардировала его письмами — в феврале-марте 1935 года Вера Коренди слала письма в Тойла несколько раз в неделю.

* Липковская Лидия Яковлевна (в замужестве Маршнер, 1884-1958) — артистка оперы и оперетты, камерная певица (лирико-колоратурное сопрано), вокальный педагог, поэтесса, солистка Мариинского театра и Театра музыкальной драмы, участница «Русских сезонов» Дягилева в Париже.

Игорь Северянин беседует с Игорем Лотарёвым о своём 35-летнем юбилее

Нарва-Йыезу. Начало улицы Свободы. Маленький домик. Из окон продолговатого кабинета-столовой видна зимняя Нарова. Окон — три, и через них открывается влекущий ландшафт: широкая зальденная река, луга, рощи, дальние крыши Венекюла. Низкий, ослепительно-белый потолок делает всю комнату похожей на уютную каюту. Комната выдержана в апельсиново-бежево-шоколадных тонах. Два удобных дивана, маленький письменный стол, полка с книгами, несколько стульев вокруг большого стола посередине, лонг-шез у жарко натопленной палевой печки. На стенах — портреты Мирры Лохвицкой, Бунина, Римского-Корсакова, Рахманинова, Рериха; в углу — бронзовый бюст хозяина, работы молодого эстонского скульптора Альфреда Каска. Игорь Северянин сидит в лонг-шезе, смотрит неотрываемо на Нарову и много курит.

Я говорю ему:

— Итак, уже 35 лет, как вы печатаетесь.

— Этими словами вы подчёркиваете мой возраст, — смеясь отвечает он. — Пять лет назад я справлял 30-летие. Сегодня я постарел на пять лет. Почему не принято справлять пятилетний юбилей? Воображаю, с какой помпой и восторгом моя петербургская молодёжь тогда приветствовала бы меня! За такой юбилей я отдал бы с радостью все последующие 30 лет жизни! Тогда меня боготворили, буквально носили на руках, избрали королём поэтов, сами нарасхват покупали мои книги. Тогда мне не приходилось — дико вымолвить — рассылать их по квартирам почти и вовсе не знакомых людей, предлагать их и навязывать.

Голос поэта резко повышается. На лице его — презрение, гнев и боль.

— Вы теперь что-нибудь пишете? — спрашиваю я, стараясь переменить тему

— Почти ничего: слишком ценю Поэзию и своё имя, чтобы позволить новым стихам залёживаться в письменном столе. Только начинающие молокососы могут разрешить себе такую «роскошь». Издателей на настоящие стихи теперь нет. Нет на них и читателя. Я теперь пишу стихи, не записывая их, и потом навсегда забываю.

— И Вам не обидно?

— Обидно должны быть не мне, а русским людям, которые своим равнодушием довели поэта до такого трагического положения.

— Однако же они любят и чтут Пушкина, Лермонтова...

— О, нет, они никого не любят, не ценят и не знают. Им сказали, что надо читать, и они слушаются. Они больше интересуются изменами Натальи Николаевны, дурным характером Лермонтова и нецензурными эпиграммами двух гениев. Я как-то писал выдающемуся польскому поэту Казимиру Вежинскому: «Русская общественность одною рукою воскрешает Пушкина, а другою умерщвляет меня, Игоря-Северянина». Ибо равнодушие в данном случае равняется умерщвлению.

— Но у вас так много поклонников, вы получаете, вероятно, столько писем и телеграмм...

— Если бы каждый поклонник давал мне всего-навсего по 10 центов в год, — но, понимаете, обязательно каждый, — я чувствовал бы себя совершенно обеспеченным человеком, мог бы вдохновенно писать и, пожалуй, бесплатно раздавать неимущим свои книги. Но таких поклонников или я не знаю, или их вовсе нет. Судя по количеству поздравлений, я не заработал бы больше кроны, — с неподражаемой язвительностью отчеканил поэт.

— Вы довольны статьями и фотографиями, помещёнными в газетах в связи с Вашим юбилеем?

— В особенности фотографиями. Некоторые из них бесподобны и являются, по-видимому, воистину юбилейными. На некоторых из них я снят с женой, с которой расстался вот уже пять лет. Представляете, как было приятно мне и моей новой подруге, женщине самоотверженной и заслуживающей глубочайшего уважения, лишний раз взглянуть на такую карточку, да ещё в газете, да ещё в юбилейные дни!

— Ещё один вопрос, — сказал я, поднимаясь, — и, извините, несколько, может быть, нескромный. Вы изволили заметить, что больше почти не пишете стихов. На какие же средства вы существуете? Даже на самую скромную жизнь, какую, например, как я имел возможность убедиться, вы ведёте, ведь все же нужны деньги. Итак, на какие же средства?

— На средства Святого Духа, — бесстрастно произнёс Игорь-Северянин.

Вести дня. Таллин, 1940, 2 февраля.

Вера Круглова Тепло прошедших дней

Фрагмент № 1

В 1987 году в связи со столетним юбилеем Игоря Северянина во многих издательствах появились статьи, фотографии, воспоминания о поэте. После стольких лет умалчивания все же полного забвения избежать было нельзя, слишком громко заявил о себе когда-то поэт. Но вспоминали его как-то мимоходом, всегда подчеркнуто иронично. Имя Северянина было эталоном пошлости, мещанства в поэзии. Отчасти причиной тому было «скандальное» появление молодого поэта на литературном небосклоне. Он рассказывал, что целью его товарищей было привлечь к себе внимание, заставить говорить о себе любым способом. Потом, на склоне лет, он отри-

цательно относился к этой задиристости. Вспоминал, как на витрине магазина, где выставлялись его книги, было его собственноручное объявление: «Красивых женщин принимаю у себя с 7-ми часов вечера». Все это сам он потом называл хулиганством. В начале двадцатых годов его концерты в Эстонии собирали полные залы слушателей.

Помню, что и я девочкой была на одном таком концерте в летнем театре Усть-Нарвы*, куда взяла меня с собой мать. Смутно помню поэта в черном, овации, но, как и следовало ожидать, понятного мне было мало. И все же одно стихотворение я унесла с собой. Это было: «В парке плакала девочка». Тогда я еще не знала, что с поэтом мне придется прожить в тесном контакте целых три года.

Читая предъюбилейные издания, посвященные поэту, я обнаружила, что о последних годах его жизни широкой публике ничего неизвестно, поэтому я решила вспомнить и записать то, что я знаю о нем в надежде, что это будет кому-нибудь интересно.

Итак. Каким я помню Игоря Северянина.

Познакомилась я с Игорем Васильевичем в тридцать восьмом году, то есть за четыре года до его смерти. Было мне в ту пору двадцать три года. О своем возрасте я пишу потому, чтобы оправдать некоторую невнимательность к этой встрече. Отнесись я тогда серьезнее к его дружбе, я бы смогла большим поделиться.

Жаркий июньский день. Мы с мужем плывем на ялике в деревню Саркуль, где недавно поселился поэт со своей последней женой Верой Борисовной Коренди и ее маленькой дочкой Лерой.

Изба, где жили Северянины, была старая, с небольшими окошками, стояла она на самом берегу реки, а позади неё росли сосны. Невдалеке за ними шумело море. Принадлежала изба местному жителю Никитину. Деревня маленькая, расположена в дюнах, жители занимались рыболовством и уходили на заработки.

Сейчас я уже забыла, что привело поэта именно в эту деревню, но, думаю, главной приманкой была река с ее соловьиными островками и мелодичным названием Россонь.

Дверь нам открыла среднего роста женщина лет тридцати пяти. У нее были большие тревожные глаза, в темных волосах виднелись ниточки седины. На пороге стоял Игорь Васильевич Северянин. Он знал моего мужа уже давно, и они встретились как хорошие приятели. Дело в том, что муж мой Алексей Иванович Круглов, тогда врач курорта Усть-Нарвы, был еще и актером профессионалом. Работал он в Таллинском драматическом театре, последние годы в Нарвском русском театре. Учась в Тарту на медицинском факультете, он летом выезжал на гастроли в театры Эстонии, Латвии, Польши. Актером он был популярным, и актерский заработок давал ему возможность платить за учение в университете. Так вот, в богемской среде и познакомился, а впоследствии и подружился мой муж с Игорем Северяниным.

Северянин представил нас своей жене. Мы вошли. Помню, как неожиданно поразил меня синий цвет: двери, подоконники комнаты были окрашены синим лаком, на стенах синие обои, на полу синий джутовый ковер. Посреди комнаты простой четырехугольный стол, у стены тахта. Все более чем скромно, но синий цвет придавал какой-то теплый особый уют. Этому способствовала опрятность жилища. Все вещи были удобно расставлены. Через открытое окно вливался в комнату запах реки. Рядом за тонкой перегородкой в маленькой кухоньке забавно посвистывал чайник, давая знать, что вода в нем закипела. Потом мы пили чай из красных чашек, а на столе в кувшине стояли полевые цветы. Напротив меня сидел поэт, и я с любопытством поглядывала на него. Я не была

поклонницей его стихов. Я все еще жила своим юношеским увлечением поэзией Некрасова и была готова плакать над строками: "Приподнимая косялку тяжелую, баба поранила ноженьку голую, - некогда кровь унимать..." и т.д.

А тут дома у нас томик стихов Северянина, — и я читаю:

По вечерам графини фэтон
Могли бы вы заметить у курзала
Она входила в зал, давая тон,
Как капельмейстер, настроеньям зала...

Мне что-то скучно и неинтересно. Но я любопытна и мне хочется поближе узнать живого поэта.

А он сидит передо мной с гордо закинутой головой и как будто сверху вниз смотрит на меня*. В его холодном, чуть надменном взгляде светлых глаз сквозит усмешка. У Северянина темные густые вьющиеся волосы с сединой. Темная кожа с сероватым налетом, изрезанная морщинками. Он сухощав, сидит прямо. Лицо малоподвижно. Он некрасив. Разговор малозначителен, что-то о реке, об общих знакомых, о театре. И не помню уже, как Игорь Васильевич перешел к чтению стихов. Я даже не помню, что он читал тогда, но отлично помню ощущение, охватившее меня. Северянин читал несколько протяжно, но очень четко, акцентируя те слова, которые хотел подчеркнуть. Мелодия его стиха как бы обволакивала, проникала в суть тебя, говорил он о чем-то красивом, и слова его были необычными, яркими. Это была музыка - музыка слов. Позы он не принимал, пальцы его тонких рук были сжаты. Лицо оставалось неподвижным, только в глазах его что-то зажглось и это что-то озарило его лицо, скрасило черты. Вероятно, это и была та искра божья, которая отличает настоящих поэтов.

Меня часто просят описать внешность Игоря Васильевича, показывают фотографии двадцатых, начала тридцатых годов. Я смотрю и поражаюсь грубости черт его лица, асимметричности. Это он и не он. Во всяком случае, это не тот Северянин, которого знала я. В конце тридцатых годов черты его лица стали тоньше, заостреннее. Он очень похудел, может потому, что годы его уже были сочтены. Весь его облик стал одухотвореннее.

Первая встреча произвела двойное впечатление. С одной стороны, я была очарована его стихами. С другой стороны, в его движениях, манере говорить, посмотреть, мне показалась тогда поза, надменность, неискренность.

Комментарии

*... Помню, что и я девочкой была на одном таком концерте в летнем театре Усть-Нарвы — поэт выступал в Усть-Нарве 6 раз, известна дата только одного выступления — 30 июля 1927 года.

*...А он сидит передо мной с гордо закинутой головой и как будто сверху вниз смотрит на меня — в авторизованной машинописи воспоминаний «Каким я помню Игоря Северянина», относящейся к 1987 году читаем: «Я видела человека с гордо посаженной головой, с несколько удлинённым лицом, которое обрамляли черные вьющиеся волосы с пробивающейся сединой. Черты лица правильные, кожа лица смуглая, изрезанная мелкими морщинками. Хороши были изящные движения его выразительных рук. Он производил впечатление хорошо воспитанного человека».

Фрагмент № 2

В деревне я больше у Северянина не была, слышала о его житье там из его рассказов, когда он заглядывал к нам в Усть-Нарове.

Местные жители рассказывали мне*, что обратили внимание на нового человека, который поселился в избе Никитина в Саркюле, видели его на реке в лодке с удочкой, видели, как он с кошелкой в руке направлялся в деревенскую лавку за продуктами. Житель соседней деревни Венкуль Б.К.Йыги*, будучи молодым человеком, работал заведующим библиотекой в деревне Венкуль. Однажды там появился Северянин. Он интересовался имеющимися книгами, так они познакомились. Йыги стал заходить к Северянину, совершал с ним прогулки и слушал вдохновенное чтение Северянина. Однажды Йыги организовал встречу Игоря Васильевича Северянина с местными крестьянами, которым поэт читал стихи.

Почти ежедневно общался Игорь Васильевич Северянин с семьей сапожника Отто Удама*, жившего в деревне по соседству. Отто Удам был выходцем из Сибири. Это был тихий человек, хороший мастер. После работы он заходил к Северянину и рассказывал очень образно о пережитом. Делал он это, правда, только тогда, когда отсутствовала его жена Клавдия, чрезвычайно говорливая женщина. Видимо, их рассказы развлекали поэта. Сын Удамов — Виктор (погиб на Великой Отечественной войне) был постоянным спутником Северянина в его «плавании» по Россони и на Тихое озеро в поисках клева.

Изредка Игоря Васильевича навещали эстонские поэты: Адамс, Раннит и другие из Тарту и Таллинна. Алексис Раннит — молодой красивый человек относился к Северянину очень почтительно, с сыновней нежностью. Северянин тоже любил его. Когда приезжал Раннит, Северя-

нин приводил его к нам. Они оба увлекались поэзией литовской поэтессы Соломеи Нерис. Раннит переводил ее стихи и собирался ехать к ней в Литву. Северянин в то время переводил эстонских поэтов, Раннит делал ему подстрочники.

В том же году Игорь Васильевич Северянин с Раннитом пришли к нам в гости на пасху*. Я, тогда еще молодая хозяйка, старалась в приготовлении пасхального стола и, кажется, мне это удалось. Среди приглашенных были молодые красивые женщины. Северянин выпил несколько рюмок коньяку, он порозовел, глаза его засияли, он стал очень оживлен и остроумен. Внимание всех было обращено на него. Он говорил комплименты и был очень галантен.

Когда я слышу рассказы о его пьянстве и грубых выходках, мне это трудно представить. Я его таким никогда не видела. В моем представлении Северянин остается хорошо воспитанным человеком, очень аккуратным, с достоинством, носившим свой уже выдавший виды костюм.

На следующий год Северянин с женой перебрались в Усть-Нарову*. Поселились они в старом деревянном доме на улице Вабадусе*. Это был небольшой одноэтажный дом, принадлежащий сестрам-эстонкам Аннус, которые в пристройке держали мужскую парикмахерскую. С улицы дом имел небольшую терраску, через которую можно было пройти в квартиру Северянина. Этим входом они не пользовались, а проходили со двора, откуда дверь вела в довольно обширную кухню. Здесь стараниями Веры Борисовны все сияло чистотой. За стеной кухни была маленькая спальенка. Из кухни же дверь вела в большую комнату. Здесь также, как и в деревне, посередине стоял стол, а у стены в углу — диван, на котором я неизменно заставляла Игоря Васильевича, когда заходила к ним. На стене висела увеличенная фотография С. Рахманинова, а под ней полочка, на которой лежал маленький чемоданчик с рукописями поэта и письмами дорогих ему людей. Три окна комнаты выходили на улицу, где в проулке виднелся голубой кусочек реки Наровы.

Первый год своего проживания в Усть-Нарове Игорь Васильевич Северянин ещё много двигался. Он мог пройти по берегу моря со своей неизменной спутницей Верой Борисовной до тридцати километров, чтобы поднести свою книжечку стихов очередному меценату и, получив какие-то деньги, расплатиться в лавочке, где забирали провизию в долг, на «книжечку». Никаких выездов за границу он уже не совершал. Со своими стихами выступил только раз в Таллинне*, когда устраивали вечер в честь его пятидесятилетия.

Я тогда по недомыслию приписывала эту его «неподвижность» влиянию Веры Борисовны, несклонной к переездам. Просто он был уже болен и болен серьёзно. Мне же эти тревожные мысли не приходили в голову.

Я знала, что он лечится у мужа, но не придавала этому большого значения. Сам Игорь Васильевич никогда ни на что не жаловался. Узнав его ближе, я увидела совсем другого Северянина. Это был гордый, очень открытый, а потому и очень ранимый человек. Он предлагал себя людям таким, каков есть. Отсюда, по моему мнению, и многие его стихи, где он обнажает себя и высказывает мысли, которые люди обыкновенно таят про себя.

Есть у Северянина такие строки: «Не каждому дано светлеть в нужде...». Да не каждому. А вот Игорь Васильевич мог. Была нужда и большая. Но среди серости будней он мог воспевать и хмурое небо над Эстонией, и безбрежную морскую даль. Когда-то он писал: «Упоенье жизнью не для медных лбов...»

Мне казалось, чтобы насладиться жизнью, ему достаточно было иметь письменный стол, где стопочками лежали чистые листы, на которые он своим особым почерком наносил слова, что волновали его душу. Да еще рядом спутницу жизни любящую и любимую. Так мне тогда казалось. Каково было ему, вкусившему громкой славы, оказаться полунищим, оторванным от родной почвы, когда здоровье пошатнулось, а впереди была полунищая старость.

К деньгам, по его собственным словам, он всегда относился легко, а того, что он теперь получал как подаяние, не хватало для того, чтобы немного скрасить свои будни. В безвыходные моменты он прибегал к помощи моего мужа. Конечно, при этом страдало его самолюбие, хотя Алексей Иванович, давая деньги, старался обставить это как можно деликатнее. Северянин мог на следующий день с каким-то нехорошим огоньком в глазах заявить: «А мы вчера с Верочкой отправились на машине в "Петроградскую" (это был лучший ресторан в Нарве) и распили бутылочку шампанского». Надо сказать, что французское шампанское, а другого не было, стоило дорого.

Комментарии

** Местные жители рассказывали мне, что обратили внимание на нового человека — в авторизованной машинописи воспоминаний «Каким я помню Игоря Северянина» читаем: «Знаю, что жили они очень уединенно, изредка бывали у них эстонские поэты, приезжавшие из Тарту и Таллинна».*

- * *Житель соседней деревни Венкуль Б.К.Йыги* — Борис Карлович Йыги по просьбе Веры Коренди написал свои воспоминания об Игоре-Северянине.
- * *...Почти ежедневно общался Игорь Васильевич Северянин с семьей сапожника Отто Удама* — о семье Удамов смотри также в воспоминаниях В.Коренди, фрагмент № 2.
- * *...В том же году Игорь Васильевич Северянин с Раннитом пришли к нам в гости на пасху* — пасха 1938 года.
- * *...На следующий год Северянин с женой переехали в Усть-Нарову* — в Усть-Нарве поэт поселился 2 апреля 1939 года.
- * *...Поселились они в старом деревянном доме на улице Вабадусе* — в письме к М.Петрову от 28.07.1987: «Мемориальный камень поставили неправильно. Как раз перед крыльцом, которое вело в парикмахерскую, а дом сам находился ближе к маяку».
- * *...Со своими стихами выступил только раз в Таллинне, когда устраивали вечер в честь его пятидесятилетия* — речь о вечере, посвященном 35-летию юбилею творческой деятельности, который отмечался в Таллинне 14 марта 1940 года.

Фрагмент № 3

Иногда ему хотелось тряхнуть стариной. Летом тридцать девятого года к Северянину из Берлина приехала когда-то близкая ему женщина, которую он называл Златой и посвятил ей поэму, названную тоже «Злата». У нее был в Берлине модный магазин, дочери жили в Африке. Она привезла с собой подарки, среди них фотоаппарат, который Северянин решил подарить Алексею Ивановичу. Надо сказать, что Игорь Васильевич не любил оставаться в должниках. И как не отказывался муж, ему пришлось принять. Потом он сделал несколько снимков Северянина этим аппаратом. Один, помню, у калитки нашего сада, другой — за круглым садовым столом в том же саду.

В это время приехал на дачу Иван Филиппович Филиппов, бывший солист Мариинского театра. Было ему в то время лет шестьдесят, жил он у своей богатой племянницы, которую злые языки называли его дочерью. Был он высок, строен, легок и в своем светлом английском костюме очень элегантен. Северянин с Филипповым были очень хорошо знакомы. В это же время к Игорю Васильевичу приехал из Тарту поэт Адамс и еще кто-то. И вот Северянин решил в честь Златы устроить пикник на Тихом озере. Он пригласил Ивана Филипповича и звал нас. Но день был воскресный, жаркий, и муж по долгу службы должен был находиться на пляже, где было скопление народа. Поэтому мы не поехали.

Вечер того же дня. Смеркается. Мы сидим на веранде за вечерним чаем, и я вижу на аллее сада высокую фигуру, которая приближается к нам.

Это Иван Филиппович. Но, Боже, как он изменился. Куда девался его элегантный вид. Пиджак висит на сторбленных плечах, белое кепи исчезло. Оказалось, что он потерял его по дороге. Иван Филиппович поднимается на веранду и заявляет: «Этот хулиган хотел меня застрелить!» — «Какой хулиган?» — спрашиваем мы разом. — «Северянин!» отвечает Филиппов трагическим тоном. Я еле сдерживаюсь, чтобы не расхохотаться. Представить себе Игоря Васильевича убийцей я при всей фантазии не могу. Это звучит уморительно. И Иван Филиппович поведал нам печально-комическую историю.

Перед отплытием на Тихое озеро они дома выпили коньяку, и Иван Филиппович, панически боявшийся воды, храбро сел в лодку, которой управлял Виктор Удам. Остальная компания во главе с Северяниным разместились в другой лодке. Отъехав довольно далеко, Филиппова снова обуял страх, и он стал просить, чтобы причалили к берегу и выпустили его на землю. Это почему-то оскорбило Северянина, и он заявил: «Здесь я команду, Виктор, продолжай путь на Тихое озеро!»

Приехав на озеро, Филиппов стал высказывать свое недовольство. Северянин встал в позу и заявил: «Как ты смеешь так со мной разговаривать. Я — Игорь Северянин!» Филиппов тоже гордо выпрямился перед ним и произнес: «А я солист Его Величества!» — «Мне наплевать, что ты солист!» — сказал Северянин. «А мне наплевать, что ты гений!» — ответил таким же тоном Филиппов. — «Ты меня оскорбил, я тебя застрелю!» — вскричал Северянин. И тут, произнес Филиппов, Северянин сунул руку в карман. — «Но я не растерялся» — рассказывает Филиппов, — «Нагнулся и поднял камень». Так они и стояли некоторое время друг против друга. Потом Филиппов повернулся и пошел, решив про себя: «Черт с ним, пусть стреляет в спину!» А Северянин остался на месте, засунув руку в пустой карман брюк.

Шагать Филиппову до перевоза пришлось десять километров, по дороге он и потерял кепи.

Вернувшись домой, по рассказу Веры Борисовны, Северянин продолжал бушевать и так напугал Злату, что они с Верой Борисовной, захватив спальные принадлежности, решили бежать из дома на дачу Борман, которая находилась в пяти километрах от Усть-Наровы. «Мы бежали — рассказывала со смехом Вера Борисовна — и все оглядывались, не бежит ли он за нами».

Потом Северянину пришлось умолять о прощении Злату, которая тоже его простила, но вернуться под его кров отказалась и, прожив на даче у Борман несколько дней, уехала в Берлин.

На следующий день раскаянию Игоря Васильевича не было предела. Я искренне его пожалела, увидев его таким несчастным, и решила помочь, пригласив Филиппова на чай, куда пришел и Северянин.

Он просил прощения. Примирение состоялось, но как мне показалось, Иван Филиппович простил его только внешне. Больше до самой смерти они не встречались, а ушли из жизни почти в одно время. Северянин скончался в декабре, а в том же месяце того же года умер и Иван Филиппович Филиппов. Во время бомбежки Таллинна он по дороге в бомбоубежище споткнулся, порезал руку, кровь остановить не удалось, и он скончался от потери крови.

Вера Борисовна говорила, что Северянин в последнее время совершенно не переносил спиртного. Выпитая рюмка поднимала в нем бурю, он терял контроль над собой.

Комментарий

**...Летом тридцать девятого года к Северянину из Берлина приехала когда-то близкая ему женщина, которую он называл Златой — смотри также в воспоминаниях В.Коренди, фрагмент № 6.*

Фрагмент № 4

У Арсения Формакова*, близко знавшего Игоря Васильевича в воспоминаниях о поэте есть такая его характеристика: «Манеры с детства воспитанного человека»...

Да, вероятно, эта воспитанность не позволяла ему на люди выносить и горечь своей обездоленности, лишений. Но под этим покровом чувствовалась напряженность, готовая взорваться. Об этом его свойстве хорошо знала преданно любящая его Вера Борисовна, которая разделила с поэтом его трудные годы и проводила в последний путь.

Да, хочу еще рассказать о семье Борман, где любил бывать Северянин. Дача их находилась в пяти километрах от Усть-Наровы в поселке Шмецке (теперь Ауга) на берегу моря, том самом Шмецке, где когда-то жил Лесков. Я хорошо знала эту семью. В тридцать третьем году я провела там лето. Постоянно там жил сын Михаил Петрович со старушкой матерью. Дочери Нина — пианистка и Ирина — сестра милосердия жили в Таллинне. Летом Борман сдавал комнаты с полным пансионом. Приезжали его сестры, среди гостей были пианисты и певцы. В доме было пианино. Бревенчатый дом с балконом и открытой террасой, деревянные колонны, которой обвивал

дикий виноград, стоял в большом саду, где росли развесистые старые ели. Все Борманы были очень общительны, легки в обращении, любили всякие розыгрыши, устраивали там концерты, домашние маскарады. В тридцать третьем году Северянина там не было, но о нем много говорили, что-то недоговаривали, читали его стихи. Одно стихотворение было посвящено Ирине Борман.

Вот вспомнила, записала и так явственно переселилась в прошлое, как будто это было вчера, и все еще живы и со всеми ними встречу завтра.

Вижу солнечный морозный день. По заснеженной Усть-Нарове шагает поэт в своем сером полупальто с потертым воротником и шапке из меха кенгуру. Он лёгким шагом приближается к нашему дому. Северянин бодр и весел, только землистый цвет лица не гармонирует с его бодростью. Он проходит в кабинет мужа и довольно долго остается там.

Я часто заходила к ним в эти годы. Встречал он меня всегда приветливо, и я долго с ним беседовала. Он говорил мне о поэте Фофанове, с нежностью произносил имя Миры Лохвицкой. Рассказывал, что эта одаренная, рано погибшая поэтесса, выйдя замуж, перестала писать стихи. К Брюсову и Блоку относился с большим уважением. Любимыми композиторами были Пучини, Чайковский, Римский-Корсаков. Любил Бодлера. Из художников выделял Врубеля.

Рассказывал, что, узнав о приезде Бунина в Таллинн, он из Тойла доехал до станции Тапа, там сел в вагон, в котором ехал писатель, и провел с ним в беседе остальную путь до Таллинна.

Он никогда не вспоминал шумные успехи своих поэзоконцертов, не говорил о родственных связях с Рахманиновым и с А. Колонтай, которую любовно называл Шурочкой. Письма же их хранил, как святыню.

Я была внимательной слушательницей, и он охотно беседовал со мной.

Теперь я открыла в Северянине другого человека. Его манера держаться уже не казалась мне позой. Все в нем было естественно, свойственно ему одному. И гордый поворот головы, и изящество движений дано ему было самой природой. Это мое ощущение подтверждалось, когда я смотрела на его дочь, от той «тринадцатой» — Валерию Игоревну Семенову. Её с матерью вывезла из голодного Петербурга в Тойла мать Северянина Наталья Степановна. Валерию

Игоревну я еще помню девушкой-гимназисткой, высокую «Гростиночку» с черными локонами по плечам. Она очень походила на отца, но все в ней было мягче и изящней.

Спустя много лет, сидя с ней на пляже в Усть-Нарове, я особенно поразила ее сходством с поэтом: тот же тембр голоса, те же движения и тот же гордый поворот головы. Скончалась она сравнительно недавно и погребена в Тойла.

Комментарии

*...У Арсения Формакова, близко знавшего Игоря Васильевича в воспоминаниях — Формаков, Арсений. Встречи с Игорем Северяниным. «Звезда», № 3, 1969. Воспоминания о поездке в Тойла и встречах в Двинске.

* ...Да, хочу еще рассказать о семье Борман, где любил бывать Северянин — в письме к М.Петрову от 23.02.1988: «Дача эта стояла там, где сейчас расположена погранзаезда. Во время войны она уцелела, в ней разместились пограничники, а году так в 56-ом случился пожар, и она сгорела. теперь на этом месте построены новые помещения для пограничников. (...) Сама дача стояла в саду, где росли старые развесистые ели. Дом был бревенчатый, бежевый с открытой террасой, деревянные колонны которой обвивал дикий виноград. На балконе вечером все собирались ужинать и за самоваром засиживались до полночи (...) В доме было пианино, устраивались концерты».

Фрагмент № 5

Наступили суровые годы. Время больших перемен. Казалось, к Северянину вернулась молодость. Помню его сияющим от радости, когда он получил письмо из Москвы. Первым вспомнил о нем Корней Иванович Чуковский. Игорь Васильевич почувствовал снова свои корни, которые связывают его с Родиной. Его помнят, о нем не забыли. Было напечатано его стихотворение в журнале «Огонек». Он обращается к Родине со словами: «...твоему я кланяюсь могучему, солнцесияющему лику». Приехали, чтобы взять интервью у поэта корреспонденты газеты «Известия», фотокорреспондент Вл. Темин, фамилию другого я забыла. Остановились они в пансионате «Светлана», и хозяйка гостиницы Эллерс привела их к нам, чтобы мой муж показал им дорогу к поэту.

События развивались, а здоровье поэта ухудшалось. Алексей Иванович пригласил на консультацию врачей Левицкого и Шамардина. Общее заключение: сердечная недостаточность. Северянину трудно ходить, увеличилась отдышка. Теперь я все чаще застаю его сидящим в кресле у окна. Он попрежнему ни на что не жалуется, но видимо мысль о смерти появляется у

него довольно часто. Так он придает какое-то особое значение проходящей мимо его окна девушке. Он называет ее «белой девушкой». Дело в том, что волосы у нее бесцветные, почти белые. Ему кажется, что она неспроста появляется ежедневно, что это предвестник чего-то темного, неизбежного. А жила эта девушка у маяка, и путь ее естественно проходил мимо окон поэта. Потом он часто повторяет мне, что видит вместо нашего уютного курортного поселка выжженную пустыню. Это «предвидение» Игоря Васильевича я вспомнила, когда после войны вернулась на пепелище, бывшее когда-то Усть-Наровой.

Приближалась к нашему поселку война. Немцы сбрасывают парашютные десанты в Эстонии. Идет эвакуация советских войск. Около маяка через Нарову построен понтонный мост. С грохотом движутся тяжелые орудия мимо окон Игоря Северянина. В небе появляются немецкие самолеты. Игорь Васильевич с женой перебираются на улицу Раху, в дом, принадлежащий сестрам Аннус.

В августе моему мужу позвонил из Нарвы доктор Хион*, бывший тогда народным комиссаром здравоохранения ЭССР. Он интересовался здоровьем Северянина, можно ли его эвакуировать. Как-то утром пришел взволнованный Игорь Васильевич вместе с Верой Борисовной и сообщил, что сегодня рано приезжала машина, но кто-то другой воспользовался ею.

Как теперь стало известно, Северянин писал друзьям в Ленинград, просил помочь эвакуироваться, так как самостоятельно сделать это ему было не под силу. Была ли послана машина, или только обещали и забыли, неизвестно.

Закончена эвакуация войск. Взорваны понтонный мост и маяк. Остаться дома опасно. Мы уходим в бетонный погреб, в доме по улице Вильде. Северянин укрывается в гараже дома С.М. Шкарван по улице Аяя.

Есть среди жителей убитые и раненые. Сгорели несколько домов, в том числе и дом на улице Вабадусе, где жил Игорь Васильевич.

Обстрел длился около недели. Когда все стихло, мы возвратились в свой дом, который стоял на углу Вабадусе и Партизанской. Дом цел, но он без окон и дверей*. Снаряды падали в сад. Кое-как заделываем окна и двери. И тут на пороге дома появляются Игорь Васильевич и Вера Борисовна. Он в одном пиджаке, в руках чемоданчик. Первые слова: «Все сгорело, а чемоданчик я спас, не выпускал из рук». Возбуждение его сменяется апатией. Все голодно. Я ищу в доме что-нибудь съестное. Есть немного муки, сахар. Жарю на

примусе блинчики, и мы садимся в кухне за стол. Разговор не вяжется. Всех гнетет неизвестное будущее. Затем Алексей Иванович надевает на Северянина свое пальто и ещё что-то, и они уходят в дом на улице Раху. Начинаются тревожные дни. Аресты, расстрелы без суда, у меня большие неприятности, если не сказать больше. Я почти не выхожу из дома, так как чувствую слежку. Игорь Васильевич с Верой Борисовной перебрались в комнату церковного дома на улице Поска, 32 (теперь Партизанская). У них бывает Алексей Иванович, 30-го сентября, в день моих именин я с плиточкой шоколада, которая у меня сохранилась, иду к Северянину.

В комнате деревянный стол, железная кровать, на которой лежит чем-то прикрытый Игорь Васильевич. Он не поднимается с постели. Это совершенно разбитый морально и физически человек. Не помню, что он говорил, да и говорил ли вообще.

Это моя последняя встреча с ним.

Как-то Алексей Иванович сказал, что Вера Борисовна увезла Северянина в Таллинн к родным. Это было в октябре, а в декабре его не стало.

На его могилу в Таллинне на Александровском кладбище я попала только осенью сорок пятого года. Кладбищенские деревья медленно сбрасывали свою желтую листву. Было пасмурно, туманно и тихо. В душе прозвучали слова:

День аლოსиз. Лимоннолистный лес
Драпит стволы в туманную тунику...

Комментарий

**...Северянин укрывается в гараже дома С.М. Шкарван по улице Айя — в письме к М.Петрову от 23.02.1988: «Теперь о даче Шкарван в Усть-Нарове, где в гараже спасался Северянин во время обстрела. Эммануил Шкарван был одним из директоров Кренгольмской мануфактуры. Чех по происхождению он был родом из Праги. До революции служил в Москве в представительстве Кренгольмской мануфактуры, женился на русской Софье Матвевне (...) В конце двадцатых годов они купили дачу по улице Айя. Это большая добротная дача цела и сейчас, она была национализирована и стала после войны домом отдыха для семейств работников военного завода в г.Силламяэ. При этой даче имелся небольшой домик, где Шкарваны отдыхали зимой субботу и воскресенье. Сохранился и кирпичный гараж, о котором я писала».*

**...В августе моему мужу позвонил из Нарвы доктор Хион — возможно, звонок [до 14.08.1941] был результатом визита Ю.Шумакова к председателю Президиума ВС ЭССР Йоханнесу Варесу (Барбарусу), интересовавшемуся*

здоровьем поэта. В авторизованной машинописи читаем далее: «Через пару дней взволнованный Игорь Васильевич сообщил, что рано утром, как ему передали, приезжала машина, и шофер разыскивал поэта, но кто-то другой воспользовался ею». В личной беседе с М.Петровым в 1987 году В.Круглова рассказывала: «Игорь Васильевич действительно был болен. Диагноз был таков: сердечная недостаточность. Не всё было в порядке и с легкими. Последние месяцы он либо сидел, либо лежал. Передвигался он лишь при необходимости и окончательно слег, когда в Усть-Нарву вошли немцы. Леры <Валерии Коренди> с ними уже тогда не было. Помню фразу Игоря Васильевича: "Леру удалось отправить в Таллинн". Кажется, это было еще в самом начале войны. В это время эстонское правительство находилось в Нарве. Доктор Хион, он тогда был народным комиссаром здравоохранения, позвонил моему мужу и спросил в каком состоянии Северянин и можно ли его эвакуировать. Этот звонок я очень хорошо помню, потому что была в кабинете мужа. Между прочим, они вместе с Хионом вместе учились в Тартуском университете и даже работали в анатомичке на одном трупе.

Ну это был такой официальный разговор. Мой муж описал в каком состоянии Игорь Васильевич, что он может ходить, но больше лежит, чувствует себя плохо. На этом, собственно, разговор прекратился. Этот разговор мой муж передал Северянину в тот же день - он навещал его как врач ежедневно. А перед этим, значит, приехали Шумаковы. Я их не видела и знаю только со слов, что их было трое: отец, мать и сын. Для них это был как бы этап, а так как, вероятно, в Усть-Нарве у них более близких знакомых не было, то они, значит, разыскивали Северянина.

Все это было в начале августа. Точной даты я теперь, конечно, не помню. Было ли это на следующий день после звонка Хиона, или через два дня я не могу сказать, но помню, что к нам пришли страшно взволнованные Игорь Васильевич и Вера Борисовна. Оба говорят, что рано утром приезжала машина и шофер разыскивал поэта, а уехали Шумаковы. Уехали не простясь. Я ручаюсь за эти слова, я их слышала... А потом, когда Вера Борисовна вышла в другую комнату, Игорь Васильевич уже спокойно сказал мне такую фразу: "Всё равно бы она никуда не поехала".

В личной беседе с М.Петровым Юрий Шумаков рассказал: «В Усть-Нарву мы приехали в первых числах августа. Простите, но точные

даты — это не моя стихия. Остановились в доме, где жил Игорь Васильевич. Он был болен, лежал. Мы с отцом целыми днями пропадали в Нарве: хлопотали о получении эвакуационных удостоверений. (...) В один из таких дней в Нарве я попал на прием к Барбарусу, которого хорошо знал. Я рассказал ему о бедственном положении Игоря-Северянина. Он обещал подумать, но, знаете ли, ему было не до этого. (...) Поздним вечером состоялся семейный совет. Времени на раздумья не оставалось: поезда уже не ходили, а другого транспорта не было. Я хорошо понимал, что все "прелести" пешего похода со стариками родителями лягут на мои плечи, но другого выхода не было. (...) Уходили до света. Будить Игоря-Васильевича я не решился, даже записочку не успел оставить, думал, поймет».

В письме Веры Кругловой к М.Петрову от 28.06.1987: «Через Нарову построен понтонный мост. Эвакуация сов. войск идет через Нарву и Усть-Нарву. Северянины перебираются на ул. Раху. И.В. сообщает, что к ним приехал Шумаков с семьей. Леры с ними нет. Помню его (И.В.) фразу "Леру удалось отправить в Таллинн". Не помню, когда это было. Кажется, в самом начале войны. Вообще в Усть-Нарву Лера приезжала только погостить. О Шумакове я слышала от И.В. Говорил, что тот начал перевод "Калевипоэга" на русский яз. Потом его неожиданный отъезд в данном случае, конечно, не оправдан и странен. Немудрено, что у И.В. это вызвало бурю негодований. А, если учесть, что он ждал машину, по крайней мере надеялся, что его перевезут в Ленинград, т.к. добраться иными путями в Ленинград ему было не под силу, то отсюда и уверенность, что Ш. воспользовался его машиной. Сейчас я склонна думать, что никакой машины и не было. Поговорили и забыли».

*... Дом цел, но он без окон и дверей — далее в письме В.Кругловой к М.Петрову от 28.06.1987: «Немцев не видно. Кое как заделываем окна и двери. И тут на пороге появляются И.В. с В.Б. Он в одном пиджаке, в руках чемоданчик. Первые его слова: "Все сгорело, а чемоданчик я спс, не выпуская из рук". Все голодные. Я иду, что можно поесть. Жарю на примусе блинчики., и мы все садимся в кухне за стол. Затем Ал.Ив. надевает на И.В. свое пальто, и они уходят в дом на ул.Раху. На следующий день появляются люди с белыми повязками, и напротив нашего дома открывается штаб *Omakaitse*».

*...Игорь Васильевич с Верой Борисовной перебрались в комнату церковного дома на улице Поска, 32 — далее в письме В.Кругловой к М.Петрову от 28.06.1987: «Я почти не выхожу из дома, т.к. чувствую слезку. Северянины перебрались в комнату церковного дома по улице Поска (Партизанская) № 32. У них бывает Ал.Ив. Но вот 30-авг. или 30-го сентября — не помню. Дело в том, что 30 августа мой день рождения, а 30 сентября - именины. У меня сохранилась плиточка шоколада, и я иду к ним. В комнате стол и железная

кровать, на которой лежит Иг.Вас. Он не поднимается с постели. Это совершенно разбитый нравственно и физически человек. Не помню, что он говорил, да и говорил ли вообще. Это моя последняя встреча с ним. Кажется, не в сентябре, как у меня написано, а в октябре В.Б. перевезла Северянина в Таллинн».

1998.

Вольдемар Кальюмяэ Давнее утро в доме певца Пюхйыги

В тридцатые годы известного русского поэта Игоря Северянина называли певцом Пюхйыги. Ведь поэт прожил долгие годы на северном побережье Эстонии — в Тойла. Название этой реки послужило заглавием одного из сборников стихов Игоря Северянина — Пюхайыги.

Однажды летом 1937 года автор этих строк посетил дом поэта в Тойла. Правда с самим Игорем Северяниным мне встретиться не удалось, однако посчастливилось побеседовать с женой поэта — Фелиссой Михайловной Круут-Лотарёвой.

Теперь, когда отшумело столько лет, я снова держу в руках пожелтевшие, разрозненные листки с записями, повествующими об этом литературном паломничестве. Эти заметки представляют собой своеобразное интервью, взятое мною в ту давнюю пору у жены поэта.

Мне захотелось поведать читателю о беседе с Фелиссой Круут с помощью этих моих набросков. В те далёкие дни я сумел конспективно, по свежему следу, записать свои впечатления о встрече с подругой жизни поэта. Думается, что эти записи в какой-то мере помогут тем, кто в наши дни займётся изучением жизни и творчества Игоря Северянина в Эстонии.

Я полагаю, что услышанное мною тогда от Фелиссы Михайловны, могло бы пролить свет на обстановку, в которой в те дни жил Игорь Северянин, на те трудности, которые испытывали тогда литераторы, на те радости, которые редко, но бывали в жизни поэта и верной его подруги.

Итак, вот мой рассказ, основанный на этих стародавних заметках.

«...Жена поэта, уже при встрече нашей на пороге дома, сообщает мне: «Игорь сбежал к берегам Россони, с тем, чтобы хоть немного отдохнуть и насладиться желанным покоем на лоне природы. Северянин — страстный рыболов. Рыбная ловля является одним из самых сильных увлечений поэта в летнее время, осенью, когда покой и тишина снова вступают в свои права в Тойла, Северянин работает. Однако литературный труд — отнюдь не лёгкое дело. Писатель, поэт нуждается в определённом душевном настрое... Уж очень многое обрушивается на нас повседневных забот, да и года, видимо, берут своё.

Действительность такова, что люди всё более утрачивают интерес к литературе; это большая беда для нас... Действительно, в течение последних двух лет Северянин всё меньше и меньше находит возможности для литературных занятий».

Последние слова Фелисса Михайловна произносит с горечью.

Дальнейшая наша беседа продолжает вращаться вокруг насущных забот.

Фелисса Круут — женщина с тонкой поэтической душой.

— Жизнь редко вообще, а в нашей маленькой Эстонии — в особенности, бывает чересчур чур щедро к поэтам... — устало роняет она горькие слова, — вот посмотрите, лестница у двери совсем обветшала, а крыша протекает чуть ли не в восьми местах. Но всё же, — голос поэтессы теплеет, — бросьте взгляд на поля за окном, полюбуйте на солнце и море... Иван Алексеевич Бунин в одной из своих книг говорит о счастье... Так, в чем же счастье? Быть может, оно в том, чтобы растворить окна и окинуть взором вот это поле, чтобы ощутить, что поле это моё, и в то же время знать, что оно принадлежит тому, кому доведётся скосить его на заре...

В таких тонах вела свой рассказ подруга певца Пюхайыги.

Комнатка, в которой мы находимся, обставлена весьма уютно и тщательно убрана.

Здесь нет. ничего лишнего. На стенах несколько картин кисти Кайгородова, Егорова, Вебер, стол, кушетка, несколько старых стульев. На столе ваза с цветами. Следующая комната — рабочий кабинет Игоря Северянина. Рдяные розы в вазе, украшают эту горницу, хотя цветов в летнее время в этих краях немного. По стенам — книжные полки. Преобладают книги на русском языке; многие из них далеко не новы.

— Книжные новинки нам не по карману, а подчас так хочется почитать что-либо из современных книг! — говорит Фелисса Михайловна.

На полках в рамках — несколько фотографий писателей, лица их мне знакомы. Это Х.Виснапуу, М.Ундер, В.Адамс. Несколько поодаль — Брамс. На другой стороне — фотографии русских поэтов, среди них —

Ф.Сологуб. Замечаю сборник стихов «Предцветенье» — перевод Северянина из Марие Ундер.

Разговор наш снова переходит на литературные темы.

— Как вы считаете, нужно ли владеть в совершенстве языком оригинала для того, чтобы переводить стихи?

— Конечно же... но вот Северянин... он не знает эстонского, — быстро проговаривает Фелисса Михайловна, чувствуется, что ей не хочется говорить об этом.

В комнате воцаряется молчание, я обдумываю услышанное и никак не могу себе представить, что можно выполнять переводы, не владея тем языком, с которого переводить.

— Видите ли, — продолжает Фелисса, — это я ему перевожу, уж повелось у нас издавна. Я делаю подстрочники, а Игорь облекает их в стихотворную форму. Такая совместная работа не лишена интереса

Задаю хозяйке вопрос: на сколько известна за рубежом эстонская поэзия? Подумаю немного, поэтесса отвечает, чуть улыбаясь

— В славянских странах — Болгарии, Польше и других, где мы чаще всего даём вечера поэзии, произведения эстонских поэтов достаточно знакомы истинным друзьям литературы, хотя порой и можно услышать обратные суждения, нередко мы выступаем с лекциями, посвящёнными вопросам эстонской поэзии. Игорь Васильевич свои переводы, а я вслед за ним читаю те же самые стихи по-эстонски. Ценителей поэзии постоянно восхищают эстонские стихи, красота самого звучания нашей речи... И часто мне приходится, по просьбам поклонников эстонских поэтов снова читать стихи в оригинале, это даёт публике возможность в полной мере оценить прелесть эстонского языка, его мягкую напевность. Из эстонских лириков мы чаще всего исполняем произведения М.Ундер и Х. Виснапуу.

Спрашиваю Фелиссу Михайловну: «Как прошёл юбилей Северянина?»

Моя собеседница долго хранит молчание, видимо, тема эта для неё неприятна. Пауза непозволительно затягивается. Затем, устремив пристальный взгляд на небосклон, празднично сияющий в лучах солнца, хозяйка неторопливо отвечает:

— Юбилей прошёл почти незаметно, отпраздновали его вдвоём. Были, конечно, поздравительные телеграммы от друзей из Эсто-

нии и из других краёв, но таких поздравлений было сравнительно немного.

— Вы, как видно, живёте здесь весьма уединённо... Не бывает ли вам иногда скучно? И над чем вы сейчас работаете? Готовите ли какой-либо сборник стихов?

— Для меня не существует такого понятия как скука, — перебивает Фелисса Круут с улыбкой.

— Правда иногда время тянется мучительно долго... Сколько мыслей порой теснится, в голове... Нет, я просто не в состоянии понять тех людей, которые заявляют: «Мне скучно». Я считаю, что такой человек просто пуст внутренне; он живёт лишь за счёт тех восприятий, которые получает извне.

И снова надолго замолкает подруга поэта, а затем, глядя задумчиво вдаль, продолжает:

— Если есть возможность для раздумья, на какую же скуку можно сетовать?

Собеседница моя снова замолкает, как бы собираясь с мыслями. Понимаю, что вопрос, который она мне задала, риторичен, и потому молчу. И она сама спешит ответить на него:

— Отчего все так уверены, что каждая строка, написанная поэтом, непременно должна быть напечатана? Быть может, следовало бы большую часть, явившихся из-под пера стихов сохранить лишь для себя самой? Мне приходилось встречать людей, для которых выход в свет их произведений является настоящим праздником. Мне лично претит такое отношение к собственному творчеству: возникает ощущение, будто навязываешь себя, свои стихи всем, без разбора, читателям, вешаешь им на шею. Во всём этом — что-то неискреннее. Я убеждена в своей правоте... но в то же время... на какие средства существовал бы поэт в таком случае? Разумеется, речь вдет о настоящих поэтах, о таких, которым действительно есть что сказать читателю, которых имеется за душой-нечто ценное, значительное. Жаль, очень жаль, что нельзя жить, довольствуясь лишь созерцанием красота мира. Как вы, очевидно, заметили, мы вынуждены вести жизнь более скромную, чем, скажем, местный сапожник... у нас нет ни радио, ни электричества.

Я пытаюсь направить наш разговор в несколько иное русло.

— Вы, как я слышал, уроженка Тойла?

— Да, я и родилась здесь, и провела почти всю жизнь в этом селе-нии, за исключением, конечно, тех дней и недель, когда я и муж жили за границей. Говорят, что я дочь рыбака, это не так. Отец мой был строителем: сам брал подряды на работу, сам же работы и выполнял.

Прежде чем я успеваю задать хозяйке дома новый вопрос, она добавляет:

— Но я очень люблю рыбаков, мне нравится ходить в море, закидывать сети. Но в одиночку я всё-таки никогда не решилась бы пуститься на лодке в открытое море, другое дело с рыбаками!

— Сколько в этом поэзии, — увлечённо продолжает эта необыкновенная женщина, — бурное море, волны, вздыбленные солёным ветром...

Воспользовавшись образовавшейся паузой, задаю хозяйке ещё несколько вопросов.

— Матушка моя ещё жива, — рассказывает Фелисса Михайловна. Один из моих братьев — в Советской России*.

— Ваши сёстры тоже замужем?'

— Нет. Они куда благоразумнее меня.

«Странно, однако», — думаю я про себя, услышав. из уст хозяйки столь неожиданные, слова.

— Разве, брак ваш — ошибка?

Пауза... Да, у этой хрупкой, наделённой столь ярким поэтическим даром женщины, на всё свои своеобразные твёрдые воззрения.

Она поясняет:

— Знаете ли, очень хорошо, если есть возможность как-можно реже сообразовывать собственные поступки с желаниями и поступками других людей, даже самых близких. А в браке взгляды обеих сторон должны быть в какой-то степени согласованы, во всяком случае в наиболее важных вопросах. И вот, из-за этого одной из участников такого рода союза приходится, волей-неволей, стужёвываться!

— Простите, но как-то не хочется верить, что вы — подразумеваете под этой «второй стороной» себя саму.

Обронив эту фразу, тут же думаю: не является ли заданный хозяйке вопрос своего рода вторжением в священные сферы супружеской жизни... Но мои слова оправдываются появлением в комнате третьего человека, это сын Игоря Северянина и Фелиссы Михайловны*.

— Я не умею раскаиваться, — говорит моя собеседница.

И продолжает...

— Нелегко мне бывает в полном одиночестве довольствоваться чтением какой-нибудь хорошей книги... О, как часто я брожу, полная какого-то неясного ожидания, как хочется поделиться с кем-нибудь, разделяющим то, что мне особенно западает в душу. Когда мне приходится бывать в Галлине, меня охватывает там такое чувство, будто и звёзды, и

луна там не такие, как здесь, а томятся под замком. Настолько холодно и тесно мне в столице. И всё-таки... всё-таки.

И подруга поэта рассказывает мне о том, как некогда в Тойла, тому минуло немало лет, — она впервые встретила Игоря Северянина. Поэтическая страсть, любовь к природе — вот что соединило эти две увлекающиеся творческие натуры!

И никогда уже с той поры не забыть, ни ей самой, ни Игорю Северянину трепетного переплеска вод этой быстрой реки... Святой Реки... рокота моря на побережье у Тойла... И всё это оваяно ароматом сирени.

— Двум влюблённым не обязательно владеть огромным королевством, хватит с них и совсем крошечного, — размышляет вслух хозяйка, кажется, забыв даже в эти минуты о моём, присутствии.

— И быть может это как раз ж лучше всего на свете: жить имение так, как живёшь — среди радостей и треволнений, здесь человек предстаёт во всей своей опустошённости.

— Опустошённости? — переспрашиваю я, — Зачем вы так сказали? Разве не разумнее относиться ко всему именно так, как вы говорили только что? Или вы имеете в виду, что от человека в мире, в сущности не остаётся ничего после смерти?

— Нельзя сказать, что я атеистка, временами я верю, но тут же сомневаюсь — и то, и другое одновременно. Да, после смерти — забвение. Но, вместе с тем, всё-таки хочется верить, что не каждый человек после смерти целиком канет в ничто.

Наступает долгое молчание.

— Вдумайтесь, — подаёт, наконец, голос Фелисса Круут, — сколько людей продаёт себя. Но отсюда не следует, что все люди — продажны. В этом и заключается их огромное различие.

И поэтесса вновь уходит в тягостное раздумье, не забыв о ликующем блеске солнца, о полях, колеблемых летним ветром.

Неожиданно она улыбается:

— Никогда не следует ожидать полного окончания событий. Мне думается, целесообразнее — предвосхитить это окончание, дабы избежать чего-то страшного, безобразного в отношениях людей.

Я смотрю в окно: на живописном морском побережье раскинулось рыбацкое селение. На водной глади рельефно выделяются многочисленные челноки, взмахи вёсел рассекают волны; море будто отлито из серебра.

— Вот соседи наши выстроили, высокий сарай, и он частью закрывает вид из окна. А прежде так хорошо было любоваться морем, — печалится эта удивительная женщина с такой чуткой поэтической душой.

Понимаю, что настало время уходить. На прощанье Фелисса Михайловна говорит мне, что собирается на море — сегодня она ещё не купалась.

Всё дальше отхожу от дома поэта. Иду медленно. Оглядываюсь. Дом Северянина не отличается от жилищ местных рыбаков.

Что ж, пусть я не встретил сегодня певца Пюхаййги, — я всё же побывал в его доме... оттуда так хорошо было окинуть взором лазоревые дали; я видел женщину, такую спокойную в своей беспокойной жизни, с такой пытливой, мятущейся душой! Чувствовалось: такая натура, может обрести равновесие в тесном творческом общении с родной природой.

Voldemar Kaljumäe, "Üks kaugel hommik Pühajõe lauliku kodus" (vestlus kirjaniku abikaasa Felissa Kruudiga aastast 1937) – Keel ja Kirjandus 1978, nr 5, lk 301–302. Авторизованный русский текст Юрия Шумакова.

* один из моих братьев в Советской России — красный командир Георг Круут.

* сын Игоря Северянина и Фелиссы Михайловны — Вакх Игоревич Лотарёв.

Борис Йыги **«Это было у моря, где ажурная пена...»**

Когда осенью 1966 года мне сказали, что в Нарву приехала Вера Борисовна Коренди, вдова поэта, и имеет желание встретиться со мной, я, признаться, поначалу испугался, потому что на протяжении двух десятков лет только изредка вспоминал об Игоре Северянине. Ведь всё было в прошлом. Стальная метла войны изменила жизнь почти до неузнаваемости, родные селения смела с лица земли и сожгла очаги, а людей — близких, родных и знакомых в лучшем случае развеяла по лицу земли, а в худшем, и таких случаев больше, вычеркнула из списка «иных»

Встреча состоялась. Вера Борисовна сказала, что она сразу узнала меня, что хорошо меня помнит.

А я, к стыду своему, её не узнал, и только потом, в процессе беседы, в памяти моей возникли образы прошлого.

Вера Борисовна преследовала такие цели: весной 1967 года в Таллинне намечалось провести юбилейный вечер памяти покойного поэта, и она пригласила меня на это торжество. Она хотела, чтобы я на этом вечере выступил и рассказал о моём знакомстве и встречах с Игорем Васильевичем.

Она же предупредила, что текст моего выступления должен быть заранее представлен организационному комитету юбилейного торжества для ознакомления.

Нам не хотелось расставаться. Уже солнце утонуло в водах Финского залива, уже высоко-высоко в небе воздух менял свою окраску, становясь то жёлтым, то зелёным, то, отражая багрянец пурпура; уже над лугами поднимался лёгкий туман и кричали наперебой коростели, а от деревни шёл запах тепла домашних очагов, дыма и парного молока, уже крестьяне укладывались на покой и веяло приближением ночной прохлады, а мы всё сидели и не могли разойтись.

Было лето 1940 года: лето становления Советской власти в Эстонии.

Игорь Васильевич искренне приветствовал это историческое событие такими словами:

Шестнадцатиреспубличный Союз,
Опередивший все края вселенной,
Олимп воистину свободных муз, —
Пою тебя душою вдохновенной.
Ведь ты — мечта всемирной бедноты
А ты, все это знают, в мыслях с нею...*

И в то же время его тревожила мысль: как поступят с ним, оставившим пределы Родины в смутные дни революционных событий 1917-1918 годов.

Он говорил о затруднениях мне, простому деревенскому парню, совершенно не искущённому в вопросах политики, как будто я мог доказать что-нибудь определённое в его неопределённом положении.

Время стёрло из моей памяти подробности нашего разговора, но помню я одно, что успокаивал его как мог и умел.

Потом я сел в лодку и поплыл к себе домой, а он остался стоять на берегу один, высокий, худой, с бледным неподвижным лицом,

В жизни людей бывают разные неподвижные случаи. Казалось бы, что могло быть общего между нами? Он — эстетствующий эгофутурист,

до мозга костей пропитанный чем-то таким особенным, чего я никак не понять тогда и теперь, и я — соль земли, чуждый всяких утонченностей, крестьянин.

Это произошло весной 1938 года.

У порога нашей венкульской* продуктовой лавочки, как всегда, вечером, собрались мужички. Покуривали. Беседовали. И вдруг из-за церкви появился высокий незнакомец. Он шёл медленным широким шагом. Зашёл в лавку и вскоре вышел. И тут я впервые услышал его голос — голос Игоря Северянина.

Кому-то из мужичков не вытерпелось высказать вслух мысль, что вот это «местный поэт Игорь Северянин». Фраза эта была сказана достаточно громко, и она остановила Игоря Васильевича.

Посмотрев на всех нас с высоты своего большого роста, он резко бросил:

— Не местный, а вселенский! — и пошёл.

Потом круто повернулся и сказал: — А вы-то понимаете, что значит «вселенский?» — и снова пошёл, медленно, широко шагая своей дорогой.

В тридцатых годах в русских деревнях Принаровья и, в частности, в нашей деревне Венкуль, активно функционировали русские Культурно-просветительные общества. Я был одним из активных членов общества, носившего прекрасное имя «Заря». Я был библиотекарем общества. В библиотеке было около двух тысяч томов книг, преимущественно классиков русской и мировой литературы.

Были в библиотеке и книги Игоря Северянина: «Громкокипящий кубок», «Златолира», «Ананасы в шампанском», «Поэты Эстонии» и ещё что-то, чего я уже сейчас, уже не помню. Я читал эти книги, и признаться многого не понимал из-за вычурности языка, каким книги были написаны.

Я, вот, теперь, когда я увидел и узнал, что Игорь Северянин живёт рядом, в соседней деревне Саркуль, я решил во что бы то ни стало пойти к нему и познакомиться с ним.

Несколько раз я приходил к нему и всё напрасно: дверь на замке. Соседи же говорят одно: — Ищи на реке. Рыбу удит.

Потом однажды вечером к нам зашла незнакомая средних лет женщина и сказала, что хозяйка квартиры говорила им о моих неоднократных визитах и, что Игорь Васильевич просит меня зайти к нему. Воспользовавшись случаем, я сразу пошёл. По дороге выведал, что незнакомку зовут Верой Борисовной и что она является женой Игоря Васильевича.

Уже в первый вечер нашего знакомства мы пили чай, вскипячённый на керосинке радушными хозяевами. И хотя беседа вязалась, Игорь Васильевич сумел узнать, кто я и что из себя представляю. На прощанье он сказал, чтобы я заходил к нему запросто.

Время бежало незаметно. Я заходил к Игорю Васильевичу. И чем чаще становились мои посещения, тем больше и больше меня влекло к этому большому, интересному человеку.

К осени я уже не был таким застенчивым, каким был при первой встрече. Наши беседы текли свободно и непринуждённо, как будто мы знали друг друга много лет.

Игорь Васильевич был замечательным рассказчиком. Им была написана небольшая книга сонетов «Медальоны», которую он мне потом подарил на память и которую в годы войны я не сумел сохранить.

Усевшись поудобнее на стуле, он раскрывал её, и смотря поверх книги на память читал:

Он в жизнь вбежал рязанским простаком,
Голубоглазым, кудреватым, русым,
С задорным носом и весёлым вкусом,
К уладам жизни солнышком влеком.
<Сонет «Есенин» в сборнике «Медальоны».>

И, отдавшись весь воспоминаниям, он говорил о Сергее Есенине, говорил много, интересно, постепенно переходя на других — на Брюсова, Блока, Маяковского, Гумилёва ... на тех, с кем прошли лучшие годы его жизни и которых уже не было рядом с ним.

А я, зачарованный его рассказом, сидел и слушал, не замечая времени и мне было с ним так хорошо!

Иногда, заходя к Игорю Васильевичу, я заставал его среди незнакомых мне людей, по всей вероятности, хороших его друзей. Разговоры велись тогда совсем в другом плане. Разгорячённые вином, все о чём-то спорили не соглашаясь друг с другом, доказывали друг другу что-то известное только им.

А я сидел з сторонке, чувствуя себя лишним и старался уйти незаметно, чтобы не мешать им.

Так проходило время. Игорь Васильевич жил своей жизнью. Целыми днями он пропадал, на реке с удочками, в лодочке со звонким именем «Дрина» — именем, привезённым на память из Югославии, с берегов солнечной Адриатики. Был клёв или не было клёва, фигура рыбака часами могла оставаться неподвижной. И здесь же, в лодке, только на другом конце её, сидела его жена, такая же застывшая, тихая.

Было ли другое времяпровождение у поэта, кроме рыбной ловли, я, право, затрудняюсь сказать. Дома я его никогда не заставал за письменным столом. Думаю, что буду прав, если скажу, что в конце тридцатых годов поэт испытывал период упадка творческих сил.

Однажды помню отчётливо, что это было в первых числах октября 1939 года, жестокий шторм налетел с северо-запада, и наша тихая и смиренная Россонь, выйдя из берегов, залила луга.

Мы с Игорем Васильевичем сидели у окна и смотрели на разбушевавшуюся стихию. А потом он предложил мне пойти на берег моря.

Дорога шла сосновым бором, и мы шли, почти не разговаривая.

Море было великолепно! Всё в пене и брызгах огромных волн, оно со страшным грохотом яростно атаковало подножья прибрежных дюн. Ветер рвал и метал, и было странно видеть, что редкие облака на ясном синезелёном небе, так медленно бегут туда, за разметающийся в шуме и вихре сосновый лес. И тут случилось то, чего я никак не мог ожидать. Подняв большие руки навстречу ветру и морю, Игорь Васильевич начал читать, была ли это импровизация или ранее написанное им, я не знаю. Знаю только одно, что в это время меня рядом с ним не было. Он был один во власти охватившего его порыва. Наверное, он чувствовал себя таким же сильным, как шторм на море и с ним он разговаривал, как разговаривают только с равными.

Я не знал, что мне делать, мне было жутко: первый раз в жизни я видел человека в состоянии экстаза.

Время отсчитывало дни, недели, месяцы...

Постепенно я узнал, что Игорь Васильевич испытывает постоянную нужду*.

Уже хозяин Венкульской лавочки вслух начал поговаривать, что Игорь Васильевич задолжал ему порядочную сумму. Жизнь была удивительно прозаична. Спрос на поэтов, тем более на русских, в Эстонии был мал. Чувствовалась явная неувязка заявления поэта

— Я гений — Игорь Северянин...

Действительность никаких гениев не признавала!

Как-то Игорь Васильевич сказал мне, что было бы для него неплохо организовать при венкульском Народном доме вечер его творчества. При этом он пояснил, что будет читать преимущественно переведённые на русский язык стихотворения эстонских поэтов.

Он подчеркнул, что для него очень важно сейчас провести такой вечер, так как именно переводы являются для него в настоящее время источником существования.

Такой вечер-воскресник состоялся в одно из воскресений февраля 1940 года. <Вечера в Саркуле и Венкуле относятся к 1939 году.>

Народу в зале народного дома собралось много: старые и малые, но в основном, молодёжь. Игорь Васильевич сначала сделал доклад о творчестве эстонских поэтов, а потом читал переведённые им стихи.

Когда он уже хотел объявить о том, что программа закончена, из зала прозвучали дружные голоса, просящие поэта прочитать своё, оригинальное! И он начал читать:

Моя земля! любовью ты жива!
Моя любовь! ты вскормлена землёю!
Ты каждый год по-вешнему нова,
Сверкающие утренней зарёю!
Пою тебе хвалебные слова!

<«Квинтина II» в сборнике «Вервэна».>

Прочитав несколько стихотворений вдохновенно, с подъёмом, он полностью овладел аудиторией.

Я смотрел на него, на его протянутые вперёд большие руки, на его озарённое внутренним светом лицо и думал о том, как странно складываются человеческие судьбы. Вот он — кумир петербургских салонов /аристократических/ читает свои стихи перед простыми крестьянами. А думал ли он, что так получится в его жизни? Предполагал ли он, что им, этим полуграмотным крестьянам в настоящее время обязан куском хлеба.

Шёл 1940 год. Я всё реже и реже встречался с Игорем Васильевичем. Он жил в Усть-Нарове, но бывал в Саркуле на своих заповедных «тонах». <затонах?>

В 1940 году другие события захлестнули всех нас: к нам пришла советская власть:

Нет, я не беженец, нет, я не эмигрант...
Мне не в чём каяться, Россия пред тобой!
Не предавал тебя ни мыслью, ни душой,
А если в чуждый край физически ушёл,
Давно уж понял я, как то не хорошо...*

Потом началась Великая Отечественная война и когда я через пять лет вновь вернулся к родным, сожжённым в пепел неистовым врагом, пенатам, узнал, что Игорь Васильевич умер и похоронен на кладбище в городе Таллинне.

Прошло 25 лет со дня его смерти. Я посетил его могилу осенью 1966 года.

Дул порывистый северо-западный ветер. Кружились и падали на могилу, поэта жёлтые кленовые листья, покрывая скромное надгробие со словами:

Как хороши, как свежи будут розы,
Моей страной мне брошенные в гроб...

И вспомнился он мне опять таким, каким я его видел в последний раз — одиноким, высоким и худым, с бледным лицом подвижника. И подумалось мне, что пришла, наконец, пора признать этого большого, самолюбивого русского поэта и от имени его страны — России, положить на его могилу живые цветы.

Прошло ещё 15 лет. Наступил 1982 год снова мою душу и сердце тревожат воспоминания об Игоре Васильевиче Северянине. Я читаю опубликованную в III томе «Литературного наследия»...

<Далее автор цитирует письма Игоря-Северянина Сергею Рахманинову.)

Мысли, как тяжёлые мельничные жернова, крутятся в моей голове, Я напрягаю память и стараюсь осмыслить положение Игоря Васильевича Северянина после того, как он оказался за пределами Родины.

Я задаю себе вопрос: а если бы Игорь Васильевич не оказался за рубежом?

И сам себе отвечаю на этот вопрос: он, будучи дома, чувствовал себя не лучше, чем за рубежом. Почему: я прихожу к такому выводу?

Не мудрствуя лукаво, думаю, что с Великой Октябрьской Социалистической революцией Игорь Северянин как большой, самобытный русский поэт умер.

Некоторые ревнители новой пролетарской культуры просто не потерпели бы его своей среде: уж слишком он был самостоятельным. Его «Эго», т.е., утверждение личности, понимали и принимали «уходящие люди», теперь не понималось и просто стало нетерпимым среди «человеков».

Игорь Васильевич в своём творчестве никому не подражал: у него было своё личное кредо, свои критерии на поэзию. Увы, неприемлемые теперь, при новых обстоятельствах.

И здесь за рубежом Игорь Васильевич медленно умирал от разлуки по Родине: умирал от муки невозможности говорить, умирал от одиночества.

У Игоря Северянина была своя Голгофа, и я встретился с ним тогда, когда он уже был на вершине этого холма страданий.

Игорь Северянин пережил многих больших и самобытных русских поэтов и прозаиков. Наверное, не стоит перечислять имена тех, кто после грозных революционных событий остались дома, найдя в себе сил изменить своим взглядам на искусство и литературу; отстаивающих своё личное. Гонимые неистовыми ревнителями новой пролетарской культуры, — спивались, накладывали на себя руки или умирали в местах отдалённых как враги народа, не будучи таковыми.

Теперь, правда, ещё робко, но пересматриваются ценности нашего литературного наследия. Имя Игоря Северянина, как самобытного русского поэта, который никогда ни камнем, ни комом грязи не бросил в лицо Родины, подняли на щит: его, правда, небольшое количество стихотворений поместили в один из томов 200-томной библиотеки мировой классики» Издали отдельный сборник избранных произведений ранних лет его творчества, который разошёлся раньше, чем успел появиться на прилавках магазинов и сразу же стал библиографической редкостью.

И мне радостно, что имя его живёт и будет жить!

И мне грустно, до боли грустно за того Игоря Северянина, которого я видел в последний раз в тёплый, поздний июльский вечер 1940 года на берегу тихоструйной Россони, — в тоске неведения, старого, высокого, с худым, бледным лицом подвижника.

1967-1982 г.г.

Борис Константинович Ёйги (Емельянов, 1915 - ?) уроженец села Венкуль, ветеран Великой Отечественной войны, призван в 1941 году, уволен в запас в звании капитана в 1953 году; автор книги «Пласты истории села Венкуль, сиречь Наровского, с незапамятных времён по настоящее...» (СПб, «Реноме», 2011)

* *Венкуль* — деревня на Россони напротив деревни Саркуль, где поэт снимал квартиру (дом), ныне на территории России.

* Цитата из стихотворения «Привет Союзу!» 28 июля 1940. Правильно:

Шестнадцатиреспубличный Союз,
Опередивший все края вселенной,
Олимп воистину свободных муз,
Пою тебя душою вдохновенной!

Нью-Йорк, Берлин, и Лондон, и Париж
Перед твоим задумались массивом.
Уж четверть века ты стоишь
К себе влекущим, грозным и красивым.

И с каждым днём ты крепнешь и растёшь,
Все новые сердца объединяя.
О, как ты человечески хорош,
Союз Любви, страна моя родная!

И как я горд, и как безбрежно рад,
Что все твои республики стальные,
Что все твои пятнадцать остальные
В конце концов мой создал Ленинград,
И первую из них была — Россия!

* ...испытывает постоянную нужду — сравни с фразой В.Коренди из заявления в литературный музей «тогда у нас не было ни нужды, ни долгов».

* Цитата из стихотворения «Наболевшее», 1939:

Нет, я не беженец, и я не эмигрант, —
Тебе, родительница, русский мой талант,
И вся душа моя, вся мысль моя верна
Тебе, на жизнь меня обрѣкшая страна!..

Мне не в чём каяться, Россия, пред тобой:
Не предавал тебя ни мыслью, ни душой,
А если в чуждый край физически ушёл,
Давно уж понял я как то нехорошо...

Страх перед голодом за мать и за семью
Заставил Родину меня забыть мою,
А тут вдобавок роковая эта лень,
Так год за годом шёл, со днём сливался день.

Домой вернуться бы: не очень сладко тут.
Да только дома мой поступок как поймут?
Как объяснят его? Неловко как-то – ах,
Ведь столько лет, ведь столько лет я был в бегах!

Из ложной гордости, из ложного стыда
Я сам лишил себя живящего труда –
Труда строительства – и жил как бы во сне,
От счастья творческой работы в стороне.

Мне не в чём каяться, и все же каюсь я:
Меня не ценят зарубежные края.
Здесь вдохновенность обрекается на склеп.
Здесь в горле застревает горький хлеб.

Я смалодушничал, – и вот мне поделом:
Поэту ль в мире жить, пригодном лишь на слом?
За опрометчивый, неосторожный шаг
Уже пришиблена навек моя душа.

И уж не поздно ли вернуться по домам,
Когда я сам уже давным-давно не сам,
Когда чужбина доконала мысль мою, –
И как, Россия, я тебе и что спою?

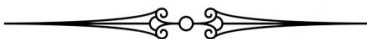

Фото Алексея Круглова. Усть-Нарва. 1939 год.

Опись имущества, сгоревшего летом 1941 года в Усть-Нарве
в доме на Вабадусе. 3.

10.

Спальня.

Образ Св. Николая. Мидомма.
Кровать. Малиновые одеяло. Голубое одеяло.
Белые одеяло. В пуховыйка накладка. 3 подушки.
Диванов 2.
Полка стелаж.
Шуфлет.
Столик круглый.
Стенные ковры 3.
Ковер. Головной.
Лавка с велм. абачуром.
Котик.
Шкаф.
Зеркало 3.
Подсвеч. 2.
Подушки диванные 2.
Портбума.
Шошва.
Б. полка.
М. палочка.
Замавеска на шкаф.
Веш.
Завеш. куртки: 1.) Буровая. 2.) Беловидная.
3.) Кружез (ребенка) 4.) Ажур в пуховыйка. 5.) Рисунок
В рамках: Ажур и шва.
2 кот. чашка.
Вешалка на лавка с красн. и шва. ширинками.
Котик горюет. Замавеска на шкаф.
Красная шва Ажур.
Фрагменты: 1.) Белая шва. 2.) Шва. ширинки. 3.) Б. шва шва.
4.) Шва. ширинки. 3 шва. Вешалка на лавка с
Кружез.

9.

Кабинет.

Офис канцелярии

Чортберсы 4.

Чюльски 3.

Б. паркы кихел. 4.

М. паркы кихел. 3.

Диванов 2.

Стол большой. Скатерть.

Книжный шкаф стогоид.

Будетель.

Числ. стол.

Локс-шеув 2.

Столаши для перепл. 4.

Стулбев 4.

Подставка для ваз 3.

3 этажерки.

Кихел. поднос.

Кихел. судок.

4 стола.

4 б. ящики.

4 футера.

7 ящик ординарн.

Стол папиер.

2 француз. ящика.

Портсиз. Лужа.

Белый стили с подстоса-
шени.

6 стаканов.

6 чашек и 6 вилоч

с белой рудой.

Поднос кюринский.

Кубка кихел.

1 перилауф. ложка для сахара.

Посуда - "муравер".

Молокош.

Сливочн.

Сарушима.

Тайн.

Мисеина.

Сарушима.

Блюдо.

Селедокима.

Селедокима.

Б. тарелки 4.

М. тарелки 4.

Б. тарелки с белой серд. 3.

М. тар. с белой серд. 1.

Б. кружки 4.

Средн. кружки 1.

М. кружки 1.

Тайн. тарелка 1.

Дернел тарелка 5.

Шесть тарелок для в воду.

Мел. тарелки 6.

Индийский тайн.

3 круглой ваз.

4 переплени.

Вагонка 2.

Вулмен. тунассий.

4

4а

"Одежда" из Канзас.

Зеленая крутая поджуха.

Зеленая поджуха с желтой. Коммультив.

Коричневая поджуха.

Индонезия (Клифтонская) поджуха мажас.

Ковер.

6 боловчатков.

Зеленые Картошки:

1.) Тереза. 2.) Горький. 3.) Мясковский. 4.) Бульвар.

5.) Лордсбург. 6.) Риббингс. 7.) Римский. 8.) Угренев.

9.) Вулкан. 10.) Стрелкович. 11.) Лиза. 12.) Сельская.

13.) Картина Европа. 14.) Перел. 15.) Туринская.

16.) Гиллет с Вулканом. 17.) Любимский. 18.) Алескина.

19.) Воякашова. 20.) Ветра. 21.) Сталла. 22.) А. Булетин.

23.) Санктский.

Картошки в рамках:

1, 2, 3, 4, 5 — Зелена. 6.) Голубая. 7.) Синяя. 8.) Коричневая.

9.) Кожа. 10.) Гиллетов. 11.) Кукис.

Кожина на стене.

Шляпка с павлином.

Мушкетеры.

Зеленый. Маленький. Крутой. Голубой (пестрый).

Котби моч.

Синий. Зеленой с Воякашова.

Зеленой с павлином.

Лавна Воякашова с Кожина. Абажуром.

Лавна Кукис. с зеленым абажуром.

Трудосила.

Трава ду Воякашова.

Фото в столе.

За со.

Книжи.

ЗАВЕЩАНИЯ

Все, в моей квартире на Табалидзе, 3 в
Катма-Юзеши находившееся, включая все книги
и рукописи, принадлежащие Угурь Борисовне
Коренди (без права кому-либо передачи), это я
и удостоверяю своим подписью.

Катма-Юзеши.

9 марта 1940 года.

Угурь-Эфендиши (Потариш.)

БЛАНК СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ ЭССР: ТАЛИН, УЛ. КИНГА, 1; ТЕЛ. 316-53

№ 266

23 августа 1946

СПРАВКА

Данна Вере Борисовне КОРЕНДИ, проживающей в г. Таллин, Ниние, ул.
Нурме, д. № 23, в том, что она, как жена поэта ИГОРЯ СЕВЕРЯНИНА /ЛОТА-
РЕВА/, имеет право на получение гонорара за произведения И. Северянина
для представления в Издательство.

ОТЪ. СЕКРЕТАРЬ ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ ЭССР

/подпись/ П. ВИЙДИНГ.

ПЕЧАТЬ
СОЮЗА
СОВЕТСКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ
ЭССР

Вере Юзеши

Еще раз подтверждено, что все мои рукописи, книги, космические вещи и вся обстановка квартиры в Нарва-Уоэди, Takaduse, 3 принадлежат после моего исключительно полной цене по советам Вере Борисовне Коренди. Прошу ее никому этих вещей не уступать и с претендующими на них судиться по всем инстанциям.

Игорь Стефанович
(Лотарел).

Caide,

25 октября 1940.

Свидетельствую, что я, нижеподписавшаяся, являюсь членом совета советских писателей, В. Селиван Александрович Рашдвалевский (Рашдвалевский) (Рашдвалевский, Петриновский, 53, кв. 49) и Георгий Армадович Искендерян (Искендерян, 1, Мелуанская, 53, кв. 22) свидетелем в том, что вышеупомянутые Игорь Стефанович Лотарел и подписан

собственноручно казначейши Иларию
Савранкиной (Иларию Васильевну или
Литвиной), чтоб пошла на работу из
восточной части страны и лично передала.

Всеволод Ротдественский
Таштамак
Георгий Шендеров,

Таштамак 17/VIII 1946 г.

Собственноручные подписи
Всеволода Ротдественского и Георгия
Шендера заверяю:

Т. В. Вильямов
Зам. секретаря Союза Советов
Таштамак

2. Таштамак, 17 VIII 1946

Котья

Еще раз подтверждаю, что все мои рукописи, книги, новы-
ные вещи и вся обстановка квартиры в Narva-Jõesuu,
Vaivadiise, 3 принадлежат после моего исключения
моей жене по совести Вере Борисовне Коренди.

Прошу ее никак эти вещи не уступать и с претендующими
на них судиться по всем инстанциям.

Raide,

25 октября 1940 г.

Игорь Северянин
(Лотарев)

Мы, нижеподписавшиеся, члены Союза советских писателей
Всеволод Александрович Рождественский (Ленинград, Митейный
33, кв. 40) и Георгий Аркадьевич Шенгели (Москва, Мещан-
ская, 55 кв. 22) свидетельствуем, что вышеизложенный текст
кашсан и чадисан собственноручно покойным Игорем
Северянином (Игорь Васильевичем Лотаревым), кем поэт
нам хорошо известен по нашей с ним личной переписке.

Всеволод Рождественский
Шалли 17/VIII 46
Георгий Шенгели
Шалли 17/VIII 1946 г.

Собственноручное подтверждение Всеволода Рождественского
и Георгия Шенгели заверяют: П. Вилдманг

Отв. секретарь Союза Советских Писателей

П. Шалли, 17. VIII. 1946 г.

Достоини

Печать

Котья верна

С П Р А В К А

Я, нижеподписавшийся, член Союза Советских писателей ШЕНГЕЛИ Георгий Аркадьевич, проживавший в Москве, I-я Межанская, 55, кв. 22, настоящим подтверждаю, что гр. КОРЕНДИ Вера Борисовна, проживающая в настоящее время в Эстонии, станция Нымме, ул. Нурме, 23, кв. I, является вдовой известного русского поэта ИГОРЯ СЕВЕРЯНИНА /Игоря Васильевича ЛОТАРЕВА/, с которым я был связан дружбой и литературным сотрудничеством начиная с 1915 года.

В 1940 г., по вступлении Эстонии в СССР, я возобновил переписку с Северянином, и он, в одном из первых писем, излагая события своей жизни за последние годы, сообщил мне, что в 1931 г. расстался со своей женой Марией Васильевной Волянской-Домбровской /которую я знал лично/, женился на Фелиссе Михайловне Крут, эстонской поэтессе, с которой расстался в свою очередь, женившись на Вере Борисовне Коренди. Северянин писал шутливо, что первые его браки были "на черном", а этот последний "на белом", окончательно, и надлежащим образом оформлен. Имел ли в виду Северянин здесь церковное венчание или гражданскую регистрацию брака, -- мне неизвестно. Вскоре я получил, в одном конверте с письмом Северянина, и письмо В.Б. Коренди, а в 1946 г., в бытность мою в Таллине, состоялось и личное мое с В.Б. Коренди знакомство.

Г. Шенгели

Москва, 8/IX 1952.

ШЕНГЕЛИ Георгий Аркадьевич
Москва, I-я Межанская, кв. 22

rF